

Мирра Света

10.0008.000101

Margari
Laiser

Шестьдесят лет назад Джевелия с помощью Мариэль свергла зло. Но со временем герои уходят на покой, а их подвиги забываются народом. И кто-то намеревается напомнить людям за что боролись их деды и прадеды. Мариэль предстоит раскрыть великую тайну, которую земли Джевелии тщательно скрывали от своего народа. Но взамен ей придется заплатить очень высокую цену.

Глава 1. 60 лет спустя

Когда-то давно на территории Джсевелии.

Город Лэ-Мюйаф — столица королевства, название и которого никто не помнит.

— Эльфы идут с востока. Мы зажаты в кольцо, ваша светлость. Что прикажете предпринять?

— Люди, эльфы, гномы... — Тихо рассуждал седой правитель, восседая на холодном троне. — Все они идут сюда. И обнаружив наши плодородные земли, станут их делить меж собой, не взирая на то, что они уже заняты нами. Так предсказывали мудрецы и пророчества сбываются. Будет кровопролитная война.

— Вы уверены, ваша светлость? Эльфы миролюбивый народ, им противна одна лишь мысль об убийстве, они не станут развязывать войну. Людей из Фрикарда слишком мало. За Косом — предателем крови не последует много народа. Он изгой и неудачник, ему не хватит мощи, что бы осмелиться напасть на нас. А гномы...

— Гномы алчны и хорошо вооружены, в то время, как у нас нет ни единого оружейного мастера и тем более воина. У королевича Фрикарда на столько гнилое сердце, что он задумал убийство брата, думаешь он станет колебаться, если увидит хорошие земли и невооруженный народ, что живет на нем и не умеет защищаться? А эльфам эта земля указана древними рунами. Земля, что лежит меж горами, пиками своими касающимися неба, и морем. — Король замолк, обдумывая собственные слова и давая время обдумать их своим подданным. Он сидел, облокотив подбородок на руку, поглаживая пальцами седую бороду. — Нам следует покинуть свои дома. — Наконец сказал он.

«Просто так сбежать, оставить свои гнезда, позволить чужакам крушить и грабить все, что мы строили с таким трудом и любовью?!»- зарычал дракон, оскалив острые, как бритва, зубы.

— Нам не выстоять в грядущей войне. — Прохрипел король в ответ. — Если останемся, наш народ будет обречен на вымирание. Целая раса будет стерта с лица земли. Мы последние потомки Ниледерфа. Мы найдем другой способ выжить. Война — не наш метод. Мы не владеем оружием.

«Ваше оружие рождается вместе с вами!»

— Нет. Этот дар не предназначен для войны. Мир и согласие прописаны в нашем кодексе. Нам запрещено святыми предками вступать в кровопролитные споры.

— При всем уважении, ваша светлость, — вступил в беседу член королевского совета. — Не стоит ли нам преступить законы наших предков? Это наша земля и наш дом. В конце концов, мы заняли ее задолго до прихода чужаков. Наше право первенства.

— А может и не придется уходить? — робко предположил третий член совета. — Может, они увидят, что земля занята и уйдут? Может стоит предложить им теплый прием, открыть врата и...

— И угостить их ядом. — Перебил его советник, предлагающий преступить законы.

— Я имел в виду решить все по-хорошему.

— Да, все мы знаем, что ты имел в виду. Только, ради святого Ниледерфа, не будь наивен, словно малое дитя. Если мы окажем им теплый прием, они перережут нас во сне.

— Мы этого не знаем. — Стоял на своем третий советник.

— Довольно! — Король никогда не повышал тона. И сейчас его голос был тих, но грозен. Лишь тон выдавал его раздражение, вид же правителя был скорее усталым и подавленным. — Хотел бы я, что бы все было, как ты говоришь, Нобелир. Но я не стану рисковать своим народом. — От правителя не утаились блестящие глаза, воинственно настроенного, советника. — Если бы все мы обладали бессмертием, коим обладаешь ты, Гален, я бы мог рассматривать вариант войны. Но это не так, а потому мы уйдем. Тех, кто останется, ждет участь рабов или мертвецов. Уж лучше запомниться потомкам, как беглецы, чем не иметь потомков вовсе. Вот мой приказ: Объявляйте народу сбор. Мы уплываем за море через две недели.

Все присутствующие, за исключением дракона и летописца, с поклоном удалились исполнять приказ.

Молдобад недовольно, почти свирепо, раздул ноздри и выпустил клубы дыма с тонкими язычками пламени.

«Мы не полетим с вами. В горах Фусатротом придется оставить слишком много яиц. И наши детеныши, что еще не способны летать, не перенесут такого перелета. Не известно как далеко за морем найдется подходящий остров или материк. Мы остаемся и будем защищать наши гнезда».

Прорычав свой ответ, он сверкнул бриллиантовой чешуей, и улетел. Король вымученно вздохнул, опустив плечи. Воцарилась тишина, только перо летописца тихо скребло по бумаге.

«Мы вынуждены покинуть страну. Таков вердикт короля Нимхроса. Однако, Молдобад воспротивился его решению. Драконы будут защищать свои горы, чем обрекут себя на вымирание. Но наш с ними союз не разорван...» — несколько следующих строк были смазаны. Прочитать их было не возможно, зато последние строки, явно написанные другой рукой, вызывали интерес.:

«Настал последний день великого переселения народа Ниледерфа. Хоть наше королевство и славилось своим флотом, кораблей на всех не хватило. Я, король Нимхрос, покидаю наш общий дом последним. Меня ждет последний корабль, на нем я увезу всех желающих, кого вместит это судно. Тех же, кому не осталось места, я с грустью оставляю с теми, кто отказался уходить по своей воле.

Более двух сотен драконов не признали Молдобада вождем и последовали за нашими кораблями. И менее сотни остались в горах. Из них лишь пять десятков взрослых, умеющих выдыхать огонь, три десятка, только научившихся летать, а остальные — детеныши, да яйца. Расставание с ними причиняет мне невыносимую боль. Это невозполнимая утрата. Но мы вернемся. Когда настанет час. И, надеюсь, еще увидимся со старыми друзьями...»

В комнату ворвался ветер, распахнув окно и загасив огонь в камине. Сразу стало зябко. Мариэль приподнялась с дивана, что бы закрыть ставни. На ее плечи мягко легли руки Фаолина. Под их нежным давлением, Мариэль снова села. Эльф сам закрыл окно, разжег огонь в камине. Укутал Мариэль в плед и опустился рядом, ласково обняв ее. Мариэль отложила старую бумагу и потерлась щекой о плечо принца. Своего принца.

— Узнала что-то интересное? — поинтересовался он, прикрыв глаза.

— Кое-что действительно тут есть. Они называли себя потомками Великого Ниледерфа, кем бы он нибыл. Белые горы именовали Фусатротомом. Имя последнего короля,

правившего на этой территории — Нимхрос. И, что самое интересное, это была совершенно другая раса, которая обладала особыми способностями, о которых тут не сказано, и некоторые из них были бессмертны. И они действительно были мирным народом, не владеющим искусством войны, потому и сбежали за море. Надеюсь, в других летописях будет больше информации...

— Не живется тебе спокойно. — Ласково укорил ее Фаолин. Она чувствовала его теплое дыхание на шее. Он почти касался ее губами.

За стенами дома бушевал шторм. Ревело, взволновавшееся море. Хлестал дождь. Волны высотой с десятков метров, обрушивались на берег, разбивались о скалы. Но не добирались до особняка, расположенного на безопасном расстоянии.

Мариэль привыкла к морской погоде. После жарких, порой даже душных дней, всегда набегали тучи, и поднимался ветер.

Рука Фаолина легла на округлившийся животик Мариэль. словно почувствовав прикосновение отца, малыш уперся маленькой ручкой в его ладонь. Мариэль умиленно улыбнулась. Всего через три месяца на свет должен был появиться маленький наследник эльфийского престола. В том, что это будет непременно мальчик, никто не сомневался. Мариэль чувствовала это и точно знала.

Фаолин крепче обнял ее.

— Что ты хочешь на ужин? — спросила она почти шепотом.

— Даже и не думай. Я сам приготовлю.

— Подумать только, сам принц Джевелии готовит мне ужин...

— Все никак не можешь привыкнуть? Между прочим, ты уже несколько десятков лет как принцесса.

— Поэтому я должна умирать от безделья, пока мой муж делает мою работу?

— Хорошо, приготовим вместе. Но к ножам и огню ты не подойдешь.

— Компромисс, мне это нравится. Чем занята Дэйли?

— Сочиняет. Ты знаешь как такая погода влияет на ее вдохновение.

Естественно Мариэль знала о пристрастии дочери к поэзии. И была рада, что умение складывать рифмы она унаследовала от Фаолина. Потому как самой ей это никогда не удавалось.

В прочем, Дэйелис во многом походила на отца. Даже внешне: те же густые черные волосы, прямыми локонами спадающие на спину. Тот же изгиб бровей и форма губ. От матери ей достался только аккуратный носик и голубизна глаз, раскосая форма которых все равно была унаследована от Фаолина.

Девочка росла медленно, как и все эльфийские дети. И сейчас, в свои тридцать два года, Дэйелис считалась подростком. Она не доставляла родителям хлопот и трудностей. Ее переходный возраст протекал гладко. Свои капризы и желания, если они и были, девочка выражала в самой приятной форме. Родители сильно не ограничивали ее в своих желаниях. Дэйли послушная и добрая девочка, но и не безвольная. Фаолин воспитал в ней твердость намерений, решимость и силу воли. А Мариэль привила любовь к искусству и окружающему миру. Дочь во всем старалась ей подражать.

Будучи еще малым ребенком, Дэйли играла с внуками Валсидала и Валсомира, когда Мариэль брала ее собой к ним в гости. Но те слишком быстро выросли и Дейли осталась без друзей-сверстников.

Глядя на Дэйелис, Мариэль с теплом на душе понимала, что все в этой жизни делает

правильно. Жизнерадостная малышка радовала родителей. В ее присутствии развеивались любые печали, а объятия поднимали настроение. Мариэль даже казалось, что Фаолин обучил ее своему фирменному воодушевлению. А может, она и это унаследовала от отца, потому что вряд ли этому можно обучить, только если это не магия какая-нибудь. Так или иначе, когда эти двое были рядом, Мариэль было хорошо. Она чувствовала сильную поддержку. И хоть живут они, не зная проблем и печали, эта поддержка никогда не лишняя.

Помимо прочего, Дэйелис выросла очень смышленной. Она умеет задавать правильные вопросы, всегда внимательно слушает, спокойно отвечает и умеет молчать, когда сказать больше нечего. Дэйли умело совмещает в себе скромность с задором, милую стеснительность с гордым высокомерием, нежность с суровостью и робость с уверенностью. А что больше всего нравилось Мариэль: изящную грацию с редкой, но забавной неуклюжестью.

Девочка удивительно быстро находит общий язык со всеми. Она обожает короля Арагнаста — своего доброго дедушку, а тот в ней души не чаял. А Иналия и вовсе стала для нее лучшей подругой, а не просто тетей. Они проводили много времени вместе. Порой Дэйли надолго уезжает в Маргинг, где о ней заботятся не хуже, чем дома.

Король Арагнаст не только балует внучку красивыми нарядами и вообще всем, что душа пожелает, но и учит девочку править государством. Даже после того, как он узнал, что скоро на свет появится внук, он не перестал воспитывать в Дэйелис будущую королеву.

— Никто не знает, как сложится ее судьба, — говорил король, — может случиться так, что именно она займет трон Джевелии. А может и трон Вакрохалла. В ней течет королевская кровь, а потому она должна уметь управлять страной.

Но в столице Дэйли училась не только политике. Гуляя по садам дворца, она познакомилась с одним из лучших учителей Джевелии. Впечатлив его своим изощренным умом, она стала его любимой ученицей еще до того, как он узнал кто она.

Вскоре после этого обнаружилось, что Дэйелис, как и Мариэль, может понимать язык животных. Она может часами сидеть на берегу, беседуя с дельфинами о морских глубинах. Или гулять по лесу, болтая с сороками.

Ее любовь к животным и к морю отражалась в поэмах, которые она писала. Ее стихотворения ценители искусства собирали в сборники, переписывали в ручную, и сплетали в книги. Она была известна даже в Вакрохалле. И ее чаще узнавали, как автора «Шепота лесов», «Песни морской пены» и «Сияния горных вершин», чем, как дочь принца Фаолина и Посланницы Солнца.

Мариэль даже встречала бардов, что сочиняли для стихов ее дочери музыку, и пели их, не смея присваивать авторство. Сама Дэйли не против такого применения своим творениям, но ярым любителем музыки не является. Из чистого интереса она обучилась играть на арфе и фортепиано. И часто доставляет Мариэль удовольствие, играя с ней в четыре руки или сопровождая ее на арфе.

— Ей не терпится закончить «Мерцание Сапфирного города». — Продолжал Фаолин, ведя Мариэль под руку на кухню.

— Тогда не будем ей мешать. Как дела у королевы Элейс?

Фаолин только вчера вечером вернулся из Маргинга, где помогал матери улаживать дела королевства. Он довольно часто отлучался в такие «командировки». Все-таки обязанности принца с него никто не снимал. Иногда Мариэль отправлялась с ним, иногда оставалась дома, как в этот раз, порой уезжала в свои путешествия.

Первое время, когда их совместная жизнь только начиналась, Мариэль боялась, что за много лет они успеют друг другу надоесть, что чувства угаснут, а жизнь остановится и канет в пучину однообразия. Но ее опасения были напрасны. С каждым годом, нет, с каждым днем их любовь и страсть росли. Ни разу Мариэль не хотелось, чтобы он ушел и оставил ее в покое. За шестьдесят лет не произошло ни единой ссоры, разве что споры по мелочи, которые быстро затихали. А в моменты разлуки оба сильно скучали и стремились поскорее вернуться к любимому.

Фаолин был идеальным мужем. Помимо этого, он, как мог, заменял Мариэль отца и брата, понимая ее тоску по семье. Он заботился о ней, а Мариэль платила ему той же манетой.

— Ты говорил, что построил этот дом сам. Неужели в одиночку? — Мариэль смешивала в миске мелко нарезанные помидоры с чесноком и специями, пока Фаолин резал грибы. Она раньше не задавалась этим вопросом. Почему-то именно сейчас, когда дождь хлынул с новой силой и ветер завыл громче, ей стало интересно.

— Мне помогал друг... и еще несколько знакомых.

— Ты не рассказывал мне об этом друге. Кто он, я его знаю?

Фаолин помолчал. Его глаза на несколько секунд остекленели, словно он смотрел куда-то сквозь пространство и время, в свои воспоминания.

— Нет. Вряд ли вы знакомы. — ответил он наконец. — Он погиб. — Фаолин говорил спокойно и видом не выдавал своей скорби. Но Мариэль почувствовала его боль, давно угасшую, а теперь снова пробудившуюся. — В тот день, когда мы вошли в заколдованный лес у Драконовой скалы.

Мариэль отставила тарелку с соусом, обвила Фаолина руками, прильнула щекой к его спине, стараясь утешить.

— Надо было рассказать мне. Нельзя такое держать в себе.

— Тебе тогда незачем было знать. Были дела по важнее. Мы ведь пытались наладить отношения с драконами.

— Ты и позже не рассказал. У нас не должно быть секретов друг от друга, помнишь?

— Тогда почему я до сих пор не знаю ту причину, по которой ты отказалась от родного дома?

— Мой дом здесь. — Этот ответ не удовлетворил Фаолина. — Ты знаешь. Потому что хотела подольше пробыть в этом волшебном мире. А потом ты сделал мне предложение, отказаться от которого не возможно. Ведь я люблю тебя.

Разговор хоть и был в спокойных тонах, становился все тяжелее. Мариэль пожалела, что выбрала не самую удачную тему для разговора. Ее мучила совесть за то, что так и не рассказала никому о правиле перемещения меж мирами, не позволившем ей вернуться в Ваставу. И сейчас она не могла допустить, что бы Фаолин думал, будто она с ним по неволе. Что безысходность заставила ее согласиться тогда у озера. Она не хотела посеять сомнение в том, что она останется с ним на всегда, и не уйдет при первой же возможности. Пусть лучше думает, что ОН — главная причина такого решения. Тем более от части это правда.

Уходя от неприятной темы, они завели беседу о добытках жемчуга, вконец обнаглевших, которые без зазрения совести заплывают на их территорию. И о том, что спрос на жемчуг резко упал, и мода на сапфиры затмила любые жемчужные изделия. Потому что в Белых горах гномы обнаружили новое месторождение, такое огромное, что его прозвали Сапфирным Городом. Про него то и писала сейчас Дэйелис. Ей посчастливилось самой

побывать в тех пещерах. Их красота вдохновила ее на новую поэму:

*Под белыми горами
В чернеющих пещерах
И вырытых карьерах
Гигантскими рядами
Сияют самоцветы.*

*Манит их блеск холодный
Как на деревьях иней,
Как море густо-синий,
Глубокий, благородный,
Словно огонь кометы.*

*Добытчики находкой
Как никогда горды.
Подобной красоты:
Чарующей и кроткой,
На свете не сыскать.*

*И звездными огнями
Мерцает Град Сапфирный
Тончайший звук эфирный
Звенит в тиши дробями
Не смея умолкнуть...*

Дэйли зачитала первые строки за ужином. Выразила свое неудовлетворение по поводу некоторых рифм.

— Ты все больше меня удивляешь. Эти стихи восхитительны. — Похвалила ее Мариэль.

— У тебя великолепно выходит. — Поддержал Фаолин. — Главное никогда не опускай руки, даже если что-то не получается.

Дэйелис робко улыбнулась, поблагодарила родителей за похвалу и ужин, и снова окунулась в омут рифм и поэзии.

Фаолин помог Мариэль вымыть посуду. Когда они уже почти покончили с этим делом, особенно громко грянул гром, пронзив глухую тишину дома. Мариэль вздрогнула от неожиданности. Неловким движением задела фарфоровую чашу, и та расколотилась на мелкие осколки, упав на пол.

— Не трогай. — Остановил ее Фаолин, когда Мариэль попыталась собрать осколки. — Я сам уберу.

Он нежно взял ее за руку, погладил ее по животу, словно успокаивая испугавшегося ребенка. Усадил, растерянную, Мариэль на стул, а сам взял метелку, совок и собрал все осколки.

Вспышка. Пламя взвилось к небу, бушевало багровой стеной за спиной. Оно обжигало и заставляло бежать прочь. И кроме рева пожара ничего не слышно. Бежать! Не останавливаться! На руках младенец. Он кричит и плачет, но ревущая красная стена огня

заглушает его визг.

Что-то обрушилось прямо под ноги, преграждая путь. Земля вдруг стала ближе, буквально под носом. По рукам текли алые струи крови. Душераздирающий вопль младенца лишь на мгновение пробился сквозь рев пламени, а потом снова в нем потонул. Малыша поглотил огонь. По лицу текло что-то холодное и мокрое. Слезы.

Кто-то схватил за руку. Рывком поднял на ноги. Снова бежать. Легкие забиты дымом, глаза слезятся и болят от его токсичного яда. Мариэль не сразу разглядела в человеке, тянущем ее за руку, Фаолина.

Ноги отказывались двигаться. Но эльф тащил ее за собой, не давая упасть.

Полыхающий пожар догонял с пугающей скоростью, и уже лизал пятки.

Кто-то взял ее за вторую руку. Мариэль повернулась Ко второму спутнику. Дэйли! Черная от сажи девушка бежала рядом.

Толчок в спину. Туда, где только что была Мариэль, снова что-то обрушилось, загорая путь. Фаолин вовремя отреагировав, уберег Мариэль от завала. Зажмурившись, она упала наземь. Все стихло.

Жар пламени сменился прохладой. Дым больше не отравлял легкие. Под пальцами чувствовалась мягкая трава. Чьи-то руки подняли ее. Мариэль открыла глаза. Вокруг раскинулся лес. А перед ней бушевала стена огня, но она стояла на месте, не достигая Мариэль.

Те, кто помог Мариэль подняться стояли рядом. Это были Малвель и Резхарас. Тут же была и Дэйелис. Она, уронив лицо в ладони, сидела на коленях. Мариэль, еще не зная от чего страдает дочь. Бросилась ее утешать.

А потом снова посмотрела в огонь. Там, объятый пламенем, лежал Фаолин. Нет! Мариэль бросилась к нему на помощь. Но ее остановил Резхарас, схватив за запястье у самой границы огня. И в тот момент, когда Малвель рывком оттянул ее в безопасность, из стены вырвалось щупальце пламени и утащило учителя в гущу огня.

Потеряв самообладание, плохо соображая, что она творит, Мариэль бросилась за ним, вырвавшись из рук Малвеля.

Окутанная огнем, она не могла пошевелиться. Он жалил и прожигал ее насквозь, заставляя кричать от боли. Ожоги вздувались и лопались, разбрызгивая кровь.

Раскат грома и крик. Вспышка.

— Мариэль!

Крик застыл в высохшем горле. Ее собственный крик, разбудивший ее. Он леденил душу и все еще вырывался из груди. Болят вцепившиеся в одеяло руки. Болит голова...

— Мариэль, успокойся.

За окном — ночь. Шторм все еще не утих. Грохот волн и гром нарушали тишину. В камине тускло поблескивают угли. Нет огня, нет пожара. Гладящая ее щеку рука пахнет морем, новым пергаментом и скошенной травой. Не кровью.

— Фаолин...

— Это был всего лишь сон. Все хорошо.

Мариэль все еще дрожит, ласково поглаживая живот. Она и малыша разбудила своим криком.

— Фаолин, я...

— Спи, Мариэль. Я рядом.

— Фаолин, я не видела кошмаров с тех самых пор, как попала в плен к Фулдуру. А этот

сон так похож на тот...

— Все хорошо. — Повторил Фаолин, нежно обнимая ее. — Пока я рядом, тебе нечего бояться.

В тот раз кошмар был вещим. Что если и сейчас это предупреждение?

Мариэль не могла снова уснуть, глядя на тлеющие в камине угли. Теплое дыхание Фаолина касалось ее шеи, шевелило волосы, щекотало ухо. Снова прогремел гром и комната на миг озарилась светом молнии.

— Фаолин?

— М?

— Мне страшно.

— Это все скверные воспоминания. — Прошептал он ей на ухо. — И скверная погода. Спи.

Но тревожные мысли роились в голове, не желая униматься. Фаолин почувствовал ее тревогу. Сел, облокотившись на спинку кровати. Его палец опустился на переносицу Мариэль. Мягко, почти невесомо, он гладил ее от кончика носа к центру лба. Фаолин тихо прокашлялся, прочищая горло. И по комнате разлилась нежная мелодия мягким альтом. Он пел колыбельную, под которую когда-то засыпала Дэйли, будучи еще совсем ребенком.

Глава 2. Лучший фехтовальщик

Невообразимый шум заполнял все помещение и был слышен даже на соседней улице. Из-за него нельзя было расслышать даже собственный голос. Что бы кому-то что-то сказать приходилось перекрикивать гомон, а что бы разобрать ответ собеседника в общем гвалте, надо было как следует напрячь слух.

В трактир вошел тощий человек в компании двоих товарищей и девушки. Устроившись за одним из немногочисленных свободных столов и почти не прерывая беседы, он заказал выпивку и жаркое. Узкие плечи его укрывал красный плащ, украшенный золотистыми чешуйками. На шее ожерелье, напоминающее клык дракона. Мужчина явно гордился своими украшениями, так как выпячивал грудь и поигрывал плечами, что бы чешуйки переливались в свете ламп, как только замечал на себе заинтересованные взгляды незнакомцев. Он непристойно обнимал девушку, которая поигрывала его ожерельем, и провожал похотливым взглядом девушек, разносящих еду. А товарищи о чем-то его расспрашивали, на что он отвечал с явным удовольствием и жадной дальнейших расспросов.

До ушей, сидевшего в темном углу зала человека, долетел обрывок фразы:

— Быть того не может! Чтобы ты, — Один из товарищей тощего мужчины, коренастый и лысеющий, сделал глоток пива, — чтоб ты и дракона завалил!

— Говорю тебе, брешет засранец! — вторил ему второй товарищ — полноватый мужичек, с густой неухоженной бородой.

— Сам засранец, идиот! А не веришь — вот она все своими глазами видела! — Тощий человек дернул девчонку, и та энергично закивала, оторвавшись, наконец, от украшений своего спутника. — А это, — он погладил длинными пальцами золотые чешуйки на своих плечах, — доказательство и мой сувенир с того не легкого боя.

Скрытого в тени странника заинтересовала эта беседа, но, как назло, в зал ввалились еще гости, и шум усилился.

Мимо прошла разносчица. Она едва заметно поежилась, взглянув на него. Один вид странника внушал необъяснимые чувства. Такие, что одним словом их эта девушка описать не могла. Но этот человек словно внушал окружающим остерегаться чего-то. Не его самого, а чего-то другого. Он будто говорил «бойся сделать это». А сам странник ничем не отталкивал людей от себя. И, если приглядеться, то ничем от других не отличался. Его лицо было скрыто капюшоном, его поза была расслабленной. Можно было решить, что этот человек просто отдыхает с долгой дороги. Но девушка подозревала, что он тут не просто проездом. От него разило загадочностью, и эта загадочность манила, вызывала непреодолимое желание снять капюшон и заглянуть в глаза.

Разносчице за время работы не редко встречались одинокие странники, предпочитающие тот самый темный угол или кресло у камина. Бывали и такие, кто скрывал свои лица под капюшонами. Но этот, хоть на первый взгляд и не отличался от других, все же имел в своем образе что-то необычное.

Интересно, из каких он краев, рассуждала девушка. Она встречала и людей из Фрикарда, и эльфов Вакрохалла. Не говоря уж о людях со всех сторон Джевелии. Всех их можно было различить по акценту, по одежде и даже по предпочтениям в еде. Он же не был похож ни на кого и в тоже время походил на всех сразу. И почему он так манит?

Очередной рейс с подносом полным пивных кружек провел ее мимо того самого стола.

Свечи на подоконнике почему-то не горели. Это она не доглядела, или они специально потушил?

Найдя повод, чтобы подойти и разглядеть загадочного гостя, она взяла зажженную свечу, и с невозмутимым видом направилась к нему.

— Не надо. — тихий низкий голос был хорошо слышен во всем этом шуме. Человек не поднимал на девушку взгляд и она не смогла заглянуть под капюшон. — Мне не нужен свет. Лучше принеси еще одну пинту.

Девушка послушно отправилась выполнять заказ. Голос незнакомца показался ей странным, необычным. Это был голос стража, защитника и карателя непослушных. Услышав его, безгрешный человек почувствует себя в безопасности, а грешник поймет, что его кончина неизбежна. Неужто, это сам дьявол?

— Кто те люди? — Странник кивнул в сторону хвостуна, украшенного драконьей чешуей, и его компании.

— Как же вы не знаете? Вы, видно, не из наших мест, ведь Осман постарался, что бы слава о нем по всей Джевелии разлетелась. — Разносчица опустила на стол пинту и взглянула на гостя, теперь его лицо было видно. Медный загар не портил благородные черты лица. Загадочный гость оказался настоящим красавцем, но от его взгляда у девушки подкосились ноги, и сердце пропустило удар. На мгновение ей почудилось, будто в его черных глазах сверкнули красные искры. Просто разыгралась фантазия, успокаивала себя разносчица.

— Болтливость тебе не к лицу. Я задал вопрос. — В его голосе не было слышно грубости или недовольства. Он звучал ровно и холодно. — Присядь и расскажи мне об этом Османе.

— Осман — лучший фехтовальщик в Джевелии. По крайней мере, он так считает. Ходят слухи, будто он сразился с самим принцем Фаолином и, выиграв в поединке, заслужил поцелуй Посланницы Солнца. И, что в перебранке с Владленом из Эсфира, тот в конечном итоге молил Османа о пощаде. В том месяце, говорят, Осман сразил дракона. Видите его плащ? Это его трофей, как считают люди.

— Но ты так не считаешь? Так ли он хорош на самом деле, как думаешь? — Ей снова показалось, что в глазах странника сверкнули алые искры.

— Я считаю, что он хвастливый олух и вор. Считаю, что чешуя у него на плечах — подделка, а сам он и меч поднять не сможет, коль до драки дело дойдет. Я не понимаю, почему все так радуются его рассказам об убийстве дракона, почему восхищаются чешуей на плаще. Разве это не варварство? Шестьдесят лет назад Посланница Солнца рисковала жизнью, что бы попросить у драконов помощи и сплотить наши народы. Столько сил было потрачено, что бы сделать жизни драконов такими же значимыми, как жизни людей. А он носит чешую! Носил бы тогда эльфийское ухо, как брошь или сшил бы из гномьей бороды свитер! — От злости девушка покраснела. Вдруг, заметив, как пристально наблюдает за ней странник, она умолкла и смутилась. — Извините, я много болтаю.

— Вижу, ты знаешь историю. — Он тепло улыбнулся, словно ее всплеск эмоций был ему по душе.

— Моя бабушка рассказывала мне обо всем этом.

— Ей, должно быть, пришлось пережить тот ужас, что творился тогда в стране.

— Она была совсем девочкой, когда встретила госпожу Мариэль.

— Неужели? Любопытно позавидовал бы твоей бабушке.

— Я вам не вру. И моя бабушка тоже никогда не выдумывает. Посланница Солнца даровала ей красоту, и она встретила моего дедушку благодаря ней.

— Должно быть красота, подаренная твоей бабушке Посланницей Солнца, передается по наследству в вашей семье.

Девушка покраснела еще гуще, теперь уже от смущения. Но вот ее окликнул хозяин таверны, всеми известными миру бранными словами обвиняя ее в лени и безделье. Прежде чем она ушла, странник со звоном опустил перед ней мешочек с монетами. Жалея о том, что больше ей не удастся побеседовать с загадочным гостем, она забрала чаевые и принялась за работу.

Она ушла и, как раз в тот момент, Осман с друзьями покинули таверну. Они шумной компанией продвигались по улицам деревушки. Солнце давно уже скрылось за горизонтом и все вокруг поглотили сумерки. Никто не замечал грозной тени, бесшумно следующей за лучшим фехтовальщиком королевства.

Скоро Осман распрощался с друзьями и девушкой, и свернул в узкий переулок, из которого следующим утром вынесли его бездыханное тело.

Глава 3. Желанный гость

— Мама, я принесла тебе фрукты. — Дэйелис тихо вошла в зал, где Мариэль, стоя у окна и созерцая море, протирала подоконник. Что касалось уборки, Мариэль обычно справлялась с ней с помощью магии. Но иногда от безделья она бралась за тряпку. Дэйелис тоже помогала, как и сегодня. Пока мама занималась уборкой, дочь возилась в огороде: пропалывала грядки, собирала урожай.

Обернувшись на голос дочери, Мариэль улыбнулась. Дэйли опустила корзинку с фруктами на стол. Подойдя, Мариэль изящно выхватила финик и отправила его в рот.

— Погода чудесная, — продолжала Дэйли. — Прогуляемся?

— Конечно.

Погода и правда радовала глаз. Спустя две недели непрерывных ливней и неутрахающего шторма, небо наконец очистилось и по морю заплясали солнечные блики. Дуновения ветра едва ощущались и мелкие волны, даже не пенясь, накатывали на берег. Не смотря на ясный, безоблачный полдень, никакой жары небыло. Лето подходило к концу и это ощущалось в воздухе.

Мариэль гуляла по кромке воды босиком, наслаждаясь ее прохладой и мягкой качкой волн. Дэйли, семеня стройными ножками, радостно скакала по песку, собирая и разглядывая дары минувшего шторма. Они о чем-то разговаривали, весело хохоча, радуясь солнечному дню и тому, что наконец выбрались из дома.

Насобирав в плетеную корзинку ракушек, кораллов и морских звезд, Дэйли подскочила к матери. Брызги соленой воды и пены разлетелись в разные стороны от ее босых ножек.

— Может Ганнарр? — предложила Дэйли. Они выбирали имя для ее будущего братика. Через пару месяцев он явится на свет и ей очень хотелось, что бы к тому времени у него уже было имя. — Или Оддманд, как считаешь?

— Считаю, что Фаолин тоже должен принимать в этом участие. Будет не правильно, если мы сделаем это без него. Все-таки это его сын... А как там поживают Агнар и Игеред? Ты общалась с ними?

— Как всегда, все никак не повзрослеют. Игеред на прошлой неделе решил попрактиковаться в стихийной магии и устроил снегопад. Его дом по самую крышу завалило. А Агнар, вместо того, чтобы помочь ему все исправить, притащил санки.

— Тебе повезло с такими друзьями. С ними никогда не будет скучно.

Дэйли села на горячий песок, зарыв в него ступни и ладони. Мариэль последовала примеру дочери, подставила лицо лучикам солнца.

— А еще Агнар приручил шикарного угольно-черного мустанга. Хотела бы я такого. Он быстрый, как ветер и очень послушный.

— Разве дедушка Арагнаст не предлагал тебе выбрать жеребца из королевской конюшни?

— Ты не понимаешь, я хочу своего! Что бы он покорился мне, как Агнару.

— Тогда все в твоих руках.

На их лица легла тень и тишину пронзил гул урагана. Мариэль и Дэйли синхронно подняли глаза. Над ними пронесся серебристый дракон, сверкая чешуей. Он приземлился на пляж достаточно далеко от девушек, что бы их не поглатила песочная буря, поднятая его

крыльями.

Не скрывая удивления и любопытства, обе внимательно вглядывались в песочные вихри, что бы разглядеть всадника, ловко соскочившего с седла.

К ним приближался высокий сереброволосый, крепко сложенный полуэльф. Он двигался грациозно и уверенно, что совсем не вязалось с его задорной улыбкой десятилетнего мальчишки. Выкрикивая слова приветствия, он весело махал девушкам. Лишь только тучи песка улеглись, Мариэль узнала юношу. А вот дракона, серебристая чешуя которого гармонировала с прядями волос всадника, Мариэль видела впервые.

— Златоэорис! Что за случай завел тебя в эти края? — Парень, хвала небесам, не постарел ни на день с их последней встречи. А виделись они очень давно. Мариэль бы сказала, что пол жизни прошло с тех пор. Эльфийская кровь матери продлевала человеческую жизнь Златоэориса, не позволяя ему состариться. И Мариэль была этому несказанно рада. Ведь, если бы и он подвергся неумолимому времени, старых друзей у нее бы почти не осталось.

— Приехал навестить давнюю подругу, не знаешь где она может быть? — В бледно-зеленых глазах заиграл озорной огонек.

— Ты не меняешься! — Мариэль обняла парнишку, и заметила его любопытный взгляд, обращенный на Дэйли. Она познакомила его с дочерью и представила ей друга. Дэйелис, немного смутившись, присела в почтительном поклоне, приветствуя гостя.

— Безмерно рад знакомству. — Златоэорис поднес ее маленькую ручку к губам. Его изумила нежная кожа принцессы. А нежный взгляд ярко-голубых глаз заставил сердце пропустить удар.

Мариэль не могла не обратить внимания на их заинтересованность друг другом. Поэтому, оставив их наедине, направилась к дракону.

— Приветствую тебя! Вы почетный гость в нашем доме! Как ваше имя?

«Меня зовут Либрэ. И мы с вами знакомы, госпожа Мариэль. Моя мать — первый дракон, которого вы повстречали. А я вылупилась у вас на глазах».

Мариэль улыбнулась мимолетному воспоминанию. Такое далекое прошлое казалось сном. Когда она, будучи шестнадцатилетней потерянной девочкой блуждала по волшебному лесу, и во тьме ночной угодила в гнездо, где ютились еще не вылупившиеся дракончики. Чудесное было время, наполненное волшебством и сказкой.

— В таком случае, рада снова встретить тебя.

— Либрэ, душа моя, отдохни, ведь ты устала! — Златоэорис хлопнул дракониху по мощному плечу, а та в ответ уткнулась в грудь парня носом.

«Я бы освежилась»- промурлыкала она. И не дожидаясь ответа, в один прыжок достигла моря. Брызги сияющим фонтаном взвились в воздух.

Оставив Либрэ плескаться после долгого перелета, все направились к бревенчатому домику. Им на встречу уже шел Фаолин. Он не мог пропустить мимо внимания появление дракона. Потому поспешил на «разведку».

— К нам с хорошими вестями? — пожав руку гостю, спросил он.

— Вести есть, но не так они светлы, как это утро. Я не стану омрачать ими долгожданную встречу.

И все же Златоэорису пришлось выложить все темные стороны жизни в стране. Вечером, после ужина, сидя в зале у камина, когда темы для бесед закончились, Мариэль все же спросила что творится в мире.

— Славный король Микаэль скончался. Холера. Коронация молодого наследника состоится через две недели после похорон.

Мариэль огорчила эта новость. Вот и еще одна смерть давнего знакомого. С Микаэлем она никогда не была настолько близка, как с его старшим братом. Но они старались поддерживать хорошие отношения в память о Лаврене. Когда Микаэль подрос, Мариэль не могла не заметить его сходства с братом. Та же белозубая искренняя улыбка, те же веселые голубые глаза. Она наблюдала за тем как мальчишка превращается в юношу, затем в мужчину и как он медленно стареет. Она видела как он взошел на трон вслед за своим дядей — королем Дерекком, который умер от старости в возрасте восьмидесяти девяти лет. А теперь она увидит, как сменив его, на престол взойдет другой. Сколько еще королей сменится на ее веку?

— И в ордене неразбериха. — Продолжал вещать Златоэорис.- Казалось бы, разбой искоренен. Остались лишь мелкие воришки, почти не вредящие стране и ее жителям. Однако то тут то там происходят нападения. И главное люди ничего не видят и не слышат, хотя убивают прямо посреди улиц в городах и селах.

— Просто убивают? — удивилась Дэйли.

— Именно. У жертв ничего не крадут. Кошельки, драгоценности и украшения остаются при них. И у всех вырван язык и выколоты глаза. Сначала мы думали это какие-то частные разборки. Кто-то кому-то отомстил, прирезал в подворотне, и дело с концом. Но таких случаев стало все больше и по всей стране. И следов никаких убийцы не оставляют. Мы с братьями по ордену как только голову не ломали, но понять ничего не можем.

— Неужели орден бессилен против этого? — вздохнула Дэйелис.

— Мы думаем, кто бы за этим не стоял, он или они владеют магией. Наши чародеи искали зацепки в памяти окружающих предметов... Это же так называется? — Златоэорис вопросительно взглянул на Мариэль. Та кивнула. — И ничего. Говорят, только представьте: идет себе человек по своим делам. Вдруг застынет, глаза выпучены, поза напряженная, будто увидел страх всей его жизни. И что бы не видеть этого выцарапывает себе глаза. А потом его телом будто кто-то овладевает. И он же вырывает сам себе язык. И падает замертво.

— Завладеть разумом человека и правда легко, если ты маг. — Подытожила Дэйли. — И заставить их делать что угодно уже не предоставит хлопот. Но неужели нельзя найти того кто это делает? Он же не может быть невидимым.

Златоэорис пожал плечами. Мариэль вдруг стало плохо. Тугой комок подкатил к горлу, от чего ее затошнило и закружилась голова. Тихо извинившись, она вышла из зала.

Дэйли хотела последовать за ней, но Мариэль жестом велела ей остаться. Как только Мариэль скрылась за резной дубовой дверью, Дэйли грустно вздохнула.

— Я вас расстроил? — Златоэорис заглянул в глаза девушки, так напоминающие ему глаза Мариэль.

— Вы тут совершенно не причем. Все эти смерти... Мама волнуется за людей, за страну. А я волнуюсь за нее.

— Госпожа Мариэль куда сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Уж я то знаю. — Златоэорис помолчал, думая на что бы перевести тему, что бы отвлечься. — А не вы ли та самая Дэйелис, чьи стихи знает все королевство?

Мариэль спустилась на пляж. Он тонул в багровых лучах заходящего солнца. Песок от

этого казался еще более желтым, чем был на самом деле. А море искрилось, отражая красочное небо. За этим наблюдала серебряная дракониха. Солнечные зайчики плясали вокруг нее, отраженные ее чешуйками.

— Красиво, правда? — Мариэль подошла почти бесшумно, но Либрэ давно уже ее заметила.

«Должно быть видеть такое каждый день становится обыденностью и уже не вызывает восхищения и трепета...»

— Небо всегда прекрасно. И всегда по-разному. За столько лет мне не надоело смотреть на одно и то же море, потому что небо каждый раз раскрашивает его по-другому.

Либрэ в ответ довольно промурлыкала, выпустив из ноздрей клуб дыма с язычками пламени.

— Как вы познакомились со Златоэорисом? — Спросила Мариэль о том, что целый день ее интересовало.

«Это был мой первый день в ордене»- мечтательно ответила дракониха и пустилась в рассказ:

40 лет назад. Крепость Ордена Белых Лилий.

По соглашению королей Жевелии, после окончания войны с Фулдуром был основан Орден Белых Лилий для поддержания порядка в стране. Мариэль выпала честь посвящать первых основателей в братство. Среди них были не только гномы, эльфы, люди и драконы, но и метисы: полуэльфы, как Златоэорис, полугномы и дубайлиты (рожденные гонмом и эльфом).

— Добро пожаловать! — Либрэ встретил высокий человек. Старейшина — догадалась она — один из семерых. — Вижу скоро наши ряды пополнятся одним могучим воином. Но сперва ты пройдешь испытания.

Либрэ была наслышана о испытаниях. От того, в каком из них она себя проявит, будет зависеть направление ее службы. В ордене помимо простых бойцов были еще ученые, маги, лекари, искусствоведы, историки, строители, следопыты и стражи. Последние два класса подразумевали работу в группе или в паре. А значит, если Либрэ попадет в один из них, то у нее будет всадник. Перспектива возить кого-то на своей шее казалась не лучшей. Хотя с другой стороны, тогда у нее всегда будет с кем поговорить и в одиночестве она никогда не останется.

Поразмыслив об этом, она решила, что приложит все усилия, что бы попасть в следопыты или стражи. Тем более, что в науках и искусстве она сильна не была. Варианты лекаря и строителя тоже отпадают. Ну какой из нее лекарь? Простым бойцом быть не хотелось. Время сейчас мирное и солдаты все время просиживают без дела. Магия у нее не развита. За то логическое мышление, нюх и зрение были хорошими. Правда нужна еще выносливость, способность лететь сутки без продыху и много еще чего.

Старейшина провел ее к тренировочному полю, где занимались драконы со своими всадниками и без них. тут же к ним подлетел синий дракон — еще один старейшина ордена. Кокдерет. Мало кто не знал его имени и его подвигов.

По сравнению с ним Либрэ была просто маленьким птенцом. Он окинул ее изучающим взглядом. Пока она глядела на героя из легенд, которые слушала в детстве, человек уже ушел.

«Посмотрим, как сильны твои крылья»- прогремел голос наставника.

Весь день Либрэ выполняла упражнения, которые велел Кокдерет. И к вечеру была истощена, как физически, так и морально. Надежда стать стражем померкла. Она оказалась

слишком слабой и неподготовленной. Что бы наработать такую силу уйдут годы.

Когда на небе зажглись первые звезды, Либрэ лежала на вершине холма в стороне от крепости. После последнего задания она оказалась просто не в состоянии добраться до гнезда, выделенного ей. Она устала, но сон не шел из-за потока мыслей.

— Первый день всегда тяжелый. — услышала она чей-то голос. Обоняние подсказывало, что это полуэльф. — За то он дает шанс передумать и уйти раньше, чем произнесешь клятву.

«Ты этот шанс не использовал и теперь жалеешь об этом?»- Хмыкнула она в ответ.

Парень подошел ближе, сел рядом.

— Вовсе нет. Мне нравится быть стражем.

«Ты страж?»- удивилась Либрэ.

— Да. Но пока еще у меня не было ни одного серьезного задания, потому что для меня не нашелся хороший напарник.

«Досадно... И как прошел твой первый день?»

— Лучше, чем у многих. Если бы я не обучался раньше у лучших учителей Вакрохалла, то меня забили бы палками в первые же пять минут. На меня безоружного сходу накинулось пятеро, не успел я и шагу на тренировочную площадку ступить.

«Дай угадаю: все они потом валялись, скорчившись и потирая синяки?»

— Не совсем. Один удар я все же пропустил. Ну и там понеслось. Потом три дня в госпитале валялся.

«Даже лекари не смогли поставить тебя на ноги? Опытные маги могли вылечить тебя в считанные минуты».

— Новичков не лечат. Что бы проверить выносливость.

«А ты тут давно?»

— Пару дней.

«Врешь!»

— Ах да, забыл, драконье чутье... Ну оно у тебя хорошо развито, следопыт из тебя не плохой выйдет. Тем более нам драконов не хватает.

«А стражем? Думаешь, получится?»

Златоэорис пристально посмотрел на дракониху, оглядел ее всю с многозначительным выражением лица.

— Не, для стража у тебя мордашка слишком милая.

«Ах так!»- Либрэ оскалилась, меж острых клыков засверкали язычки пламени. Она опрокинула парня, прижав его лапой к земле, и, громко зарычав, распахнула пасть. Щелкнув зубами у самого его носа, она еще немного подержала, смеющегося в голос человека, и отпустила.

— Ладно, ладно! Только больше так не делай. Щекотно же!

За спиной зашуршал песок. Мариэль знала кто это. Эти шаги давно уже стали родными. Либрэ тоже заметила приближающегося Фаолина. Поздоровавшись с хозяином дома, дракониха улетела.

— Все хорошо? — Фаолин сел рядом, обнял Мариэль, крепко прижимая ее к себе.

— Все прекрасно. А ты как себя чувствуешь?

Фаолин не ответил, но этого и не требовалось. Он прижался щекой к ее щеке.

— Тебе пора побриться. Ты колючий. — посмеялась Мариэль, но не отстранилась. — Или хочешь отрастить бороду?

— Для тебя все что угодно...

Мариэль провела ладонью по его щеке и тихо рассмеялась. Фаолин вздохнул, словно наконец освободился от всех этих гнетущих событий в стране, с которыми ему, как кронпринцу, надо было что-то делать. Иногда он думал: зачем ему это все, если вот оно счастье — сидит на песочке, личико милое солнышку подставила. Так и хочется сгрести в охапку и не отпускать. Потому что это только его счастье! И слава Анорсель, ей с ним хорошо. Как же это замечательно, когда твое счастье счастливо!

Фаолин вдыхал ее запах и не мог насытиться. Ее волосы пахли виноградом и ромашкой. Этот аромат дурманил, сводил с ума. И всюду, даже когда ее рядом не было, напоминал о Мариэль.

Как хорошо сидеть вот так вдвоем. Наслаждаться тишиной и безлюдьем, любоваться тем, как меркнет закат и солнце уступает место звездам. Вот бы этот миг никогда не кончился...

Глава 4. Неудавшаяся коронация

Скорбный хор провожал в последний путь людского короля, распевая в четыре голоса мольбу к духам, что бы те приняли его в чертоги Элизиума. Вереница, облаченных в траурные цвета, людей, гномов, эльфов следовала за саркафагом, в котором покоился славный король Микаэль. Бледное его лцо было испещрено морщинами. Без того седые волосы и борода стали совсем пепельными. На груди его лежал меч, так и не побывавший ни в одном сражении.

У склепа саркафаг опустили, дабы самые близкие смогли попрощаться и отдать ему дань уважения.

На похоронах собрались все. От королев Джевелии и Старейшин Ордена Белых Лилий до простого люда.

Сын короля, Зигмунд, произносил над погибшим отцом речь. И хоть наследнику трона удавалось сохранить достойный вид, в голосе его слышались слезы. Он произнес последние слова и склонился над отцом, примкнув губами к его лбу. За ним к телу стали подходить по очереди: овдовевшая королева, приближенные советники, Король Дуглас и его сыновья, Король Арагнаст, Королева Элейс, Фаолин, Иналия, и много кто еще.

Мариэль наблюдала со стороны. Вместе в Дэйелис и Златоэорисом. Фаолин строго-настрого запретил ей приближаться к склепу.

Печаль украдкой пробиралась в сердце. Даже тем, кто небыл лично знаком с королем. Небыло в королевстве такого человека, кто не любил бы короля Микаэля. Он небыл великим воином, как его брат и дядя, не обладал мудростью, но был добр к своему народу и справедлив. И в этот день вся стана горевала по утрате.

Тяжелые двери королевской усыпальницы закрылись. И гости стали расходиться.

— Идите, я тут еще побуду. — Сказала Мариэль Дэйли и Златоэорису. Они послушались, не задавая лишних вопросов.

Вскоре у склепа остался лишь Зигмунд, даже его мать не осталась на едине с усопшим мужем. Мариэль не стала мешать юному наследнику трона. Да и осталась она вовсе не ради Микаэля.

Тихой поступью она прошла к другому склепу. Минув могилу короля Дерека и принцессы Кресты, она остановилась у склепа Лаврена.

"Король, что так и не обрел корону"- гласила надпись на камне.

Почти забытая боль утраты сковала ее сердце с новой силой. В памяти всплывали все теплые моменты, проведенные с первым близким другом. Может и к лучшему то, что у них было так мало времени. Иначе Мариэль было бы невыносимо смотреть, как медленная старость искажает его благородное лицо, как она постепенно убивает ее друга. И хорошо, что она помнит его молодым, полным сил, жизнерадостным и здоровым.

— Не нужно было тебе ехать сюда. — Фаолин зашел из-за спины и взял Мариэль за руку.

— Нет. Я давно должна была прийти сюда.

Фаолин промолчал. Он стоял рядом, держа Мариэль за руку, дав ей время на воспоминания.

Через 3 дня после похорон состоялась коронация. По случаю был устроен пир, где

играла музыка, выступали артисты, шуты, акробаты. Столы ломались от разнообразных блюд и напитков. Гости веселились, позабыв печали. Все шли на поклон к новому королю. Зигмунд неумело скрывал скорбь под улыбкой, приветствуя подданных. Ясные голубые глаза были полны грусти.

— Зигмунд ни капли не похож на своих великих предков. — говорил Златоэорис, с аппетитом поглащая куриный пирог. — Больно роскошь он любит. На коронации Микаэля столько всего небыло. Он был скромным парнем, а выросил избалованного мальчишку. И с первого взгляда видно, что меча в руках не дрержал.

— Ему и незачем. — Ответила Дэйелис. — Если есть хорошие стражи, то зачем ему самому владеть оружием? И любовь к роскоши — не грех. Думаю, из него выйдет не плохой король. Тем боее время сейчас мирное.

Но про себя Дэйли все же отметила, что юный правитель и правда не внушает доверия. С такими узкими плечами, тонкими руками и наверняка слабыми ногами, ему только на троне сидеть, да указы издавать. Если придется вести войска в бой, вряд ли Зигмунд будет в авангарде. Скорее он назначит кого-нибудь толкового главным военачальником и спишет эту обязанность на него.

— Да продлятся мирные дни! — прожевав кусок, Златоэорис поднял кружку с элем. — Пусть на долю юного короля выпадет мирное время!

Его тост подхватили и закричали все. Словно эхо, он разлетелся по всему залу. А потом затонул в грое музыки и смеха.

— Отцу мальчишка тоже не нравится. — заговорщеским голосом проговорил Фаолин. — Но он решил, что поможет ему освоиться. И сделает все, что бы из него вышел хороший правитель.

— Хорошо, если он окажется таким же, как его предки. — Ответила Мариэль, взглянув еще раз на нового короля людей. — Надеюсь, Дереку в Элизиуме не придется краснеть за внучатого племянника.

Мариэль тоже отметила некие различия Зигмунда с его родственниками. Но вскоре перестала об этом думать и продолжила наслаждаться праздником. Тем более наконец предоставилась возможность отведать мяса.

Дело в том, что за долгие годы жизни с эльфом, ей удалось переучить себя и перейти на вегетарианскую еду. Хотя иногда она все же позволяла себе нарушить эту "диету". Нет, Фаолин не делал никаких замечаний, никакого недовольства по этому поводу не выражал, прекрасно понимая ее. Но все же Мариэль не хотелось смущать любимого, притаскивая домой тушу оленя, разделявая и готовя ее на его глазах.

А сейчас — во время беременности — ее организм все время требовал мяса. Мариэль едва сдерживалась, что бы не уйти в лес с луком и стрелами, и не подстрелить себе какого-нибудь кролика. Хотя с Дэйелис такого небыло.

За то тут, на приру, было такое изобилие мясных блюд, что грех было не попробовать хотя бы одно. Стюарды очень удивлялись, когда Мариэль просила их принести то или иное блюдо со стола гномов или людей. Не смотря на сомнения и эту причуду, они выполняли просьбу, перешептываясь потом между собой о странном эльфе-мясоеде.

В замке царил дух праздника: музыканты не скупались на звук и выжимали из своих инструментов всю их мощь. Артисты, не прекращая, разыгрывали сценки, танцевали, пели, словом, всячески развлекали народ. Акробаты мельтешили перед глазами, исполняя опасные трюки, показывая гибкость своих тел. Каждый наровил перебить другого. Едва одни

заканчивали свое выступление, другие тут же вытесняли их с площадки, без прилюдий начиная свои представления.

Шуты быстрее всех завоевали общее расположение и интерес публики, высмеивая всё и всех подряд. Гости никак не желали отпускать их передохнуть и дать время придумать новые шутки. Беднягам приходилось импровизировать. Запас тем у них иссякал и они начали высмеивать королевство и его королей. А потом и остальную знать.

По-началу народ это веселило, ибо юмор был безобидным, и скорее походил на дурачество. Под раздачу попала даже Мариэль с ее неприхотливостью в еде, в отличие от других эльфов. Видимо, стюарды шептались так громко, что ее фраза "Я не эльф!" долетела до ушей забияк. Она от души посмеялась над их исполнением. Даже бросила артистам горсть монет.

Однако скоморохи не торопились менять тему знати. И чем дальше они заходили, тем оскорбительнее звучали шутки. Вскоре народ стал с угрозами прогонять их с площадки. А шуты, в целом, того и добивались. Уж очень они устали весь день плясать без продыху. Однако один из них вошел во вкус. Он был уперт, как баран, что помидоры и другая еда, находившая в нем цель, ему не мешала. Он выискал подходящую кандидатуру для издевок среди гномов, что сидели к нему ближе всего.

— Ну все, с меня хватит этого дурака. — не выдержал гном, подвергшийся словесной атаке. Почесывая кулаки, он двинулся на горе-шутника.

— Не застать тебе меня врасплох! — Отвечал шут, не унимаясь. — Я ведь и в драке, весьма неплох.

Он наигранно замахал кулаками, показывая полную готовность к стычке.

— Не быть хорошею пирушке, коль там не будет драки. Щас как заеду по макушке, потешатся зеваки.

Изобразив замах, скоморох замер.

— Проваливай по-добру, по-здорову! — Угрожая разъяренный гном, протискиваясь меж столами и гостями, что бы добраться до обидчика.

Но дурак и не двинулся с места. Блаженная ухмылка на его лице сменилась гримасой ужаса. Руки его дрожали, глаза вылезали из орбит.

Народ продолжал потешаться, сочтя его поведение за продолжение спектакля. Кто-то замер в ожидании, притихнув, что бы не пропустить ничего интересного. Кто-то и внимания не обратил, продолжая занимательную беседу или штудирование своей тарелки и бокала. Были и такие, кто забеспокоился.

— Ему плохо!

— От такого количества рома любому плохо станет. Оставь его.

— Да нет же, взгляни на него, он не отравился.

Дэйли была в числе тех, кто кинулся спасать парня. Златоэорис бросился за ней, но понятия не имел, что делать. Мариэль оставалась на месте, в последние несколько минут она и внимания не обращала на шута. А вот Фаолин заподозрил что-то неладное. Он цепким взглядом выискивал что-то в зале, вскочив с места. Тот разъяренный гном уже почти добрался до бедолаги, занес кулак для удара, и тут...

Шут ретировался, ускользнув от противника, он подскочил к ближайшему столу. Схватил нож. И вместо того, что бы использовать оружие против противника, высунул язык и одним быстрым движением отрезал его сам себе. А затем поочередно воткнул его в оба своих глаза. Вопя на все окрестности, он упал на пол.

Гном опешил. В зале послышались ошарашенный вздохи. Дэйли быстро сориентировалась.

— Нэнге ингуин стахтин! — выкрикнула она, останавливая кровотечение. Но алая жидкость все же успела растечься по мраморному полу.

Не брезгуя, девушка подняла несчастного, перевернула его лицом вниз, что бы тот не захлебнулся собственной кровью.

— Держи его! — Скомандовала она, и Златоэорис перехватил беднягу. А сама стала творить заклинания. Раны затянулись, и шут пришел в себя.

— Что на тебя нашло?! — встряхнув парня, спросил Златоэорис.

Но кроме стонов и невнятных звуков, пострадавший изречь не смог.

— Мне не удалось восстановить его язык и глаза. — С сожалением вздохнула Дэйли, вся перемазанная кровью. — Это какое-то могущественное волшебство. Я бы даже сказала — темная магия.

К этому моменту подросли короли и старейшены ордена. Они находились дальше всех, а потому не сразу среагировали.

— Закрывать ворота, перекрыть все выходы из замка! — скомандовал король Арагнаст. — Мы не должны упустить того, кто это сделал.

— Прошу прощения, но вы находитесь в моем замке! — возмутился король Зигмунд.

— И каковы будут ваши указания? — Голосом раздраженного наставника ответил Арагнаст. Мальчишка замешкался.

— Никого не выпускать! Запереть ворота! — в конце концов приказал он. — И приберите тут!

Арагнаст подал знак своим воинам и те стали проверять каждого, находящегося в зале, заглядывая к гостям в разум.

— Кто откажется предоставить доступ к своим мыслям, тот будет считаться виновным! — Объявила королева Элейс.

— Погодите-ка, с чего это ваши парни начали с гномов? — возмутился король Дуглас.

— С того, что шут в тот момент издевался именно над ними. — Спокойно ответил Арагнаст.

— А кто проверит вас?

— Мы. — ответил густобородый гном — один из семи старейшин ордина.

Проверке подверглись даже самые знатные из гостей. Старейшины проверили королей и королев, после чего отправились со своими подопечными прочесывать замок.

Мариэль немного стыдилась того факта, что в последние десять минут думала лишь о том сочном куске баранины, что лежал у нее в тарелке. Впрочем, она без всяких возражений позволила человеческому магу покопаться в ее разуме.

Правда, после этой процедуры, ей поплохело. И Фаолин, как только прошел проверку, увел ее в гостевую комнату, выделенную им на время праздника.

По случаю происшествия на пиру, на следующий день был созван совет королей и членов ордена. Фаолин, Иналия, и другие представители власти тоже там были. Старейшины поведали о подобных случаях, просходящих по всей Джевелии. Они призывали усилить охрану, расставить больше сторожевых постов по всему королевству.

Совет продлился весь день. В целом, решено ничего небыло. бесцельные споры и предположения привели только к чрезмерному утомлению членов совета.

Фаолин, как и другие, вышел с совета подавленный и уставших. Впервые за долгое время он был разражен до такой степени, что руки чесались кому-нибудь врезать.

Дверь в комнату распахнулась, под ударом его руки. Твердым шагом он вошел в помещение, где Мариэль, ожидая его, вышивала цветочные узоры на прозрачном шелке. Увидев состояние мужа, она тут же вскочила с места, бросив свое дело.

Фаолин сдернул со своей головы серебряную диадему, и бросил ее на комод.

— Зачем ты ее носишь, она ведь тебе не нравится. — Ласково прошептала Мариэль. — Да к тому же еще и жмет... Я захватила для тебя ужин, тебе же так и не удалось перекусить.

Она подхватила поднос с остывшим сливовым пирогом, салатом и ромашковым чаем. Произнесла всего одно слово, и пирог с чаем тут же нагрелись и приятно запахло. Когда Фаолин поел, Мариэль помогла ему избавиться от сапог и камзола. Она чувствовала, как он напряжен. А потому, забравшись на кровать, устроилась позади него, и принялась растирать и массировать его широкую спину.

После этого Фаолин наконец расслабился. Мариэль не стала расспрашивать его о решении совета. И так все было понятно, а лишний раз берeditь неприятности не стоило. Стараниями Фаолина она с самого начала была ограждена от политических собраний, проблем страны и всего подобного. Так что она и не интересовалась делами королевства, что бы лишний раз не заставлять его думать о работе.

— Вчера в беседе с одним механиком из ордена узнала что наконец-то изобрели лифт. Помнишь, я давала им чертежи, основанные на тех преспособлениях, которые используют в Ваставе? Они усовершенствовали их, и теперь в их башнях уже работают подъемники. Король Дуглас велел соорудить такие для шахт и цитадели.

— Да, отец упоминал, что хочет обзавестись такими на дозорных башнях. — Прикрыв глаза, поддержал разговор Фаолин.

Они говорили еще много о чем, пока Фаолин не уснул. Мариэль укрыла любимого, а сама устроилась у открытого окна, вышивая узоры.

Медленно спускалась ночь. прохладный ветер колыхал занавески. В небе зажигались звезды. И тонкий серп луны выплыл из-за горизонта. В камине потрескивал огонь. Посапывал спящий принц.

Идилию прервал стук в дверь. Она бесшумно приоткрылась и в проеме показалась Дэйли. Заметив, что отец уже спит, она поманила мать рукой, и скрылась за дверью.

Мариэль, гадая, что могло случиться у дочери в такой час, прокралась мимо Фаолина и вышла в коридор.

— Что случилось? — В коридоре, кроме Дэйли, были Златоэорис и еще два эльфа — Агнар и Игеред. Два рыжих, кареглазых, одинаково высоких эльфа вовсе не являлись братьями. Хотя на первый взгляд, можно было подумать, что они двойняшки. Мариэль знала, что Игеред раньше был ниже Агнара и он был златовласым. А Агнар был брюнетом, и гораздо выше, чем сейчас. С тех пор, как они изменили свою внешность, Мариэль их часто путала. За то Дэйелис ни разу не ошибалась.

— Мы тут гуляли... — начала Дэйли, — и нашли кое-что. Ты должна это увидеть.

Дочь уверенно пошла к выходу из замка, ведя всех за собой.

— Мы не хотели вас тревожить, — Неуверенно проговорил Игеред. — Но кто-то должен знать.

— Я не нашел Старейшин в их покоях, и нигде в замке. Иначе мы бы обратились к ним. — Подхватил мысль Златоэорис.

— У них сегодня выдался тяжелый день. — Мариэль сделала паузу, потом кивнула, подтверждая собственные убеждения. — Должно быть, они не хотят, что бы их тревожили... Ангнар, Игеред, как ваши дела? Я не видела вас ни на похоронах, ни на пиру.

— Мы задержались. Приехали только сегодня утром, рассчитывая, что праздник будет длиться несколько дней, как оно обычно бывает. А тут такое... Дэйли рассказала нам про шута. — Поведал Агнар.

— Ага, приехали хорошо провести время... — Вздохнул Игеред, но не договорил. Агнар его перебил.

— А жизнь предложила провести его весело.

— Именно это я и намеревался сказать! — возмутился Игеред.

— Что за непростительный тон по отношению к старшим!? — встрепенулся друг. (Агнар на 2 года старше Игерета)

— Ну извини за то, что я говорю, когда ты перебиваешь.

— В целом, не соскучишься. — Подытожила Дэйли. Она привела всех в небольшой дворик между кухней и прачечной. В сплошных каменных стенах были только две простенькие двери по обе стороны дворика. Но обе уже были заперты.

— Вот. — Дэйелис приложила ладонь Мариэль к холодной внешней стене замка. — Загляни в ее память.

Мариэль послушалась дочь. "Пролистала" события до предыдущего вечера. Очень долго ничего не происходило. Но вдруг дверь в кухню распахнулась. И снова захлопнулась. На том самом месте, где сейчас стояла Мариэль, почувствовался глухой удар. Будто кто-то с силой толкнул на камень человека. И судя по всему, еще долго прижимал его к стене. Виндо ничего не было. Дворик так и оставался пустым.

— Надо было подгадать момент! — Послышался злобный шепот. Словно кто-то кому-то угрожал. — А если бы я не успел к тебе на подмогу? Зачем это делать на виду у всех!? Болван! Быстро уходим!

Человек смог встать на обе ноги, оторвавшись от стены. А потом все стихло.

— Так значит убийцы все-таки невидимы. — Озадаченно промолвила Мариэль, открыв глаза.

Глава 5. Дело шутовское

Зацепка, обнаруженная Дэйелис и ее компанией, заинтересовала старейшин, но ничего не дала. Тем же способом, каким Мариэль почувствовала место стычки невидимок, сыщики проследили за их передвижениями. "Следы" отчетливо проявлялись лишь там, где было безлюдно. С территории замка невидимки поспешили убраться через главные ворота. Но вместо того, что бы прятаться в тихих безлюдных улочках, они затерялись в толпе. И вычислить их "походку" было почти не возможно в сплетении тысяч чужих следов. Мало того, те двое разделились и скрылись в разных концах города, в толпах празднующих гуляк.

Сыщики не сдавались, продолжая искать убийц. А вот король Зигмунд, похоже, совсем не придавал значения происшествию на его коронации.

— Столько шума и все из-за какого-то шута. Будто у меня других дел нет, как беспокоиться о такой ерунде.

— Жизнь вашего подданного по-вашему — ерунда? — не стерпел Арагнаст.

— Не преувеличивайте. Этот бестолковый шут жив, а значит все в порядке. Он сам изуродовал себя, я своими глазами видел. Мало ли на свете слетевших с катушек артистов? Так тот, к тому же, был пьян. — Не унимался молодой король.

— Вовсе не повреждение ума послужило причиной тому, что случилось. — Вмешался Болдр, высокий бородатый мужчина, чем-то напоминающий стереотипных волшебников из сказок. — На юношу напал опытный маг, к тому же умеющий ловко скрываться и проникать на такие охраняемые мероприятия, как коронация! Вы не подумали, что на месте того шута могли быть вы. Кто знает зачем именно приходили эти невидимки...

— Попрошу не разговаривать со мной в таком тоне! — Перебил старейшину Зигмунд, повысив тон.

Тем временем, пока все были заняты бесполезными спорами и выяснением отношений, Мариэль отправилась проведать пострадавшего.

Шута отпустили из лазарета на следующий же день. Маги быстро вылечили его раны. Но вот вернуть бедолаге зрение и способность к речи никому не удалось. Убедившись, что от ран он больше не пострадает, лекари выпроводили юношу.

Мариэль, узнав что его группа, с которой он выступает, все еще в городе, поспешила его навестить. Но нашла шута еще раньше, чем добралась до стоянки бродячих артистов. Калека сидел у городской стены, прислонившись к ней спиной. Рядом валялась его цветастая шапочка, в которой блестели пара монет.

Мариэль не без сожаления окинула бедолагу взглядом. Подошла, села рядом с ним, опершись о городскую стену и положив руку на живот.

— На, поешь. — Она взяла его руку и положила в нее яблоко. — Неужели у тебя совсем нет друзей? Никого, кто мог бы о тебе позаботиться?

"Глупая женщина. Как я тебе отвечу?" — подумал шут, укусив угощение.

— Ты можешь просто думать, я тебя услышу. Мы можем разговаривать мысленно.

"Нет у меня никого. И группе я такой не нужен."

— Ты сам так решил, или это они тебе сказали?

"Они вышвырнули меня из состава"

Мариэль выругалась про себя. А в слух сказала лишь:

— Досадно... Что ты планируешь делать?

"Ничего. Через пару дней голод сделает свое дело"

Мариэль прекрасно понимала как лишения отнимают смысл жизни. Без зрения и языка человек почти ни на что не способен. Не удивительно, что этот человек из веселого шутника превратился в... того, кто больше не держится за свое существование.

— Есть одно место, где о тебе могут позаботиться. — сказала она наконец.

"И кормить меня задаром? Я же ничего не смогу дать в ответ".

— Что ты будешь делать, если магам удастся тебя исцелить?

"Им не удастся. И им это не нужно."

Мариэль все-таки решила попробовать сделать хоть что-то. Ей было интересно какие такие обстоятельства мешают исцелению, что даже ее дочь не справилась. Но для Мариэль магия уже не была чем-то сложным, она стала ее частью. Поэтому заклинания не отнимали много сил. Но что-то сильно мешало ей. Какой-то то ли барьер, то ли мощное проклятие. Мариэль попыталась пробить эту "стену". Тем более это уже пытались сделать другие. Не опуская руки, Мариэль пробивалась, рушила барьер. И вот свершилось! Она прорвалась. Поборола проклятие. Оставалось самое элементарное. Вернуть несчастному глаза.

Шут почувствовал, воздействие магии. Ему уже знакомо это чувство. Когда бестолковые лекари пытались вылечить его, но делали это только для виду, мол мы что-то делали, но у нас не вышло. А сейчас было по другому. Мучительное ощущение, будто в его голове боролись две силы, мощью своей превосходящие бурю.

Ему стало страшно. Шут заерзал на месте. Одна из сил поборола другую. И теперь его глазницы пронзила острая боль. Он невнятно закричал. Но это Мариэль не сбило. У нее получается!..

Открыв глаза, шут закричал еще громче. Но уже от потрясения. Осознание происходящего к нему пришло не сразу. Черный мир вдруг приобрёл очертания и краски. Как он скучал по этому слепящему солнцу и хмурым прохожим! Его крик перешел в заливистый смех.

Мариэль пока не радовалась. Ей предстояло еще вырастить бедолаге язык. Чему препятствовала такая же стена проклятия. Борьба с прошлым проклятием отняла у нее больше сил, чем она рассчитывала, поэтому Мариэль пока что не приступала к возвращению языка юноше. Она и так довела себя до тошноты и головокружения. Да к тому же малыш в животе заворочался, недовольный деятельностью матери. Поэтому она решила передохнуть.

Взглянув на свою работу, она встретила полные благодарности черные глаза шута. Красивые глаза, выразительные. На такие хочешь не хочешь — залюбуешься.

Парень часто-часто моргал, привыкая к свету. Но смотрел на Мариэль. И ей даже показалось, что его новообретенные глаза наполняются слезами.

"Как вам удалось?"

Мариэль же интересовал другой вопрос. Как он понял, что это она сделала?

— Просто в отличие от остальных, я хотела тебе помочь. — пожала плечами Мариэль. — И училась у сильнейших магов. потерпи немного, скоро ты сможешь говорить.

Шут лучезарно улыбнулся и стал разглядывать все вокруг, будто пользовался глазами впервые.

Мимо проходили люди и странно поглядывали на странную пару: попрошайку и богато одетую беременную эльфийку. Мариэль забавляли мысли прохожих. Особенно ее

повеселила одна женщина в фартуке, запятнанном мукой. Мариэль чуть не рассмеялась в голос. Это явно были мысли главной городской сплетницы. А подумала она вот о чем:

"Стыдобаще. Понесла от этого оборванца. не удивительно, что ее муж из дома выгнал. Как только не прибил обоих. Вот мой бы..."

— Как тебя зовут хоть? — спросила Мариэль.

"Трюггви. А как величают мою спасительницу?"

— Мариэль. Ну что готов? Еще один рывок и побежишь к своей группе, ругая их последними словами. Вот они рты-то пооткрывают.

Не дожидаясь ответа, она принялась за дело. Поборов проклятие, она вернула шуту способность к речи. Парень слезно благодарил спасительницу, падал на колени, целовал руки. Мариэль в ответ сдержанно улыбнулась и откинулась на городскую стену, прикрыв глаза.

— Госпожа! Что с вами? — прекратив рыдать от счастья, встревожился Трюггви.

— Все в порядке. Просто надо отдохнуть. — не открывая глаз ответила она.

Пока Мариэль восстанавливала силы, они разговорились. Она старалась не затрагивать тему о злополучной ночи. Не спрашивать о том, как так получилось, что он чувствовал и знает ли он кто мог с ним это сделать. Шут явно не хотел вспоминать об этом. Он рассказывал ей о своих путешествиях, о том где выступал, что видел, с кем знакомился. Потом поведал и о том, что ему нравится: от неспелых кислых яблок до облачной погоды и больших шумных городов. А потом спросил про место, куда предлагала ему отправиться Мариэль. Она рассказала и он обещал обязательно посетить его когда-нибудь.

Из чувства долга он вызвался проводить Мариэль до дворца. По пути он говорил о молодой пастушке их тихой деревеньки, которая больше всего любит васильки. Влюблен ли был Трюггви, или девушка эта была героем какой-то сказки, Мариэль не поняла. Но с интересом слушала спасенного ею шута.

— Надеюсь наши пути еще пересекутся. — Скоморох галантно поклонился, поцеловал тыльную сторону ладони Мариэль.

— И я надеюсь увидеть твои выступления. Ну беги, может еще успеешь к друзьям до темноты.

— Пусть катятся к чертям! — воскликнул парень. — Я теперь сам по себе!

Мариэль понимала, что после такого предательства шут и смотреть в их сторону не захочет. Разве что посмеяться им в лицо, отомстить или сделать какую-нибудь пакость. Что ж, она его не осуждает. И даже одобряет.

— Знаешь что, — подумав, предложила Мариэль. — Я могу попросить за тебя короля Зигмунда. Придворные шуты не плохо зарабатывают.

— Вы и так много для меня сделали!

— И все же подумай.

— А знаете что! — воскликнул шут тем же тоном, что и Мариэль минуту назад. — Я согласен. Тогда на коронации я бы умер от скуки, не будь там меня. Эти каменнолицие вельможи до маразма короля доведут. А со мной он хоть иногда улыбаться будет! И вообще, смех полезен для здоровья.

— Это верно. Но прими совет. Хотя бы изредка придержи язык за зубами. А то кто-нибудь решит, что они тебе ничему.

— О, не беспокойтесь, госпожа. — Трюггви высунул язык, — Этот сфятой яфык я буду хланить, как зенису ока!

И шут в припрыжку пустился куда-то в глубь города. А Мариэль не торопилась возвращаться в замок. Она стояла у его врат и любовалась шумным городом в лучах заката. По телу разливалось приятное чувство от того, что она вылечила беднягу и от того, какой прекрасный вечер. Продолжалось это всего полминуты. Его оборвал крик. Истошный, полный боли.

Стражники, что стояли у врат, переглянулись. помедлили, должно быть в надежде, что все стихнет. Но крик не смолкал.

И тут до Мариэль дошло, что крик доносится оттуда, куда только что ускакал Трюггви. Первой мыслью было броситься на помощь, но почему то она стояла, не двигаясь с места. Только когда один из стражников пошел на разведку, она опомнилась. И пошла за ним.

— Стойте, госпожа. — второй стражник остановил ее. Даже за руку схватил, позабыв об этикете. — Там может быть опасно.

Первый стражник все не возвращался. Но крики стихли и воцарилась могильная тишина. Все шумы большого города исчезли. Слишком долго его нет, решила Мариэль. И, игнорируя второго дозорного, пошла за первым.

Глазам предстала страшная картина. На земле лежал Трюггви. Его будто облили ведром крови. Лужа алой кляксой растекалась по улице. Над телом склонился стражник. Распрямившись, он обернулся к Мариэль.

— Он мертв. — прохрипел он, открывая ей полную картину.

Только что приобретённые глаза вновь были выколоты. А в руке шут сжимал собственный оторванный язык. И все вокруг в крови.

Все было зря! Все старания напрасны. Бессмысленны.

Шок все еще не прошел. Мариэль сидела на кровати и ее била крупная дрожь. Она смотрела на свои трясущиеся пальцы, но видела мертвого Трюггви.

Фаолин нежно расчесывал ее волосы. Это ее успокаивало, он точно знал. Во всяком случае это срабатывало раньше, когда она нервничала, но не так сильно. Сейчас нужно просто чуть больше времени.

Он сильно удивился, когда страж привел Мариэль к нему в таком состоянии. Она даже говорить не могла. Из объяснений солдата он понял лишь, что человек, с которым она пришла ко дворцу, умер той же загадочной смертью, какие сейчас часто случаются.

Прояснила ситуацию Дэйли. Только дочь знала куда и зачем ходила мать. (Из-за очередного глупого совета, Фаолин снова не мог находиться рядом с Мариэль) Выстроив логическую цепочку, Дэйелис с точностью описала произошедшее. Она была с мамой целый час, успокаивая ее. Потом Фаолин отправил дочку спать и сам принялся ухаживать за Мариэль.

У нее в тот момент началась самая настоящая истерика. Мариэль зарыдала и вцепилась пальцами в волосы. Сквозь слезы она лепетала что-то про бессмысленность и глупость.

И правда, глупышка, зачем она только пошла туда.

Обняв любимую, Фаолин прижал ее к своей груди. Очень редко ему доводилось видеть ее такой. Последний раз такое состояние у нее было, когда ей приснился кошмар. И то она быстро пришла в себя, а потом о нем и не вспоминала. А до того и вовсе подобного не было. Странно было видеть всегда веселую, ну или хотя бы сдержанную жену — такой. Да, и у нее случались минуты грусти, но не истерики.

Очень долго они стояли в обнимку. Фаолин бережно поглаживал ее по голове. Когда

она наконец отпрянула, слезы больше не струились по ее лицу. Зато его рубашка была насквозь мокрой в том месте, куда щекой прижалась Мариэль.

Теперь она сидела к нему спиной, а он расчесывал ее длинные шелковистые волосы. Оба молчали. Тишина царствовала так долго, что Фаолин успел заплести Мариэль косички. Красиво получилось. Вот если она еще и улыбнется...

— Я думала, что смогу подарить ему жизнь... — прошептала она. Тихо без эмоционально. Слова текли, как ручей. — Я думала, что он будет счастлив.

— Он был счастлив. — Так же тихо прошептал Фаолин. — На те несколько часов ты подарила ему счастье. Он умер бы в любом случае. Сегодня ли — от рук злоумышленника, или завтра — от голода. Если его судьба такова, то ничего нельзя поделать. Можно лишь помочь ему прожить последние минуты с улыбкой на лице. И ты это сделала.

Легче от слов мужа Мариэль не стало. Но в них была истина, Мариэль ее видела, но она не успокаивала. Мариэль была благодарна любимому за поддержку.

Прижав подбородок к груди, она в последний раз всхлипнула. Обернулась к Фаолину уже с улыбкой.

— Так тот лучше. — Фаолин обхватил ее лицо руками, поцеловал в лоб. — А теперь ложись спать. Время позднее.

Глава 6. Приют Третьего Солнца

— Мне придется здесь задержаться. — С сожалением произнес Фаолин. — А вот тебе не стоит сидеть целыми днями в этом городе, дожидаясь меня.

— Что ты предлагаешь? — Мариэль уже знала к чему вел Фаолин. Ей очень не хотелось уезжать домой одной. Ведь Дэйли наверняка захочет остаться здесь. Все же она не виделась с друзьями несколько месяцев. И забирать дочь домой только потому что одной скучно, Мариэль не хотела. Но оказывается, Фаолин не совсем то имел в виду.

— Когда ты последний раз навещала школу? Поезжай туда. Это не далеко и там тебе точно будет чем заняться. Отец выделит тебе эскорт. Я приеду как только смогу.

Мариэль послушалась мужа. В тот же день собрала вещи и выехала. Заботливый — наверное, даже слишком — Фаолин под "эскортом" подразумевал целый отряд охранников с лекарем и поваром. Ей показалось это излишне. Тем более ехать тут было чуть больше суток. Честно, она и сама добралась бы. Если уж он так беспокоится, то хватило бы и одного провожатого, а не двадцать.

Но Мариэль не стала спорить. Если любимому так спокойнее, то пусть.

А ехала она, собственно, в школу, которую в народе прозвали Приютом Третьего Солнца. Третьим Солнцем окрестили Мариэль за ее "сияние". Но сама Мариэль не любила называть это место приютом. Предпочитала говорить о нем как о пансионе или о школе.

Мариэль основала его в тот же год, когда вышла замуж за Фаолина. Отреставрировала старую заброшенную крепость и собрала там всех сирот войны. Множество детей осталось без родителей и она хотела хоть как-то облегчить им жизнь, заботясь о них. Там она не просто кормила их и одевала, а еще и учила разным наукам и ремеслам. Те что были постарше помогали ей приглядывать за младшими, готовить, убирать, заниматься ремонтом. Прознав о деятельности Мариэль короли тоже внесли свой вклад в обеспечение приюта.

В той же крепости Мариэль давала уроки игры на фортепиано, за что богатые ученики ей хорошо платили. А неимущие были очень благодарны. Все те деньги уходили на улучшение обустройства пансиона и зарплаты работникам. Да, люди не равнодушные к сиротам предлагали свою помощь. Со временем приют стал дворцом, где дети были царями. Территория крепости застроилась домиками учителей, поваров, горничных, лекарей и стражей. При школе выросли сады, появилась ферма и даже мельница, а также большое пшеничное поле, через которое протекала Джует. Даже появилась кузня и мастерская. В общем образовался целый город.

Дети выросли. Кто-то уходил, найдя свой жизненный путь и призвание. Кто-то оставался, посвящая себя тому месту, которое их вырастило и дало второй шанс на счастливую жизнь.

Об охране Мариэль позаботилась в первую очередь. Вся эта территория была обнесена крепкой и высокой стеной. И защищена магическим куполом неприкосновенности, каким эльфы Вакрохалла оберегают свои города.

К счастью, пока что все эти меры предосторожности были ни к чему, но пренебрегать этим было бы опрометчиво. Тем более во время основания приюта еще была опасность, что враг просто затаился и набирает силы. Поэтому пансион стал самой настоящей неприступной крепостью.

Через пару десятков лет, когда больше не требовалось обучать людей игре на

фортепиано (потому что появились новые, продолжающие ее дело) Мариэль могла заняться чем-то другим. Она назначила смотрительницей одну из ее подросших подопечных, которой больше других доверяла. Наделив ее всеми полномочиями, Мариэль стала навещать школу раз в год-два.

Но в этот раз она не появлялась там целых три года. И она очень боялась, что работники разленились, что они присваивают все деньги, присылаемые Мариэль, что дети бегают в рванине и работают вместо взрослых. А то и вообще поле и огороды заросли сорняками, сады заброшены, и замок разграблен.

Ее встретила смотрительница Урсула — пожилая строгая женщина. У нее у самой двое взрослых детей. Дочка вышла замуж несколько лет назад и теперь живет в деревеньке у холмов Смараг-Моунд. А сын стал кузнецом при пансионе и во всем помогал матери. Муж Урсулы работал на мельнице.

Едва войдя во врата школы, все страхи Мариэль развеялись. Все-таки не зря она доверяла Урсуле.

Детки — сироты, к сожалению, бывают даже в мирные времена, — носились чистенькие, опрятные, сытые и потому счастливые. За ребятишками приглядывали добрые улыбочивые нянечки. Тоже опрятные, не в самых худших одеждах и обуви. Стражники, вальяжно развалившись на лавках, беззаботно болтали. Но были готовы чуть что — тут же поднять свои зады и помчаться на зов трубы. Их оружие было сложено у стены в идеальном порядке, что бы в любой момент подбежать и выхватить. Но оно явно давно не вынималось из подставок. Только для того чтобы почистить.

Мариэль никогда не заставляла дозорных стоять, вытянувшись по струнке. В этом не было необходимости. Было достаточно того, что были люди, готовые защищать сирот и их учителей.

Приют Третьего солнца стал уголком, в котором царило добродушие и радость. Где не было корысти и злости. Мариэль долго этого добивалась, посвятив этому пол своей жизни. И ее старания были увенчаны успехом. Пансион был самым удавшимся ее делом. Вот он уже без малого шестьдесят лет стоит и не рушится, не тонет в неготиве.

— Вы голодны, госпожа? Велеть приготовить обед? — после приветствия затароторила Урсула.

— Милая, называй меня поимени. И нет, спасибо, я сыта. Пообедаю вместе с детьми. Ты ведь не изменяла расписание?

— Нет, все по-прежнему.

— Вот и славно. Расскажи, как у вас тут идут дела.

К Мариэль подбежал мальчишка лет пятнадцати, подхватил ее багаж, что бы отнести в ее комнату. Мариэль сунула пареньку апельсин и потрепала его волосы. Мальчика звали Уильям. И Мариэль знала, как он любит апельсины, а потому, лишь завидев его, бегущим навстречу, прошептала "тил эров ротэквэ нэголос" и маленькое семечко в ее руке преобразилось в спелый апельсин.

Они с Урсулой прошли в комнату для отдыха и сели в уютные кресла. В это время тут никого не было. Дети находились на занятиях или гуляли.

— Ох, — вздохнула Урсула, готовясь рассказывать хозяйке приюта о его делах. — Не знаю где еще так кипит жизнь. С тех пор, как я сюда попала, наш городок заметно вырос. Дети растут, появляются новые семьи, мы строим новые хижины. Некоторые, конечно, живут в замке, но места катастрофически не хватает. Думаем расширить владения и

строиться за стеной.

— Хорошая идея. Я поддерживаю. Что еще у вас нового?

— Нам нужен учитель счета.

— Что стало с Иветой?

— Рожать надумала. Через недели две разродится, так ей бы за своим дитяткой ухаживать, на учительство у нее времени не будет.

— Ты права, я что-нибудь придумаю.

— Вчера пришла весточка от Берта. Он теперь член Ордена. Лекарь. Молодчина парень, не забывает о нас. Письма шлет.

— Ты ему мать родную заменила, это не удивительно. А вот то, что он теперь уважаемый человек, это хорошо.

— У малыша Йоханса, — продолжала рассказывать Урсула, — проявились магические способности. На той неделе устроил настоящий бардак, заставив вещи летать по комнате. Еще до этого натравил стайку синиц на кота, который охотился на этих птах. Кота чуть не заклевали, потрепали его знатно.

— Главное, что кроме кота больше никто не пострадал. Я займусь мальчиком. Научу его контролировать это.

Тут дверь с грохотом распахнулась, в зал вскочил Уильям. Запыхавшийся и растрепанный.

— Потченные госпожи, к вам пожаловали...

Паренек не успел договорить. Из-за его спины вышли двое. Белокурая девушка с выбритыми висками, и собранными в странные косы волосами. Из всей одежды на ней была лишь красная туника, едва достающая до колен и высокие черные сапоги с интересной шнуровкой. Под пышной грудью был завязан бежевый длинный — до пят — платок, вышитый узорами, напоминающие скандинавское этно. Он, будто юбка, красиво облегал ее тонкую талию и округлые бедра.

Ее спутник — однорукий парень, был на нее очень похож. Такой же белокурый и синеглазый. Его борода и волосы аккуратно подстрижены и собраны в brutальные косы. Плащ — Мариэль подозревала, что он скорее для эффекта, чем для тепла — был той же расцветки, что и "юбка" девушки. В руке мужчина сжимал посох, на шее висели амулеты из кости, меди, бирюзы, нефрита, онникса и, похоже, слоновой кости.

— Максин! Дельвин! — Восторженно воскликнула Мариэль, сходу узнав гостей, даже не смотря на такие колоссальные изменения во внешности. — Рада вас видеть!

— Добрый день, — заговорила Урсула.

— И вам не хворать, — окинув женщину надменным взглядом бросила Максин. Она больше не выглядела наивной, неуверенной в себе волшебницей. Во взгляде, осанке и выражении лица чувствовалась уверенность, твердость и даже некая жестокость.

— Здравствуй, Мариэль. И вам доброго вечера, госпожа...эм... — Дельвин посмотрел на смотрительницу, слегка поклонившись в знак уважения.

— Ах да, где мои манеры. — спохватилась Мариэль. — Урсула, Дельвин и Максин — мои старинные друзья. Ребята, Урсула — управляющая этой школы и моя помощница. Присаживайтесь, вы должно быть устали с дороги.

— Я, пожалуй, оставлю вас. — И пожилая дама скрылась за дверью вместе с Уилом.

Дельвин, учтиво склонив голову, пропустил ее. А вот Максин, похоже, и внимания не обратила на Урсулу. Она уперла руки в боки и стала разглядывать помещение. Ее синий

взгляд скользил по статуэткам, вазам, канделябрам, люстрам, диванчикам и резным столикам без должного интереса. Она словно оценивала каждую вещь. А потом плюхнулась в кресло напротив Мариэль, вальяжно развалившись и вздохнула:

— Ох, ноги мои ноги... Значит, Урсула тут главная... А я думала, хозяйка ты.

— Я всего лишь основатель и спонсор. — улыбнулась в ответ Мариэль.

— Ой да не скро-омничай! "Всего лишь основатель"- ха!

— Да брось, сестренка, это же Мариэль. Какого еще ответа ты ожидала? — Дельвин предпочел остаться на ногах, оперевшись на свой посох. Он задержал взгляд на руке Мариэль, поглаживающей округлый живот. Прорицатель замер на мгновение. Поморщился, потом его лицо искосилось сочувствием и болью. Но тут же снова приобрело обычное выражение. Мариэль и не заметила резкой смены настроения друга.

— Я имела в виду, что я тут редко появляюсь, поэтому всем заправляет Урсула.

— Ты не меняешься, Мариэль. — Дельвиг выглянул в окно, посмотрел на играющих во дворе детишек

— Кстати об этом. Как вам удалось... Не постареть?

— О это все эликсиры и безделушки Максин. Думаешь все это, — он погремел украшениями, — я ношу по своей воле?

— Не нравится — не носи. — хмыкнула сестра, закинув ногу на ногу.

— У тебя хватило могущества на продление молодости... Ты не пыталась вернуть Дельвину руку?

Максин в ответ пожала плечами. Мариэль подумала, что она уже не ответит. Но та, подумав немного, все же сказала:

— Наверное я могла бы. Но тогда рука будет выглядеть неестественно. Ведь столько лет прошло. Это не глаза вернуть, которые два дня назад выкололи.

— Максин! — Воскликнул строго брат. Она хотела уж было возмутиться, но тот выразительно посмотрел на погрусневшую Мариэль, и девушка стушевалась.

— Да, ты права. Это сложнее. — моментально взяв себя в руки, ответила Посланница Солнца. И поспешила сменить тему. — А вы тут как оказались?

— Привели тебе армию осиротевших чертят. — Скучаяще ответила чардейка.

— Не слушай ее. — Поспешил перебить сестру Дельвин, заметив как расширяются глаза Мариэль от страха. — Всего троих.

— Да? А мне казалось их больше... — задумчиво произнесла белокурая красотка. — Во всяком случае шумят они как орава купцов на базаре.

— Бедняжек воспитывал дед, — Не обращая внимания на сестру, продолжал мужчина, — да тот помер. Старость... Ну мы и решили ссобой их взять, тут то им всяко лучше будет, чем на улице. Тем более мы и так сюда направлялись.

— Выходит, вас сюда привело другое дело? — Мариэль насторожилась.

— Ну почему сразу дело? — вздернула подбородок Максин. — Может мы просто соскучились.

Двери зала снова распахнулись, в комнату ввалилась толпа детей в сопровождении нянек.

— Прогуляемся? — предложил прорицатель.

Мариэль кивнула.

— Ты серьезно? Пожалей мои старые ноги! — возмутилась Максин- пожалуй пойду отдохну. — И она скрылась в направлении гостевых комнат.

А Мариэль со старым другом вышли в сад. Теплые лучики заходящего солнца приятно грели спину.

— Дело в том, Мариэль, что мне было видение. — осторожно подбирая слова, начал мужчина.

— Оно касается именно меня?

— Тебя в том числе. То что я видел, затронет всех нас. Грядет разрушительная буря со стороны Пенного моря. И я говорю не о погоде. Все королевство будет в опасности.

— Что именно ты видел?

— Тучи, грозу... И корабли. Много кораблей. А на борту разрушительная сила, способная уничтожить всех и каждого.

— Почему ты решил рассказать это мне? В моих силах все уладить?

— В твоих силах убедить королей в приближающейся опасности. Что бы те начали подготовку.

— Я не принимаю участия в совете. Мой голос для них — пустой звук. Кто я, что бы меня слушали?

— Посланица Солнца. Эльфийская принцесса. Третье Солнце. Ты — воительница иного мира. Вернувшая свободу драконам. Сразившая Фулдура бессмертного. Изобретательница велосипеда в конце концов!

— Шутник...

— Что, скажешь, я не прав?

— Ну хорошо, убедил. Я постараюсь что-нибудь придумать. Хотя вряд ли кто-нибудь из королей поверит в это и сочтет угрозой... значительной.

— Народ начинает забывать что значит — трудные времена. И о войне все тоже позабыли. Общего врага ни у кого нет, и теперь люди видят врагов друг в друге. Люди в эльфах, эльфы в гномах, гномы в драконах, женщины в мужчинах, подростки во взрослых, короли друг в друге и так далее. Некогда сплотившийся народ, снова начинает распадаться. Как сказал один мудрец: "когда все забудут об одной войне, жди следующую". Именно это сейчас и происходит.

Повисло молчание. Оба обдумывали сказанное. Было странно обсуждать что-то подобное после стольких лет мира и благополучия в стране. Беспокойство сгущалось в тугой комок в горле Мариэль. Ее стало подташнивать. Но она вдохнула свежий воздух и все прошло. Подул ветерок, встрепенув волосы Мариэль. Над головой пролетела канарейка, что-то звонко прочиривав. По тропинке навстречу со смехом неслись дети. Они пробежали мимо, словно и не заметив гуляющих взрослых.

Дельвин поднял глаза к ясному небу.

— Ровно шесть десятков и один год назад мы познакомились. — сменил он тему, что бы развеять тревогу.

— И ровно столько же лет назад мы спалили твою таверну.

Мужчина рассмеялся.

— Да, было дело. В тот день, ты впервые использовала меч по назначению, если я не ошибаюсь.

— У тебя хорошая память. В тот день произошло еще кое-что. Мое детство закончилось. — Мариэль поймала вопросительный взгляд друга. — Я тогда впервые попробовала вино, впервые убила человека и впервые почувствовала настоящий страх за свою жизнь.

— Столько всего с тех пор случилось. Много изменилось. Хотя верить в сказки ты с тех пор не перестала.

Теперь была очередь Мариэль вопросительно выгибать бровь.

— Ну серьезно. Я мог бы наболтать тебе какую угодно чепуху, приврав, что видел это в видении, и ты бы поверила!

— Так это была шутка? — У Мариэль как гора с плеч, так легко стало от этих слов. Но серьезное выражение лица Дельвина водрузило эту гору обратно.

— Нет. Насчет войны я не шутил.

Глава 7. Начало конца

— То есть ты предлагаешь посеять тревогу среди народа лишь потому, что какой-то шарлатан заморочил голову твоей жене? — Закинув ногу на ногу, уточнил кроль Зигмунд.

— Осторожнее, ваше величество. Моя жена, а тем более я на много старше и мудрее вас. — Обозлился Фаолин. — Как и Дельвин. Он не уличный фокусник и не ярморочная цыганка, которые наболтают вам что угодно, лишь бы им заплатили. — Фаолину самому не хотелось заступаться за этого человека. Но он верил Мариэль, а потому верил и ее другу.

— С чего ты это взял? — прогудел гулким басом король Дуглас.

— Дельвин не раз помогал нам в прошлом. В своих видениях он еще ни разу не ошибался. — Продолжал настаивать на своем эльфийский принц.

— Его помощь была весьма сомнительной. — Презрительно махнул рукой Арагнаст. Фаолин мысленно вздохнул. Когда же отец научится доверять сыну.

"Не вижу причин не доверять мальчишке"- высказал свое мнение Молдобад, просунувший голову в окно.

— Как и причин доверять ему. — Сказала королева Элейс, изящным движением смахнув с лица рыжую прядь.

"Я не знаком с Дельвином, но хорошо знаю Мариэль. А она в выборе друзей еще ни разу не ошиблась. Как и в выборе тех, кому доверять"- Ответил Молдобад.

— У них могут быть скрытые мотивы. — Не сдавала позиции Элейс.

— "У них"? Ты что-же считаешь, что Мариэль может задумать что-то против королевства? — Не стерпел Фаолин. Такие слова было вдвойне обидно услышать от матери. Эльфийская королева ничего на это не ответила.

— Что ты скажешь, дочь моя? — Глаза Арагнаста встретились с глазами Иналии. Все члены совета устремили взоры к ней, готовые выслушать ее незначительное мнение.

— Как Фаолин и Молдобад, я доверяю Мариэль. И с Дельвином я лично знакома, как и с его способностями весьма точно предсказывать будущее. — Фаолину на мгновение показалось, что его сестра смутилась. — Если бы от меня зависела судьба Джевелии, я бы прислушалась к его словам.

— Но она от тебя не зависит. — Ехидно прорычал Димбл — старший сын и наследник короля Дугласа.

— Как и от тебя. — В ответе Иналии слышалась сталь.

Гнома это разозлило. Он уже хотел что-то ответить.

— Колкостями, дети, дела не решают. — Прогудел Дуглас. Иналию оскорбило то, что гном назвал ее ребенком, но она промолчала. — Что мы решим в конце концов?

"Половина из нас не хочет поступить так, как считает нужным Мариэль и ее пророк. Я верю им обоим и я пошлю своих драконов патрулировать берег Пенного моря, а так же по одному дракону в каждую деревню и малый город. Кто того же мнения, так же примет меры предосторожности. Хотя всем сердцем желаю, что бы они оказались напрасными. Остальные же и дальше будут заниматься явными проблемами."- Дракон обвел присутствующих своим бриллиантовым глазом. — "В любом случае, мы получим урок. В следующий раз мы или сразу послушаем Посланницу Солнца и пророка, либо отметем все сомнения вместе с их словами."

На том и порешили. Фаолин ожидал иного исхода, но был рад, что его ожидания не

оправдались. После ужина он отправился в комнату, встал у зеркала.

— Бонен утола буэнен Мариэль.

Девушка сидела в темной комнате. На полка, подоконнике и столе горели свечи, освещая ее лицо дрожащим пламенем. Увидев в зеркале любимого, она нежно улыбнулась. Поглаживая округлый живот, она слушала Фаолина. Он рассказал о решении совета.

— Любая инициатива со стороны королей — уже хорошо. Меня бы разочаровало полное бездействие. — Голос жены ласкал слух Фаолина.

— Как готовишься ты?

— Мы расширяем территорию школы. Обнесем землю рядом длинной и шириной в три тысячи ярдов стеной, укрепим магией. Построим там жилища. Когда все начнется мы сможем принять беженцев с ближайших деревень.

— Это не лишнее? В замке поместятся пятьсот человек.

- Сто из них- сироты. Пятьдесят — няни, поварихи и горничные. Семьям, что имеют собственные дома, самим не хватает места. Даже если Дельвин ошибся и все обойдется, место нам нужно.

— Будь по твоему. Строительство уже началось?

— Завтра придут камни вместе с каменщиками. Как там Дейли?

— Носится по городу с друзьями. Уж не знаю, что у них за дела, но во дворце они не сидят. За ними иногда приглядывает Златоэорис, так что не беспокойся.

— Но он скоро вернется в штаб ордена.

— А Дейли, Агнар и Игеред отправятся в Маргинг. А я скоро приеду к тебе. В Деградаре мне делать больше нечего.

Мариэль кивнула. Минуту царило молчание.

— Я скучаю. — прошептала она. Ее рука сама собой потянулась к Фаолину, но вместо плеча любимого легла на холодную поверхность зеркала.

— Я скучаю. — эхом повторил ее принц, прикоснувшись к отражению ее ладошки.

— И зачем это тебе, Дейли? — вздохнул Игеред, вальяжно развалившись на мягкой зеленой траве. — Пусть с этим разбираются короли и старейшины. Расслабься!

— Неужели тебе не интересно кто за всем этим стоит? Ты не хочешь узнать секрет убийц-невидимок? — Возмутилась девушка.

— Совать нос в чужие секреты — не мое.

— Не ты ли говорил: "Пока не узнаешь — не уснешь"?

— Я. А еще я считаю, что хоть от знаний пока еще никто не умирал — рисковать не стоит.

— И правда, Еслис, — Агнар нарочно выделил "Е".

— Не называй меня так!

— Вдруг эти невидимки захотят прикончить и нас, если мы продолжим их искать. — Не обращая внимания на возмущение подруги, говорил рыжий эльф.

— Вы оба просто лентяи и трусы!

— А вот это полнейший вздор! — задорно ответил Игеред. — Я вовсе не ленив. Я отдыхаю только в свободное от безделья время! Мне же тоже нужно набираться сил!

— А я достаточно храбр, что бы решиться на трусливый поступок. — Поддержал друга Агнар.

— Вы не понимаете? Для совета жизнь шута — ерунда. Скоро они решат, что этот

инцидент не стоит их внимания и успокоятся.

— И будут правы. — Агнар перевернулся на бок, подставив под голову руку.

— Прислушайся к голосу разума! Слышишь? Слышишь, какую чушь он несет!

Еле сдерживающиеся до этого, парни расхохотались в голос, распугав стайку птиц на близрастущем дубе. Но Дейли было не до смеха. Развернувшись, она пошла прочь.

— Эй, ты куда? — Вскочил Игеред.

— Проведу время в компании здравомыслящего эльфа!

— Это с кем же? — последовал примеру друга Агнар.

— С самой собой.

— Да здравствует раздвоение личности — кратчайший путь к душевному равновесию. — Воскликнул Игеред.

Иналия уверенным шагом удалялась, словно и не слышала его. Парни переглянулись. Вздохнули. И не сговариваясь, побежали за подругой.

— Мало ли в какие неприятности она попадет. — Шепнул Агнар.

— Точно. Еще чего доброго искры из ушей повалят. Она же тогда неуправляемой становится! А мы тут как тут. — Улыбнулся Игеред.

— С вами двоими мои уши станут огнедышащими драконами. — Не оборачиваясь, сказала Дэйелис, которая все прекрасно слышала.

— Каков твой план? — Догнав принцессу, спросил Игеред.

— Что-то подсказывает мне, что убийцы еще в городе.

— И-и?

— Подумайте. Невидимым можно стать лишь обладая магией, или если твой сообщник — маг. Таких в городе не много. Найдем мага — скорее всего найдем и убийцу.

— Елис, половина гостей коронации так или иначе чародеи.

— Да, но все они проверены. Это вряд ли кто-то из знати. Я проверила. Никто из знатных гостей не покидал зала до проверки. Значит это кто-то из слуг или артистов. Это явно кто-то, кто имеет право входить в замок.

— Но если они невидимы, то могли проникнуть и без приглашения. — продолжал спорить Агнар.

— В ряд ли. Ты стал бы проникать на коронацию только ради того, что бы убить шута? Из того, что мы знаем ясно, что нападение не планировалось вообще. Тот шут не угодил своим поведением кому-то из обслуживающего персонала.

— Оно, конечно, логично. Но ты сама говорила, что шут тогда много кого задел своим высмеиванием. Те же гномы были готовы размазать его по стенке. — Агнар шел рядом с Дейли. Игеред же просто плелся позади друзей, не выражая никакого интереса к мыслительному процессу.

— Да, но гномы зачастую решают все кулаками и сквернословием. Способ расправы наших преступников продуман и не раз испробован в действии.

— Допустим я с тобой согласен. — сдался Агнар. — Куда мы идем-то?

— На кухню.

— О, это по моей части. — Оживился Игеред и бодрее зашагал. Даже поравнялся с друзьями.

Жаркие дни сменились прохладой и частыми дождями. С первым же днем осени на небо набежали тучи и ветер стал ощущаемо холоднее, вынуждая всех одеваться теплее. И в

первый же день осени в Маргинг прибыл гонец с плохими вестями. В письме, что он нес, говорилось следующее:

"Двадцать второго августа в сверкающей бухте к берегу Джевелии пристал корабль. Над ним развеялся пурпурный влак с черным драконом. Его капитан требует аудиенции у правителя сего королевства"

От имени всех пяти королей, на аудиенцию отправился король Арагнаст. Капитан с до смеху серьезным лицом требовал от Джевелиян немедленного отступления и освобождения земель для его народа. Естественно, Арагнаст, а потом и другие короли, посмеялись и отвергли нелепые требования. Они лишь предложили пришельцам остаться, как почетные гости, на какое-то время.

"И это та самая всеразрушающая буря со стороны моря?" — думал Зигмунд, насмехаясь над капитаном, Мариэль и пророчеством Дельвина.

Но вскоре, вслед за тем кораблем, приплыли еще. С каждым днем кораблей становилось все больше. И к середине осени каждая удобная бухта, вся линия побережья, где не было скал, были заполнены кораблями под пурпурными флагами с черными драконами. А потом появились и сами драконы. Они выглядели иначе, чем Джевелийские. Они все были темных оттенков, а не ярких, как привыкли видеть этих созданий жители Джевелии. На каждый корабль приходился один, охраняющий команду дракон.

Короли испугались. Они стали призывать людей в свои армии, и приказали мирным жителям деревень и малых городов, перебраться в более безопасные города. Вакрохалл, как и в прежние войны, открыл свои врата для беженцев. Но не все осмеливались уходить так далеко. Кто-то верил, что люди, приплывшие на кораблях не станут нападать и согласятся на предложение королей — быть гостями. Наивные люди оставались в своих ветхих жилищах. Умные спешили в Вакрохалл. Осторожные расселялись за крепкими стенами больших городов или под толщей Белых гор. Пусть там не видно солнечного света, за то там их в ряд ли достанут черные ящеры, как окрестили приплывших люди.

Но черные ящеры пока не нападали. А потому и короли не спешили громить их флот.

— Чего короли выжидают? Почему первыми не нанесут удар по этим ящерам? — Возмутился Игеред, собирая опавшие листья граблями в саду Маргинга.

— Не хотят развязывать войну. Если она и будет, то не Джевелия начнет ее. — Пояснила Дейелис, подметая дорожку.

— Помоему, ящеры уже дали понять, что не шелком торговать приплыли. — Собирая граблями листья в кучу, сказал Агнар.

— Тогда чего они ждут?

— Может должны приплыть еще корабли? — предположил Игеред. — Их и так уже больше сотни. А совет только и решил, что эвакуировать людей подальше от моря. За то мы с вами торчим тут в опасной близости от моря.

— Ты что боишься? — хихикнула Дейли, махнув метлой так, что золотые листья с головы до ног осыпали неугомонного эльфа.

— Я? Да ни за что!

— Да ну? Вот что ты будешь делать, если на нас внезапно нападут?

Парень выпрямился, выгнул грудь колесом, подхватил грабли, словно те были копьем и сделал выпад, атакуя воображаемого врага. Дейли и Агнар рассмеялись. Их звонкий смех заглушил, раздавшийся за кустами, крик и треск, ломающихся под десятком ног ветвей. И свист. Он приближался. Игеред только краем глаза заметил стрелу, летящую в Дейли. Он

прыгнул вперед, толкнул девушку, упав на нее сверху.

— Слезь с меня! — Дейли спихнула парня.

Тот поднялся и тут же ему пришлось отбиваться от захватчика. Граблями. Удивительно, но обрушившийся на древко меч, не повредил "оружие" эльфа.

Пока Игеред пытался одолеть противника, Агнар схватил Дейли, что-то шепнул ей на ухо. И оба, схватив метлу и грабли, кинулись на врагов.

Отбившись, Игеред бросился в сторону замка.

— Держитесь, я приведу помощь! — крикнул он друзьям.

И все стихло. На мгновение. И снова раздался звонкий смех друзей.

Игеред остановился, обернулся. От захватчиков и следа не осталось, не считая разлетевшейся кучи листьев, которую он с таким усердием собирал. Дейли и Агнар смеялись, держась за животы и утирая слезы.

— Каков храбрец! — Сквозь хохот подначивал Агнар.

— Это все ты? — Глаза эльфа становились все больше, пока не стали круглыми, как монеты. А потом резко сузились и Игеред бросился на друга, повалив его в кучу листьев. Он не стремился калечить друга. Только слегка намять тому бока за подлую шутку. Это превратилось в озорное бесячество. Парни поколачивали друг друга, смеясь и пытаясь подняться, оставив приятеля на земле. Дейли с улыбкой наблюдала за ними, пока оба не схватили ее за руки и не повалили. Листья золотым фонтаном разлетелись в разные стороны. Эльфийский сад наполнили звонкие голоса и ребяческий смех.

— Что здесь происходит? — Раздался властный голос, вышедшего из-за поворота, старого эльфа.

Все тут же притихли и замерли.

— Ничего, учитель. — Дэйелис первая опомнилась, поднялась на ноги, отряхнулась и склонила голову.

— Агнар! — Учитель окинул девушку взглядом и обратился к старшему из троицы эльфов. — Сколько раз тебе повторить, что бы ты понял. Дар иллюзии — не игрушка. Нельзя использовать его так безответственно.

— Извините, учитель. — Парень виновато опустил глаза.

— Игеред. А тебе нужно научиться отличать реальность от выдумки. Имея друга, владеющего стихией обмана, уже давно можно было выработать чуткость. — Игеред встал рядом с друзьями и тоже опустил голову. — Ну а вы, ваше высочество... Я ждал от вас реакции, присущей взрослому эльфу. Все же вы еще ребенок. Однако, как самая ответственная из всех, проследите, что бы через час эта часть сада была тщательно вычищена.

Учитель погладил длинными пальцами седую бороду, свисающую до пояса. Сверкнул строгими черными глазами и ушел.

— Всю часть сада? Но мы же должны были убрать только эту тропу. — Вдохнул Игеред.

— А теперь нет. — Подражая строгости учителя (чем частенько раздражала парней), ответила Дейли. — Давайте, ребята, за работу.

— А ты? — удивился Агнар.

— Ты же слышал, что сказал Ханзиль. Я буду следить. — Дэйелис сплела на груди руки, прислонившись к тису.

— Эй, Еслис, так не честно, ты тоже дурачилась!

— Не ной, я пошутила. — Она подхватила метлу и все трое снова взялись за работу.

Глава 8. Тайны древней цивилизации

Близился конец октября, становилось все холоднее. Хмурых дней прибавилось, почти все деревья сбросили свою листву и теперь стояли с голыми, потемневшими от сырости, ветвями. Над школой кружила стайка воронов, громкими криками возвещая о приближении зимы.

Мариэль гуляла по двору, наблюдая за обучением малыша Йоханса магии. Максин хоть и не очень подходила на роль учителя, справлялась все же не плохо. Обычно не ладившая с детьми девушка, на удивление быстро нашла общий язык с мальчиком. Остальные ребята колдунью побаивались, а девочки с визгом разбегались при виде Максина.

На той неделе строительство стены закончилось. И за ней уже расположились жители двух ближайших деревень. Пока они сооружают себе хоть какую-то крышу над головой, Мариэль разместила их в свободных комнатах и залах замка. Скот, приведенный с собой, определили на ферме. Запасы зерна и муки сложили в кладовой. Теперь все, кто скрывался за стеной Приюта стали единой семьей. Завтрак, обед и ужин был строго по расписанию, как и часы отдыха. Работали все, кроме, конечно-же детей и стариков. Но и те старались помочь в чем могли.

Фаолин так же не пренебрегал работой. В первый же день, как приехал, он взялся за молоток и пошел строить с мужиками общие дома, где расположатся селяне. Руководить всем этим выпало Мариэль. Поторопившись, она отправила Урсулу с сыном в Деградар — закупаться продуктами, пока еще передвижения по стране считались безопасными. Чем больше припасов — тем лучше. Война — повод для торговцев разбогатеть, поэтому в ряд ли Урсула привезет много. Но, при осаде каждая горстка муки — на вес золота. А за одно Мариэль попросила Урсулу купить ей пару теплых платьев и теплую одежду для Фаолина. Ведь, собираясь на коронацию, она не рассчитывала, что не вернется домой до зимы. А возвращаться в Агда-Тири слишком опасно.

— Госпожа! — Вывел ее из раздумий голос Уильяма. Мальчик спешил со стороны главных ворот. — Госпожа Дейелис, господин Агнар и господин Игеред велели доложить вам об их прибытии.

— Спасибо, Уилл. — Мариэль потрепала парня по голове, взъерошив его волосы. И как только он скрылся за поворотом, она кинулась к воротам, не скрывая больше улыбку за маской безразличия.

Вот она, ее девочка. Бежит, волосы назад, глазки горят, зубки блестят в белоснежной улыбке. Будь она поменьше, запрыгнула бы маме на руки, обвив руками шею. Но вот Дейли остановилась прямо перед Мариэль, облегченно вздохнула и прижалась к плечу матери, будто бы ища в объятиях утешение.

— Твое обучение у Ханзиля окончено? — Спросила Мариэль. Дочь отстранилась и взглянула ей в глаза. На ее лице больше не было и тени радости встрече.

— Арагнаст отослал нас, заботясь о нашей безопасности. Из-за спины Дейли вышли Агнар и Игеред. — Черные ящеры перешли в наступление. Их войско идет к Маргингу.

— Этого можно было не допустить. — Раздраженно ответила Мариэль. Вести принесенная дочерью, предсказание Дельвина указывают на одно — грядет новая война. А ей, Мариэль, смерть как не хотелось переносить снова все те ужасы. Опрометчивость и наивность королей злили ее. Собрать армии, что бы запереться в столицах, ожидая прихода

врага, вместо того, что бы разом разгромить его армии?! Что за тактика трусов? Но вместо всего этого, Мариэль лишь сказала, — Вы, вероятно, устали с дороги. Свободных комнат пока нет, но я что-нибудь придумаю. Подождете меня в замке?

Дейли кивнула и в сопровождении своих друзей направилась в крепость. А Мариэль пошла на поиски Фаолина.

Территория, что была обнесена новой стеной, представляла собой дубовую рощу. Но больше половины уже вырубил. Так что стройматериалов хватало, да и дровницы были забиты. Где-то там и трудился Фаолин.

Лишь завидев Мариэль, он бросил топор и ринулся ей навстречу.

— Что-то случилось?

— Дейли здесь. — Мариэль заметил, как эльф расслабился. — И...

Она рассказала весть, принесенную дочерью и высказала свое мнение по этому поводу.

— Не беспокойся. Они не пройдут дальше Эльфийского леса. Отец этого не допустит. Нам нечего бояться.

Ну вот опять. Весь в отца. Вместо того, что бы предпринять серьезные меры против захватчиков, он пытается ее успокоить и внушить, что опасности никакой нет. Теперь ясно, почему Фулдуру в тот раз удалось захватить пол страны и целых семь лет удерживать ее под своим гнетом. Мариэль же хватило года, что бы все исправить. А если бы ее пустили в совет, она бы и Черных Ящеров дальше берега не пропустила. "Вот рожу и возьмусь за это, надоели, бездельники"- подумала она, откидывая мысли о том, что после родов ей совсем не до королей и войн будет.

Внешне ее раздражение ничем не выявлялось. Она кивнула, разочарованно вздохнув. Фаолин расценил это, как жест смирения. Убедившись, что жена спокойна, он нежно погладил ее по спине.

— Возвращайся в замок, тут холодно. — Поцеловав любимую, он вернулся к работе. А Мариэль послушалась его и пошла в замок. На улице и правда было прохладно, тем более одета она была в летнее платье, и только накинула сверху плед.

Стремительным шагом минуя двор, Мариэль глядела себе под ноги, не замечая ничего и никого вокруг. И едва не столкнулась с Дельвином. Он придержал ее за плечи. И хотел уже что-то сказать, но Мариэль заговорила первой.

— Ты сказал, что обратился ко мне, потому что я смогу убедить королей действовать. Ты ошибся.

Не дожидая ответа синеглазого пророка, она пошла дальше.

В зале для отдыха, где ютились с десятков селян, Мариэль нашла дочь с ее друзьями.

— В замке осталась одна небольшая свободная комната. Игеред, Агнар, она ваша. Дэйли, пока поживешь вместе со мной и отцом. Твои друзья помогут принести туда кровать?

— Конечно, госпожа. — Отозвался Агнар. Игеред просто кивнул.

В чулане, что мог сойти за еще один зал, не скопилось там столько хлама, Дэйли выбрала себе широкую кровать с балдахином. То ли из соображений комфорта, то ли для того, что бы мальчишкам было тяжелее затаскивать ее на третий этаж. Мариэль склонялась к первому варианту. Агнар и Игеред были с ней не согласны.

Справившись с этим, Дэйли принялась застилать постель, Игеред помог Мариэль развести огонь в камине, а Агнар ждал на пороге. Закончив с делами, троица ушла, дав Мариэль слово, что за пределы школы уходить не станут. А сама она осталась один на один

со своей злостью на королей и их бездействие. В конце концов, она решила, что все равно сейчас ни на что повлиять не сможет. Поэтому открыла сундук со свитками и книгами из Лэ-Мьюйафа. Половину из них она уже прочитала, четверть была написана на непонятном языке, остальное лежало нетронутым.

Разобрав оставшиеся бумаги, она разделила их на бесполезные, в которых не содержалось ничего интересного, и нечитабельные, которые были изложены на неизвестном языке.

— Надо же, какое сокровище, а на самом дне завалилось. И почему я сразу его не нашла. — Шепотом удивилась Мариэль, взяв со дна сундука толстый том. На обложке побуревшей от времени красной кожи почти стерлось название, написанное на двух языках. Все том же непонятном и всеобщем:

"Словарь Мальтифада и Всеобщего языков"

Мариэль тут же схватила один из "нечитабельных" свитков, и с помощью словаря попыталась понять, что там написано. Однако переводить каждое слово по отдельности оказалось чрезвычайно нудным занятием. К тому же, переведя первые две строчки, Мариэль поняла, что это налоговые расчеты и отложила бумагу в сторону. Вместо этого пустого занятия, она углубилась в изучение словаря. Да, там не было ни грамматики, ни правил пунктуации, за то была удобная транскрипция.

Следующие пару недель она коротала за книгой. Язык оказался легким. Слова запоминались очень быстро. И скоро Мариэль могла не только назвать правильный перевод того или иного слова, но и указать верную страницу и строку в словаре. Две недели спустя, вечером, когда она разобралась с бытовыми делами, Мариэль взялась за непрочитанные свитки и книги.

Первый повествовал о пещере в восточной части Фусантротона. Это пещера забвения. Всякий вошедший терял память. И уже не мог вспомнить ни свое имя, ни своих близких, ни вчерашний день. Изучить аномальную зону не удалось никому до сих пор.

Мариэль знала о существовании пещеры забвения. И даже знала где она находится, и что входить туда не стоит. В отличие от матери Малвеля. Когда-то давно, сопровождая купцов, эльфийка отстала от каравана. Потерявшись в Белых горах, она угодила под дождь. И, намереваясь переждать непогоду, спряталась в расщелине в скале. Вышла уже не помня кем является. Благо, купцы нашли ее раньше, чем дикие звери. Эта история наводила печаль. Мариэль отложила свиток, не дочитав.

В следующем были расписаны расчеты провизии на зиму и расходы запасов. Мариэль кинула его в камин. А следом за ним подкинула дров. В комнате стало гораздо теплее.

Устав от свитков, Мариэль взяла книжечку. В тонком переплете с позолоченными буквами.

"Народы Кете. Очерк Семеареля вездесущего"

Одно только название ввело Мариэль в замешательство. Точнее одно слово из названия. Кете. То, что древний народ знал, как духи называют этот мир, могло говорить о том, что они общались с ними. Сейчас редко встретишь человека, который хотя бы словом перемолвился с духом. Даже она, Мариэль, говорила лишь с Анорсель. И то последний раз это было очень давно.

Интересно, что еще духи рассказали им? Знали ли потомки Ниледерфа о Ваставе?

Откинув пустые размышления, Мариэль раскрыла книгу на первой странице.

Сей очерк содержит в себе описания всех разумных рас. Я, Семеарель вездесущий,

получил это прозвище за свои странствия, в ходе которых я изучал народы Кете. Разумеется, все они делятся на группы, представляющие из себя отдельные общественные строи. И каждый отличается друг от друга культурой, верой, традициями и много чем еще. Но в своем трактате я поведаю общие черты всех рас. (Высшей расе — драконам — посвящен отдельный очерк "Неопалимые покорители небес")

Человек. Средняя продолжительность жизни: 40–60 лет.

Описание: Телосложение у людей может быть совершенно разным. Объехав все населенные земли, я встретил человека, ростом с гнома, но при этом с острыми, подобно эльфийским, ушками; Высоких и широкоплечих людей; коренастых; тощих; полных. Все они разные и друг на друга не похожи. В этом их особенность.

Мало кто из них владеет магией. Достижения в искусствах и ремеслах, по сравнению с другими расами, не значительны.

Люди уязвимы перед болезнями. Без медицинского вмешательства плохо переносят ранения даже самой легкой тяжести.

Среди людей возможно найти тех, кто превзойдет во владении ремеслом долгоживущих, однако таких крайне мало. Большинство заиклены на выживании. Я очень часто слышал фразу: "доживем до весны, а там как звезды сойдутся".

Владение магией: редко.

Владение стихийной магией: нет.

Богов у людей великое множество. Я насчитал свыше двухсот шестидесяти четырех. Но затрону лишь некоторых из них, чьи имена я слышал чаще прочих:

Иन्हостин — бог плодородия. Фермеры молят его о богатом урожае.

Свард — бог войны и правосудия. К нему обращаются солдаты за победой и судьи за помощью в трудных решениях.

Хельсе — богиня исцеления. Ее вспоминают тяжело больные.

Скаперен — создатель. Отец людского рода, сотворивший первого человека из грязи и морской воды.

Гном. Средняя продолжительность жизни: 200–400 лет.

Описание: Это низкорослые создания, чаще всего полноватые и с круглыми лицами. У гномов густой волосистой покров. Не редко встречаются бородатые женщины. Глаза гномов приспособлены к полумраку, однако и яркий солнечный свет их не пугает. Действия гномов грубы и неотёсанны. Вероятность встретить изящного гнома очень мала. Однако, они проявляют тонкость натуры в своих ремеслах. Никто не сравнится с гномом в камнерезном или кузнечном мастерстве. Гномы — превосходные строители.

К болезням и ранениям эта раса устойчива. Достаточно легко переносят урон малой и средней тяжести.

Владение магией: редко.

Владение стихийной магией: редко.

Поклоняются духам земли, ибо они создали первых гномов из камня.

Жер — дух земли и единства. Помогает своим детям в разногласиях и направляет на верный путь. Она помогает потерявшим интерес к жизни, сломленным и павшим духом.

Тау — дух гор, ледников и холмов. Покровитель странников и следопытов. Грозный и суровый дух. Он не приветствует легкомыслие и слабохарактерность. Наказывает нетерпеливых и запальчивых. Считается, что Тау обитает в горах и не терпит шум и

балавство.

Асылтас — дух драгоценных металлов и минералов. Ведет шахтеров к драгоценностям, рожденным в недрах земли. Щедр для тех, кто не смотря на невзгоды, стремится к своей цели.

Тамак — дух изобилия и домашнего очага. Охотники молятся ему о легкой добыче. Домохозяйки о полном яствами столе, матери о том, что бы их дети не знали голода. А так же, что бы зимой кладовая была полна, в очаге полыхал огонь, согревая домочадцев.

Эльфы. Нестареющие долгожители.

Описание: Высокие остроухие существа, от природы наделенные грацией. С ранних лет их обучают скрывать эмоции. Умеют держать умиротворенное лицо при любых обстоятельствах.

Мало кто из эльфов не любит искусство. Возможность быстро справиться с бытовыми делами, дает им время развить свой талант и довести его до идеала. Многие не ограничиваются одним ремеслом. Любой художник может спеть и сыграть на флейте, а потом продемонстрировать сложнейшие боевые приемы или отлить кольцо невиданной красоты.

Представители данной расы избавлены от участи старения. Так же, они легко переносят любые болезни и ранения. И все же есть один недуг, которого страшится каждый эльф.

Прежде я о нем лишь слышал, но, путешествуя по северным землям Вакрохалла, столкнулся со случаем. Мне довелось присутствовать при проходах в последний путь эльфа, погибшего от того, что разучился дышать и задохнулся. Произошло это не просто так. Все дело в том, что для эльфов любовь — не просто красивая сказка. Они ее ощущают, как запах или вкус. Встретив свою любовь, эльфы привязываются к ней на столько, что, потеряв, не представляют жизни без нее. Будь то друг, член семьи, вещь, собака или лошадь. Потеряв это, эльф уходит глубоко в себя. Они называют это астралом. Несчастный словно бы спит, а разумом находится в мечтах. Он видит свои самые заветные желания и живет в выдуманном собою мире. В то время, когда его тело в мире физическом ослабевает. Эльф, находясь в астрале, парализован. Он не слышит, не видит, не чувствует ничего, что действует на него извне. В конце концов эльф умирает от обезвоживания, изнеможения или же от того, что забывает дышать.

Эльфы боятся такого исхода. Именно это служит объяснением тому, что они старательно не привязываются к чему-то недолговечному. Если эльф холоден в общении с вами, если он неразговорчив, чрезмерно надменен или высокомерен — он боится.

Владение магией: постоянное.

Владение стихийной магией: частое.

Религиозных фанатиков среди представителей эльфийской расы нет. Они привыкли рассчитывать на себя и на близких, так что не просят у высших сил помощи. И все-таки эльфы уважают и благодарят за свое существование духов.

Минвэ — дух жизни. По их преданиям, именно Минвэ создал эльфов и плетет нити их судеб.

Нат`уран — самый почитаемый эльфами дух природы, что главенствует над остальными. `Ана (дух рек, озер и прочих водоемов), Соулир (Дух лесов, садов и цветочных полей), Химмин (Дух неба и погоды).

Солин — дух солнца, тепла и света. И ее сестра Тунгиль — дух луны, тишины и

спокойствия.

Мальтифад. Долгожители. Средняя продолжительность жизни: 500–700 лет

Описание: Внешне схожи с людьми, вот только, при желании, любой мальтифад способен изменить облик(не прибегая к магии, как это делают эльфы). Мальтифад способен принять обличие любого живого существа, как существующего, так и выдуманного. Яркая отличительная черта — красные глаза. Мальтифады стареют значительно медленнее гномов или людей. Более того, некоторые из нас обладают бессмертием. Бессмертный мальтифад все же не полностью неуязвим. Умереть он сможет лишь, если раскрошится его зуб мудрости, с которым он и появился на свет. Кроме бессмертия, "избранные" мальтифады могут проходить сквозь пространство, появляясь и исчезая там, где им нужно. Бессмертный мальтифад не способен продолжить род.

При встрече с представителем этой расы, будьте аккуратны в своих мыслях. Мальтифад — непревзойдённый телепат. Никакие блоки не помешают нам прочесть ваши мысли.

Владение магией: частое.

Владение стихийной магией: постоянное.

Мальтифады — потомки Ниледерфа. Ниледерф — дитя духа миража и обмана Тенебриса и человеческой женщины Рагнгерд, воспитавшей его в одиночку. Для мальтифада Рагнгерд и Ниледерф — святые и значат больше любого духа.

Тенебрис — презренный дух. В литературе его сравнивают с ненавистным отцом, что бросил семью.

— Хочешь заставить меня ревновать тебя к бумажным клещам? — Лишь только закончила Мариэль чтение, в комнату вошел Фаолин.

— Вовсе нет. — Мариэль взглянула на мужа и заметила, как он был печален. — Прости. — раскаялась она.

Отложив книгу, встала из кресла и прижалась к уставшему эльфу.

— Ты уже третью неделю не выпускаешь из рук свитков. Ни с кем не говоришь, не поднимаешь глаз от строк на бумаге даже во время еды. Засыпаешь с книгой в обнимку. Словно игнорируешь меня. Я тебя чем-то обидел?

— Ну что ты. Не говори глупостей.- Мариэль не стала оправдываться. Вместо этого она потянулась к губам эльфа.

А Фаолин и не думал отстраняться. Получив наконец желаемое внимание, он не хотел отпускать его.

— Понимаешь эти каракули? — он бросил взгляд на книжицу, которую только что читала Мариэль.

— Пока не так, как хотелось бы.

Больше Мариэль рассказывать не стала, интуитивно понимая, что Фаолин и слышать ничего о книгах не желает. Говорить сейчас о своих открытиях было неуместно, поэтому Мариэль крепче прижалась к мужу, поглаживая пальцами его мощную спину.

Когда же он, наконец, разжал тиски своих объятий, Мариэль подошла к окну и распахнула ставни. В комнату ворвался прохладный поток воздуха. С крыши капала вода. Внизу вся земля была мокрой. Кое-где лежал снег, и тот грозился вот-вот превратиться в грязные лужи. Сыро, грязно, воздух полон мерзкого холода. Мариэль закрыла ставни.

— Когда ты в последний раз выходила на улицу? — Укоризненно проговорил Фаолин.

— Понятия не имею. Но сегодня я туда тоже не выйду. Такая мерзкая погода. Когда успел выпасть снег?

— Снег шел несколько дней. Вчера закончился. Сегодня впервые за неделю мороза потеплело.

— Разве же это мороз? В Джевелии теплые зимы.

Мариэль не любила Джевелийские зимы. Они слишком сырые, снега мало, только грязь да лужи. Вот в Вакрохалле зима как зима. Снег иногда наваливает под самые крыши. И пусть там лютые морозы, зато вокруг белым-бело, все искрится и сверкает. Порой кажется, что от такого можно ослепнуть. Когда идешь по улице, под ногами хрустит снег, а не хлюпает грязь. Именно по этим причинам Мариэль обычно на зиму уезжала в Эфелон. Жаль, в этот раз не получится.

— От чего ты такой грустный? — Спросила Мариэль.

— Маргинг в осаде. Войско Черных ящеров вырвалось из Эльфийского леса.

Мариэль очень хотелось сказать что-то вроде "я так и знала" или "я же говорила", но сдержалась.

— Ты была права. — Озвучил ее мысли Фаолин, сокрушенно опустив голову в ладони. — Бездействие королей привело к этому.

— На что они наедятся? — Сглаживая вопрос мягким тоном, спросила Мариэль.

— Должно быть, ждут, когда на помощь придет войско Вакрохалла.

"На что им собственное войско, если они не могут им распоряжаться"- подумала Мариэль, а в слух сказала:

— И где оно сейчас?

— В неделе пути до Золотой горы. В бездну все. Не хочу сейчас об этом думать. Будешь чай? С брусникой.

— Мой любимый.

— Я знаю.

Пока пили чай, говорили о всем, о чем только можно, не касаясь войны. И хоть русло беседы все стремительнее меняло свое направление в непринуждённую сторону, Фаолин не мог усидеть на месте. Он ходил по комнате с кружкой в руках. Мариэль делала вид, будто не замечает, как он, словно бы невзначай, подхватывает свитки и бумаги, и кидает их в сундук. Как он прикрыл сундук, провернул ключ, который потом незаметно спрятал у себя в кармане. После этого он, наконец-то, сел. Вздохнув, он приложился к кружке, большими глотками допивая ароматный чай.

— Я понимаю твое беспокойство. — Прервала недолгую паузу Мариэль. — И твои действия оправданы. Но ты, наверное, забыл, что у меня есть это.

Она подцепила пальчиком цепочку, на которой блестел в свете камина маленький серебряный ключик. Тихонько посмеявшись над обескураженным лицом Фаолина, она спрятала кулон обратно под одежду.

— Не нужно делать такой обреченный вид. Как раз сегодня я закончила с изучением библиотеки Лэ-Мьюафа. И даже нашла кое-что интересное. Так что можешь сжечь все это вместе с сундуком за исключением пары книг. Думаю, они существуют всего в одном экземпляре, и уничтожить их было бы преступлением.

Фаолин улыбнулся. Ему было интересно, что такого нашла Мариэль. Но в то же время он не хотел этого знать и что-то внутри поддевало его действительно кинуть этот сундук в

костер.

Утро встретило Мариэль пасмурным небом и все той же омерзительной погодой. Благо, на улицу ее выходить ничто не заставляло. Фаолин после завтрака поцеловал ее и быстро убежал работать. Сама она бездельничать не собиралась и отправилась уже заученным маршрутом. Сначала проверила, как дела на кухне. Выслушала кухарок, которые жаловались на недостаток свободных рук и слишком большой объем работы. Мариэль решила прислать к ним в помощь женщин, которые пришли из деревень. Она не знала, кому захочется весь день проводить на кухне, ведь, чтобы приготовить завтрак на три сотни человек, нужно встать до зари. После завтрака сразу же браться за обед, потом без продыху за ужин, а потом до ночи убирать со столов и мыть посуду. На зов Мариэль отозвались почти все женщины и даже их дети. И теперь в кухне будет слишком тесно. Тогда Мариэль разделила их всех на три бригады, которые будут по очереди готовить завтрак, обед и ужин. Кажется, все были довольны.

Потом пошла к прачкам. У тех, вроде бы, все было хорошо. Ничего в их работе не изменилось, они по прежнему стирали лишь вещи сирот. А вот у поломоек работы прибавилось. Сотни ног разносили грязь по всему замку и полы приходилось мыть каждые пол часа. Мариэль ничего не могла придумать лучше, чем приставить на входе людей, которые будут менять коврики у дверей и просить входящих вытирать ноги.

У стражников жалоб не было. И хорошо, меньше забот.

В полдень все собрались на обед, а после Фаолин снова ушел строить общие дома, а Мариэль направилась в классы, где проводились занятия. Лишь войдя в кабинет, она заметила, как сильно поменялось настроение детей. Все они были какими-то подавленными и грустными. Половина из них считали, что уроки стоит отменить, чтобы они пошли помогать взрослым, вторая, чтобы просто их отменить.

Пройдясь по всем классам и поговорив со всеми учителями и учениками, Мариэль оставалось только заглянуть в музыкальный зал. Там ее бывший ученик должен сейчас преподавать детям намарион.

— Дети, поздоровайтесь с госпожой Мариэль. — Призвал ребятшек мужчина средних лет, лишь только Мариэль вошла. Отовсюду послышались голоски, приветствующие ее.

— Здравствуйте, дети. Дидье. — Она вежливо склонила голову.

— Госпожа Мариэль. — Ответил учитель тем же вежливым жестом.

— У вас групповое занятие?

— Нет, госпожа. Это состязание. Мои ученики поспорили кто лучше играет и пожелали соревноваться. Попросили меня судить их. А я прошу вас, если у вас найдется свободное время. — Следующее предложение он проговорил шепотом, наклонившись к уху Мариэль. — Вы ведь понимаете, для меня все они — прекрасные музыканты. Я просто не смогу выбрать победителя.

— Я понимаю вас, Дидье. Я с удовольствием послушаю ваших учеников.

— Дети будут выступать с произведениями из вашего мира. А кто как не вы поймет, кто лучше их исполнил.

Мариэль сверкнула улыбкой и опустилась в кресло. Дети последовали ее примеру, рассевшись на оркестровых стульях. И она окунулась в омут родных мелодий, вызывающих ностальгию о прошлой жизни. Тут исполнялись самые разные произведения. От классических, до эстрадных песен. Естественно, в этом мире знали только те произведения,

что знала Мариэль. Но за то, благодаря ей, многие композиторы и певцы могли похвастаться своей известностью не просто во всем мире, а во всех мирах!

Однако, Мариэль не была уверена, должны ли именно так звучать эти произведения, ведь она так давно их не слышала. Ей казалось, что это не совсем то, что дети исполняли их с каким-то своеобразием, искажая первоначальную мелодию и преобразуя ее во что-то новое. И определить лучшего Мариэль затруднялась. Но дети наперебой стали требовать однозначного ответа, содержащего в себе имя победителя.

В конце концов она выбрала троих, которым, как ей казалось, лучше всего удалось передать характер того мира. Лауреаты были довольны собой, остальные тоже весело рукоплескали, поздравляя их. Кто-то, правда, расстроился и, сложив руки на груди, зло смотрел на победителей.

Перекинувшись парой слов с Дидье, Мариэль вышла из зала. Но не успела ступить и двух шагов, как из-за поворота выскочила взлохмаченная девушка. Не переведя дыхания, она с мольбой в глазах кинулась к Мариэль.

— Госпожа, прошу вас, помогите. — Задыхаясь, выпалила она. — Лекари говорят, что они бессильны, говорят, что она умрет. Только вы можете спасти мою сестру. Умоляю.

Девушка захлебнулась слезами. Мариэль не поняла почти ничего, но кивнула. Девушка — Мариэль была уверена, что видит ее впервые — взяла ее за руку и потянула куда-то, она почти бежала. Но Мариэль бежать не могла. Придерживая одной рукой живот, она шла, как может, быстро, стараясь поспеть за ней.

Она привела ее в лазарет. Был путь короче и то, что эта девушка вела ее так, лишний раз говорило о том, что она не местная. Но это было неважно. Она подбежала к койке, на которой, скрючившись от боли, стонала очень худая с болезненным цветом кожи девушка.

— Рия, я здесь, ничего не бойся. Я привела госпожу Мариэль. Она тебе поможет. — Девушка держала свою сестру за руку, а та, кажется, и не обращала на нее внимания, терзаемая болью.

Мариэль обошла койку с другой стороны, склонившись над больной. Спрашивать что с ней смысла не было. Обе девчонки в панике и ясно, что четкого ответа не будет. Поэтому Мариэль осмотрела Рию магическим потоком. Девушка была истощена, слизистая оболочка желудка и ткани под ней были поражены какой-то болезнью. Мариэль никогда не была лекарем и точный диагноз поставить не могла. Это было похоже на язву. Она не была уверена, за то уже знала, какое заклинание поможет этой бедняжке. Вот только... Это могло навредить ей самой и ее ребенку.

Сестра Рии заметила колебания Мариэль.

— Прощу... Сделайте что-нибудь.

— Я... Я не могу. Я не лекарь.

— Пожалуйста! Умоляю! — настаивала девушка. — Вы вылечили шута, когда никто не мог! Помогите, прошу. Она же умрет...

Напоминание о шуте острой иглой укололо Мариэль и вызвало еще больше сомнений. Она отступила назад.

Но ведь в тот раз у нее и правда получилось. В смерти этого парня не было ее вины. Если бы его не подстерегали убийцы, Трюггви прожил бы долго и счастливо. А если сейчас она не поможет этой девушке, то у нее не будет даже того шанса, какой был у шута.

И она решилась. Засучив рукава, Мариэль опустилась на колени перед больной. Произнесла заклинание и из кончиков ее пальцев заструился едва различимый свет, который

тут же словно бы впитывался в Рию. Она закричала, сестра принялась ее успокаивать.

— Прекратите это! Не надо. — Плакала Рия. Видимо боль от лечения была куда сильнее, чем от самой болезни.

У Мариэль начала кружиться голова, а потом и вовсе начало тошнить, но она все еще чувствовала заражение желудка, которое еще не до конца уничтожилось. Если оставить это так, то через какое-то время Рие придется снова мучиться.

— Тише, милая, скоро все пройдет. Тише, скоро станет лучше. — Нашептывала ей сестра, а самой ей на глаза наворачивались слезы. Наконец она сама не выдержала. — Нельзя ли дать ей какое-нибудь снотворное? Ну хоть что-нибудь! — Воскликнула она. Но Мариэль не дала себя сбить и продолжила шептать заклинание. — Госпожа Мариэль! — И в этот момент Рия замолчала, Мариэль тоже.

Все в лазарете затихли. Слышно было только тяжелое дыхание Рии. Ее щеки на глазах стали наливаться румянцем и исчезли мешки под глазами. Она стала выглядеть здоровой. И все же оставалась ненормально худой.

— Спасибо, госпожа Мариэль. — Прошептала ее сестра.

Мариэль закрыла глаза, приходя в себя. Голова еще кружилась. Прислушалась к своим ощущениям. Кажется, она не навредила ни себе, ни будущему принцу. Но лучше она еще раз это проверит. Но потом. И не сама, а попросит себя осмотреть Дэйли, Максин или Фаолина. Хотя нет, Фаолину она, пожалуй, не станет рассказывать об этом.

С облегчением вздохнув, она, наконец, встала. Посмотрела на ту, кого только что спасла. Результат ее порадовал.

— Она проспит так несколько часов. — Сказала Мариэль ее сестре. — Как проснется, дайте ей воды, и накормите через пол часа. Я распоряджусь на кухне, что бы для нее оставили порцию.

Поймав, полный благодарности взгляд, Мариэль вышла из лазарета, в котором оставалось на удивление много больных. Про себя она подумала, что еще обязательно сюда вернется проведать Рию и, быть может, помочь другим больным.

А сейчас она решила, что с делами на сегодня достаточно и ей нужно отдохнуть. Поднимаясь к себе в покои, намереваясь насладиться любимым чаем, она наткнулась на Дельвина. Прошлый разговор вышел не самым приятным образом. И сейчас Мариэль хотела бы извиниться за это.

— Дельвин...

— Не надо. — Сказал он, мягко улыбаясь. — Не стоит извиняться.

— Ты знал?

— Да, но я не поджидаю тебя здесь, не бойся. На самом деле я ищу Максина, ты ее, случайно, не видела? — Мариэль помотала головой.

Дельвин уже хотел уходить. Он занес ногу над ступенькой, как вдруг пошатнулся, глаза его широко распахнулись и смотрели в одну точку, сам он чуть не упал. Мариэль успела схватить его за руку, что бы он не покатился кубарем с лестницы. На лице его отразилась печаль. Выражение лица напоминало лицо человека, который увидел что-то ужасное, ему хотелось бы все исправить, но он не мог. Впрочем, прошло всего пара мгновений, и он пришел в себя. Проморгавшись, он снова придал лицу его обычный вид.

— Мариэль, — хриплым голосом проговорил он, но осекся. Было видно, как ему было сложно решиться. Он явно что-то хотел рассказать. Но сказал всего четыре слова. — Не надевай простое платье.

И он ушел. Мариэль сразу поняла, что он только что видел будущее. Что такого ужасного должно произойти из-за платья? Да и простых — то у нее и не было. Ни с собой, ни вообще, у нее никогда не было обычных платьев, какие носили девушки-простушки. Только от самых лучших эльфийских портных. По большей части это была особая прихоть Фаолина. Он не хотел, чтобы его жена ходила в чем попало. Хотя она знала, что любит он ее любой.

Поднявшись в свою комнату, она рухнула в заветное кресло. Заваривать сейчас чай было лень, так что она просто сидела, прикрыв глаза.

В дверь постучали.

— Войдите.

В комнату вошел Уилл. Окинул чисто убранную комнату взглядом, не сразу найдя Мариэль, скрытую тенью в углу. Уставшая Мариэль тоже не сразу подняла на него глаза.

— Прибыл гонец, госпожа. — неуверенно сказал он. — Велел сообщить вам. Письмо принял господин... то есть принц Фаолин.

— Вести добрые?

— Не знаю, госпожа. Принц читал не вслух. И сразу ушел. В музыкальный зал кажется...

— Спасибо, Уилл.

Мальчишка коротко поклонился и юркнул за дверь. Мариэль, потянувшись, тоже вышла из комнаты.

Из музыкального зала доносилась полная печали музыка. Виолончель словно бы сама плакала под смычком музыканта. Это насторожило Мариэль. У входа в зал стояла Дэйли. На немой вопрос мамы она пожала плечами. Входить она не решалась.

Прислушавшись, Мариэль тоже колебалась. И все же вошла, тихо прикрыв за собой дверь. Бесшумно шагая, она подошла к мужу. Фаолин, зажмурившись, играл на виолончели. Лицо его было искажено горечью. А в музыке было слышно, как он страдает.

Рядом лежало письмо. Мариэль бегло прочитала его. И по щекам ее ручьями покатались горячие слезы. Она больше не могла ничего видеть, кроме одной строки в письме:

"...король Арагнаст погиб...королева Элейс мертва...принцесса Иналия пропала без вести."

Глава 9. Морок

Иналия медленно приходила в себя. Сначала появились звуки. Она слышала карканье ворон, как будто бы над самым ухом. С трудом разлепила веки. Перед глазами, залитая солнечным светом, появилась ее родная комната. В голове пронеслась мысль: "Я дома. Все хорошо". И сознание эльфийки вновь угасло.

Это случилось неожиданно, и в то же время вполне предсказуемо. Привычную тишину эльфийского леса пронзили звонкие трубы. Они возвещали о нападении. Иналия была готова. Маргинг целую неделю был в осаде. Она успела подготовиться. Когда-нибудь это должно было случиться. Бой был неизбежен.

Сорвавшись с места, она ринулась к своему отряду.

— Иналия! — окликнул ее отец. — Защищай восточный улицы. Я поведу войско по южным.

Эльфийка кивнула, но отец поймал ее руку, будто хотел еще немного побыть с дочерью.

— Береги себя. — Так и не подобрав нужных слов, сказал он, сильнее сжимая ее пальцы.

— И ты, отец. — Коротко ответила она, и стрелой помчалась прочь из дворца.

Ее отряд ждал у ворот. Четко раздавая приказы, она повела эльфов в бой. Туда, где над голыми ветвями леса клубился дым. Жители города не носились в панике и не слышно было криков. Большинство брали в руки оружие и без тени страха в глазах шли на врага. Другие организовано и сплоченно уводили не способных сражаться в безопасное место.

Враги уже прорвались на улицы города. Им не преграждала путь стена. Маргинг не защищала каменная глыба, какой люди ограждают свои жилища.

Вот и первый враг. Не бежит — летит — прямо на Иналию с поднятым над головой мечом. Взмах кинжала, и тот, чье лицо она даже не разглядела, рухнул наземь. Из раны, пульсируя, хлынула темная красная кровь, оскверняя почву Эльфийского леса.

Слишком давно Иналии не приходилось убивать. Она отвыкла от этого чувства. Словно впервые, ее охватило отвращение и странное чувство стыда. Осознание того, что ей вновь приходится отнимать жизни, заставляло ее презирать саму себя.

Но она не остановилась. Эльфийка была уверена, что сейчас каждый испытывает подобное. Некоторые бойцы из ее отряда впервые оказались на войне. И, если она сейчас позволит морали овладеть ею, то она больше никогда не сможет называться лидером.

Вместо этого, она позволила проснуться гневу, который в данной ситуации был лучшим помощником. С каждым ударом она, словно убеждая саму себя, мысленно повторяла:

"Они вторглись в мои земли. Они убивают мой народ. Они оскверняют мой дом."

Углубляясь в городские улицы, им попадалось все больше вражеских солдат. И вот, в очередном проулке, они столкнулись с отрядом Черных ящеров.

Обе стороны замерли на мгновение. Иналия сделала едва заметный жест рукой. Ее солдаты поняли приказ. Часть, вместе с принцессой, кинулись в бой. Друге, лучники, синхронно и с завораживающим изяществом в несколько прыжков взобрались на дома. Их меткие стрелы поражали свои цели, не оставляя жертвам шанса на выживание.

Запах крови и дыма смешались в отвратительную вонь. Она напоминала о прошлых битвах. Вот только в этот раз было куда тише. В охваченном огнем и смертью городе были

слышны звон стали, глухие удары, хлюпанье крови и лишь изредка кто-то коротко взывал. Умирая, эльфы не издавали ни звука. Раненные тоже сжимали зубы, с достоинством сдерживая боль. А враги, словно не желая казаться трусами, раскрывали рты в немом крике, не позволяя голосу вырваться из глотки.

Несколько раз над головами Иналии и ее подчиненных пролетали драконы, крыльями или хвостами сбивая вершины крон деревьев. Темный дракон бился с ярко-красным.

Отряд Иналии почти разгромил отряд врага. Как вдруг вокруг начался настоящий хаос. В один миг Иналия услышала сотни голосов. Они вопили от ужаса. Вопили эльфы.

В этот же миг острая боль пронзила голову Иналии. Словно тысяча игл вонзились ей в череп. Она зажмурилась, борясь с ней. А когда открыла глаза, бойня, кипящая вокруг, отошла на второй план. Она услышала детский плач.

Меж корней древнего тиса лежал младенец. Он дергал ручками и ножками, словно искал маму. И плакал.

Что творилось вокруг, Иналия не понимала. Но что-то произошло. И произошло что-то такое, что смогло разладить строй эльфов, заставить их кричать и бежать с поля боя. И это что-то заставило какую-то эльфийку бросить своего малыша.

Нужно спасти его! Спрятать там, где безопасно! Но что-то останавливало Иналию. Будто внутренний голос говорил ей, что делать этого не стоит.

Эльфийская принцесса опустилась перед младенцем на колени. Осторожно протянула малышу руку. Тот схватил ее пальчик и засмеялся. От этого смеха на душе эльфийки стало тепло и спокойно. Другой рукой она нежно провела пальцем по заостренному ушку. За ее спиной кто-то дрался, кто-то кричал, кто-то умирал. Но малыш смеялся.

Раздался свист летящей стрелы. Иналия среагировала мгновенно. Вскочила, развернулась, на ходу выхватывая кинжал. В следующий момент она уже отбила стрелу. Но одновременно с этим, по слуху резанул визг младенца.

— Прочь! — яростно крикнула она ворону, что опустился на грудь малыша. Но поздно. Птица уже держала в клюве глаз ребенка, орущего и облитого кровью. — Нет! Убирайся!

В надежде вылечить ребенка магией, она уже начала шептать заклинание. Но ей помешал вихрь, кружащих вокруг младенца ворон, взявшихся из неоткуда. Они закрыли младенца от Иналии, но она все равно видела, как падальщики терзают маленькое тельце.

Отшатнувшись, она оступилась. Тут же кто-то ударил ее по голове рукоятью меча, и принцесса упала. Над лесом вновь пролетели два дракона, сцепившиеся в схватке и стремящиеся перегрызть друг другу глотки. Последнее, что Иналия видела, прежде чем потерять сознание: как темный сомкнул челюсть на шее красного. Рев красного, полный боли. И тьма.

— Зачем нам девчонка? — распахнув глаза от кошмара, услышала Иналия. Голову пронзила боль. И она снова прикрыла веки. И прислушалась.

— Это эльфийская принцесса. Ее убивать не надо. Так сказал владыка. — Ответил второй голос.

— Не лучше ли избавиться от всей королевской семейки разом? — Снова спросил первый голос. Иналия не узнавала ни одного из них.

— Нам не нужно убивать их. А если бы и нужно было, то и в том случае убивать принцессу имело бы смысл, только если бы у нас была вся королевская семья. — Это чрезвычайно длинное и запутанное предложение показалось Иналии полностью лишенным

СМЫСЛА.

— Зачем тогда владыка избавился от короля и королевы? — От этих слов у Иналии сильнее заколотилось сердце. По щекам покатались слезы. Она окончательно пришла в себя.

— Так получилось. Не знаю. Но вроде бы целью владыки было лишь захватить их в плен.

— Эй вы! А ну молчать! — вклинился третий голос.

Все смолкло.

Иналия резко поднялась. Точнее попыталась. Что-то помешало ей. Что-то, что приковывало ее к кровати. Тогда она приподнялась ровно на столько, но сколько позволяли путы. Под теплым пуховым одеялом их видно не было. Тогда эльфийка оглядела комнату.

На арочных окнах стояли решетки. И, похоже, не просто стальные прутья, но и какой-то магический щит, не дающий проникнуть или выбраться из комнаты через окна. С улицы в комнату врываются холодные порывы ветра, неся с собой мелкие пылинки снега.

— Тагнерис. — прошипела Иналия. Ничего не произошло. Она попробовала снова. Пыталась разорвать путы. Но ничего не вышло. Словно что-то блокировало ее магию.

В панике она пыталась вырваться из пут. Все лицо было мокрым от слез. Она рыдала. От безысходности, от усталости, от отчаяния. Ее родители мертвы, она пленница в своем же доме, она не может ничего сделать. И она одна. Ее переполняла жалость к себе. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой беспомощной, такой жалкой, такой потерянной. Она рыдала беззвучно, прекрасно зная, что за дверью стоят двое или трое. И чем позже они поймут, что она очнулась, тем лучше.

Впрочем, скоро это минутное проявление слабости прошло. Слезы кончились и им на смену пришла холодная рассудительность.

"И так,"- подумала Иналия — " что мы имеем: я в плену без оружия, без магии, даже без возможности пошевелиться. К тому же в рваной и грязной одежде. Вся в чужой крови и грязи. Я не ранена, только голова болит от удара. Доспехи кто-то с меня снял. Сапоги тоже. И даже потрудились укрыть меня одеялом. Какая забота... Из того, что я слышала, можно сделать вывод, что отец и мать мертвы."- Иналия снова была готова дать эмоциям взять верх. Но сделала глубокий вдох, затем медленный выдох и продолжила анализировать ситуацию. — "Это еще не известно. Тот страж мог сказать это по не знанию или специально, что бы выбить меня из колеи. Но если это правда... Эльфов возглавит Фаолин. И им смогут манипулировать, угрожая моей смертью. И ему придется сдаться. Я бы не смогла оставить его на произвол судьбы. И он не сможет. И это будет его ошибкой. Я должна избавить его от этой слабости. Выбраться самой или... самой же умереть."

Девушка кружилась в танце под мелодию природы. В душе царили безмятежность и умиротворение.

По лесной полянке плясали солнечные зайчики. В воздухе разливались приятные ароматы цветов, молодой травы и воды от близкого ручья. Птичья полифония ласкала слух, мягкий ветер перебирал рыжие локоны эльфийской принцессы и шумел в кудрявых кронах деревьев.

Танец вдруг прервался на незавершенном пируэте. Совершенную музыку леса нарушил фальшивый хруст ветки. Чуткий слух лисицы помог определить эльфийке нарушителя гармонии.

— Зачем ты прячешься, словно летучая мышь от солнца, Сэлаэль? — Иналия уже различила темный силуэт в густой листве дуба.

— Очаровательный танец. Жаль моя неуклюжесть помешала тебе завершить его. — Ответил, легко приземлившись на мягкую траву, златовласый эльф. Он был поразительно низок для представителя своей расы. Его рост считался почти что человеческим. За то уши его были куда длиннее среднего эльфа. Это признак мудрости. Но Иналия-то знала, что если этот эльф и мудр, то где-то глубоко-глубоко под толстыми слоями легкомыслия, чудачества и странной, но яркой любви к передвижениям по деревьям. Редким был тот случай, когда Сэлаэль ходил по земле, как нормальный эльф. Чаще всего, он предпочитал скакать, словно белка, по деревьям, везде, где они находились. Только голая степь могла поставить его на обе ноги в полный рост.

- Я думала, ты уехал. — Продолжая свой плавный танец, сказала эльфийка.

— У тебя опять в голове все даты перепутались. — усмехнулся он. — Я уеду завтра. И как ты вообще могла подумать, что я исчезну, не попрощавшись?

Присоединившись к танцу — еще один случай, когда он мог ходить по ровной поверхности — он вслушивался в окружающие звуки.

Чувствуя дыхание ветра, эльфы подстраивались под его ритм. Это был танец без прикосновений. Всякий раз, когда они оказывались вблизи, между ними все равно оставалось расстояние, словно невидимое поле, не позволяющее им коснуться друг друга. А когда они, влившись в течение танца, вставали лицом к лицу, особенно чувствовалась их разница в росте. Он едва доставал макушкой ее носа. Со стороны, наверное, это выглядело немного забавно, но изящно и порой даже захватывающе.

Закончился танец внезапно, когда Сэлаэль рухнул на колени, а Иналия спиной упала к нему в объятия, словно в сердце ей вонзилась стрела. Замерев в этой позе, они переводили дыхание. А потом оба, не сговариваясь, расхохотались.

— Никогда не видела, как ты танцуешь.

— Все настолько плохо?

— Вовсе нет... хотя последний пируэт вышел крайне неуклюжим.

Иналия высвободилась из объятий эльфа и села тут же, поудобнее. Сэлаэль пристроился рядом и вынул из кармана малахитовый гребень.

— Опять косички?

— Ты лохматая, как дикобраз. Хочешь, что бы все знали какой бардак творится у тебя в голове, глядя лишь на твою причёску?

Иналия, смирившись, вздохнула, позволяя парню заняться ее волосами.

Они провели вместе весь остаток дня, гуляя по лесным просторам до самого заката.

— Мне пора. — Иналия боялась услышать эти слова весь день.

— Обещай, что вернешься.

— Только если ты будешь меня ждать, экорнин*.

На ее щеку легла его теплая ладонь. Она закрыла глаза, и почувствовала его дыхание на своем лице. Их губы слились в осторожном нежном поцелуе. В последнем поцелуе. Когда принцесса открыла глаза, его уже нигде не было. Она лишь тщетно вглядывалась в листву деревьев.

— Как печально. — Раздался над ухом Иналии незнакомый голос. — Любовь погибла, не успев родиться.

Ярко-зеленый лес, залитый красноватым светом заходящего солнца, померк и растворился в воздухе. Вместо него перед глазами эльфийки появился потолок собственной комнаты, расписанный узорами и эльфийскими рунами.

— Разбитое сердце юной эльфийки

Поет, словно стая синиц.

Тебя озарит свет девичьей улыбки

И взмахи чудесных ресниц.

Лишь тот, кто захочет, увидит терзанья

Что скрыты за маской тепла

Лишь тот, кто захочет, услышит молчанье

Что жжет ее душу до тла...

Иналия скосила глаза на мужчину, что стоял посреди комнаты, опустив правую руку на рукоять меча, висящего на поясе, а в левой держа книжицу. Он сразу показался ей странным. И только сфокусировав взгляд, она поняла, в чем состоит его странность. Его кожа была цвета корицы, голова гладко выбритая, при этом сбривать бороду ему, видимо, не очень хотелось.

— У вашей племянницы талант! Она ведь о вас писала? Тут написано "Посвящено моей самой близкой подруге". Я надеюсь, вы меня простите. Я позволил себе позаимствовать у вас сборник стихотворений Дэйелис Остроперой. Должен отметить, на всеобщем языке е прозвище звучит не так красиво, как на эльфийском. Дэйелис Нибилайн.

— И словом не смейте ее касаться! — Окончательно придя в себя, прошипела Иналия.

— Еще раз прошу прощения, если обидел вас. И за не удобства. — Помолчав добавил он.

Как ни странно, голос и вообще весь вид незнакомца источали искренность. Как ни прислушивалась, Иналия не уловила ни единой нотки фальши. Его вежливость не была наигранной. На мгновение принцессе показалось, что этому человеку воистину жаль, что ему приходится держать ее в плену. Что он не желает ей зла. Но она не дала себя обмануть. Он просто хороший актер.

— Строите из себя пример деликатности, даже не представившись. — Хмыкнула она.

— Мое имя вам ни о чем не скажет. Однако, дабы очистить себя от клейма невежества... Я Ригфред, глава племени Луой и полководец объединенных племен.

— Какая честь! Я бы непременно исполнила реверанс, но... — Она многозначительно указала взглядом туда, где под одеялом были скованы ее руки.

— Это лишнее. К тому же, в вашем положении это действительно затруднительно. И, боюсь, мне пора. Но не беспокойтесь, мы с вами еще непременно увидимся. А пока о вас позаботится Вилла.

Ригфред, глава племени Луой и полководец объединенных племен откланялся и покинул светлицу принцессы Иналии, ставшую для нее тюрьмой. Но в одиночестве она пребывала не долго. В двери тут же показалась женщина. Иналия никогда не имела привычки даже акцентировать свое внимание на недостатках кого бы то ни было, не говоря уж о том, что бы смеяться над этим. Однако, когда женщине пришлось протискиваться в узкую эльфийскую дверь боком, втянув живот, принцесса позволила себе едва слышно усмехнуться. Женщина этого не заметила.

Вилла подошла ближе и Иналия разглядела ее лицо. И с удивлением отметила, что у той кожа тоже темная, словно крепко заваренный черный чай. Кудрявые, черные, словно уголь, волосы были собраны в пучок, одуванчиком распушившийся над ее головой.

— Будете пытаться меня? — горько усмехнулась Иналия.

— Эзби гелемперии нааксиви*. — Ответила Вилла каким-то уж слишком по-матерински ласковым голосом. — Вексварин*. — Добавила она, поднеся к губам фляжку с каким-то травяным отваром. Иналия отвернулась, но женщина была настойчива. При этом тон ее не изменялся. — Шерхиск небэ, кеса мин*.

Ясно было, что ни на всеобщем, ни на эльфийском она не говорит. Но Иналия все-таки попыталась найти с ней общий язык. Однако, ни гномьего, ни драконьего женщина тоже не понимала.

— Нэаксив*! Вексварин! — не выходя из себя проговорила она. Крепко взяла Иналию за затылок и приложила к плотно сжатым губам эльфийки фляжку. Как ни сопротивлялась, ей пришлось сделать глоток.

Спустя всего одну минуту, по телу разлилась приятная слабость. Чувствуя это, Иналии стало страшно. Но, спустя еще минуту, за слабостью пришло спокойствие. Иналия изо всех сил сопротивлялась действию отвара. Тщетно.

Дождавшись, когда подопечная полностью расслабилась, Вилла стянула с нее одеяло. Только сейчас принцесса поняла, как же холодно в неотопливаемой комнате. Хотелось вернуться обратно под уютное одеяло. Но перспектива размяться была не менее желанной. Темнокожая женщина расстегивала ремни, сковывающие эльфийку, напевая странный, незнакомый девушке мотив. Совершенно непонятный для нее и какой-то... дикий, наверное.

Тем временем Вилла освободила эльфийку и помогла ей подняться. Первой же мыслью было толкнуть женщину, и отбиваясь магией от стражников, вырваться на волю. Но ни одно заклинание не приходило в голову, словно она разом забыла все годы обучения магии.

Вилла вела Иналию под руку по коридору. У входа в ее комнату стояли стражники. Тоже темнокожие.

— Воистину Черные Ящеры. — тихо проговорила эльфийка. Но никто ее не понял.

Полная женщина привела ее в купальню. Паровая уже была готова к использованию. Вилла заботливо потянулась к рубашке Иналии, что бы помочь снять. Но принцесса, возмущенно оттолкнула ее руку и разделась сама.

В паровой комнате было жарко, а белый пар клубился густым полотном. Женщина, обмотанная полотенцем, уложила эльфийскую принцессу на мраморную скамью и принялась натирать ее мыльной щеткой. Затем облила водой. Дала подопечной немного насладиться жаром, а потом отправила ее в источник, находящийся в соседней комнате.

Там из под пола била теплая вода и текла в бассейн, наполняя его до краев. Темнокожая женщина оставила эльфийку одну. Она уж думала, что ее не оставят сегодня наедине со своими мыслями. Но вот это случилось и... никаких мыслей не было. Иналия даже сформулировать четкую мысль не могла. Казалось, их было так много, что эльфийка не могла ухватиться за нить одной, как та обрывалась и уносилась прочь, мелькая неясной тенью. Это состояние одновременно и расслабляло, и заставляло нервничать. Собраться с мыслями ей не удалось и когда вернулась Вилла.

Женщина подбежала к источнику, что-то взволнованно говорила, вытаскивая Иналию из воды. Оказывается, эльфийка, утонув в раздумьях, чуть не утонула в источнике. Вилла обтерла ее и одела в чистое свободное белое платье. Затем усадила в прихожей на скамью у зеркала и принялась расчесывать эльфийскую принцессу. А она смотрела на свое отражение в зеркале, которое казалось ей чужим. На фоне белого, но не белоснежного, одеяния, бледного лица с потухшими глазами, рыжие, собранные в аккуратную косу, волосы

выглядели яркой нелепой кляксой.

И снова ее повели по некогда родным, а теперь таким чужим коридорам. Снова приковали к кровати, которая была застелена свежими простынями. В камине беззвучно плясали язычки пламени. Хорошо, что они не рубят деревья ради этого, пронеслась мысль в голове Иналии и тут же забылась.

*экорнин — бельчонок

*Эзби гелемпера нааксиви — я не говорю на всеобщем

*Вексварин — пей

*Шерхиск небэ, кеса мин — не упрямясь, дочка

*Нэаксив — не болтай

Глава 10. Расколовшийся хрусталь

Фолин стоял, упершись руками в подоконник. Из открытого окна в комнату врывалась снежная пыль и морозный ветер. Погода, под стать настроению принца, стояла хмурая. Огонь в камине погас, но Фаолин не замечал холода. За то заметила Мариэль, вошедшая только что. Мановением руки она разожгла огонь в камине, сожалея, что не может так же легко растопить заледеневшую душу любимого. Подойдя к мужу, она приникла к нему, обвив его руками.

— Тут холодно. — Эльф не ответил. Но закрыл ставни, немного помедлив.

Прошло два дня с того момента, как они узнали о гибели его родителей и исчезновении сестры. С тех пор Фаолин не разговаривал. А Мариэль понимала, что словами его не утешить, а потому старалась как можно больше находиться рядом, словно это могло помочь.

Помимо этого, она изо всех сил старалась поддерживать Дэйли. Гибель любимых дедушки и бабушки она переносила так же тяжело, как Фаолин. К тому же Дэйелис сильно переживала за Иналию, ставшую для нее не просто тетей, но близкой подругой.

Мариэль держалась как могла, что бы не поддаваться печали, и защищать от нее родных. Эльфийского короля и королеву она искренне любила. Нет, они не могли заменить ей родителей, но все равно стали для нее любящей семьей. Их смерть нанесла Мариэль сильный удар.

— Мы должны быть сильными. — прошептала Мариэль, не разжимая объятий. — Ради нашего народа. И ради него. — Она взяла ладонь мужа и положила на свой живот.

Фаолин едва заметно улыбнулся, почувствовав шевеление ребенка.

— Ты должен поднять дух эльфов. Они остались без предводителя, возглавь их.

— Я должен быть рядом с тобой. Я не хочу покидать тебя сейчас.

— Я буду не одна. Отправляйся сегодня, прямо сейчас. Отыщи Гаяса и уничтожьте тех, кто отобрал ваш дом и убил твоих родных. А когда вернешься, тебя буду ждать я и твой сын.

Фаолин поднял голову, встретившись с полными нежности и тепла глазами. Голубыми, как море в ясный летний день. Они всегда внушали ему уверенность в том, что никогда не останется один. Этот раз не был исключением.

— Я вернусь, не успеет весенний бриз растопить иней. — Прошептал он наконец.

Не хотелось выпускать ее пальцы из рук. Но, пересилив себя, он все-же отстранился и начал собираться в путь.

Мариэль одобритительно кивнула и вышла из комнаты. Из-за большого живота ее походка стала слегка неуклюжей. Но от этого Мариэль не переставала быть самой красивой для Фаолина.

Ему не требовалось много вещей. Эльфийский принц всегда путешествовал на легке, не снимая легкую броню, закинув за спину меч, лук и колчан со стрелами, спрятав клинки за пазухой, на пояснице и в сапоге. Поверх он накинул теплый плащ. Когда он был готов, вернулась Мариэль с небольшой сумкой, в которую собрала кое-какой еды, запасной одежды и кошель с монетами.

— Будь осторожен. Да прибудет с тобой благодать эльфийского леса. Пусть он хранит твою жизнь, пока я храню нашу любовь.

Мариэль не стала провожать мужа до ворот, поцеловав его на прощание и присев у

окна, смотрела, как в тумане пропадает его силуэт.

Не успели ее отекавшие ноги отдохнуть после долгого и тяжелого дня, как в дверь раздался стук.

— Госпожа Мариэль, — Показался Уилл. — Госпожа Урсула вернулась. И прибыли еще пол сотня беженцев.

Мальчик исчез, а в комнату вошла Урсула. Она отчиталась Мариэль по привезенной провизии, и разложила на кровати несколько теплых платьев: два гномьей работы, обрамленные заячьим и лисьим мехом, одно вязаное из овечьей шерсти — работа человеческой портнихи, и три эльфийских из заколдованной льняной ткани, что греет даже в лютый мороз и охлаждает в жару.

— Они прекрасны, Урсула. Спасибо. Не сможешь мне переодеться?

Встречать новоприбывших селян Мариэль вышла в белоснежном эльфийском платье с высоким воротником, защищающим шею от холода. Каштановые волнистые пряди ниспадали ей на узкие плечи. Голову венчала жемчужная диадема. Согнав с лица усталость, она лучезарно улыбнулась гостям. Взглянув на нее, никто бы не сказал, что этот день был для нее тяжким и к вечеру она устала на столько, что едва стояла на ногах.

— Друзья мои, добро пожаловать в Приют Третьего Солнца. Эта крепость открыта для каждого, кто нуждается в укрытии. Я Мариэль, Посланница Солнца, эльфийская принцесса обеспечу вашу безопасность в эти темные времена. Из каких мест изгнала вас судьба?

— Мы прибыли из Кигварда, госпожа. — Вперед выступил высокий широкоплечий мужчина. Лица его почти не было видно за густой бородицей и лохматой гривой.

— Как твое имя?

— Я Снор, сын Сверра быстрорукого.

— Того самого Сверра, что основал деревню и построил ее за пол года? Слава о нем достигла и моих ушей. Жаль, что вам пришлось покинуть легендарное место. Ваши люди могут разместиться в малом зале, пока строятся для них дома.

— Мужчины, что пришли со мной, возьмутся за топоры и молоты. Женщины тоже не останутся в стороне. Если вы прикажете, они...

— Здесь я не приказываю никому. — Перебила его Мариэль. — Здесь никто никому не приказывает. Даже короли в Приюте теряют свою власть. Я лишь слежу за порядком и подсказываю, что нужно сделать для общего блага. — Ответила Мариэль, ведя за собой Снора и пол сотни селян.

С прибытием Урсулы забот у Мариэль поубавилось. И она наконец смогла навестись в лазарет. К своему огорчению, она обнаружила там слишком много больных. И многие нуждались в ее помощи.

— Мариэль, эти бездари, называющие себя лекарями, не справятся со всей этой оравой. А мне еще с Йохансом заниматься. — Всплеснула руками Максин.

И Посланница Солнца взялась за дело. Целыми днями она помогала тяжелобольным, но на смену вылеченным приходили новые. Много кто был просто простужен, но от этого легче никому не было.

Спустя несколько дней безвылазной работы, Мариэль перестала даже ночевать в своей комнате, не говоря уж о том, что бы пойти обедать в столовую.

Ее красивое желтое платье и фартук измарались и истрепались. Волосы, собранные в небрежный пучок, засалились. Под глазами пролегли темные круги, кожа побледнела.

— Тебе стоит прерваться и хотя бы на день вырваться из лазарета. А то не ровен час, сляжешь на одной из этих коек. — Упрекнула ее Максин. Сама же чародейка выглядела как всегда — безупречно.

Мариэль увидела свое отражение в подносе, который ей подставила подруга, доказывая свою правоту. Согласиться отправиться к себе Мариэль переубедил кашель немощного старика-гнома, которым она сейчас и занималась.

— Я только помогу ему и пойду. — Прохрипела она в ответ.

В лазарет ввалились двое. Уже знакомый мужчина поддерживал молодого парня — лет пятнадцати.

— Он упал, когда крыл крышу. Помогите ему! — Кричал Снор зычным баритоном.

Мариэль, подав гному стакан воды, сорвалась на помощь бедолаге.

— У него сломаны два ребра, и, похоже, вывих руки. — Уложив парня на лежанку, проговорила Мариэль.

Тут старик снова закашлял, да так, что казалось, сейчас он выкашляет свои легкие.

. — Дай парню маковое молоко, я должна закончить с дедушкой. — Остановив старушку — лекаря, попросила Мариэль.

Та прытко для своего возраста сбегала к шкафу с лекарствами, протянула парню маковое молоко и так же прытко удалилась к другому больному. Мариэль слегка поправила магией ребра парню, что бы они не торчали и не прорвали ему мышцы и кожу.

— Как твое имя? — спросила она парня.

— Свол.

— Хорошо, подожди, дорогой, я скоро приду. — Сказала Мариэль, разворачиваясь к кашляющему дедушке.

— Ну нет. — Тяжелая рука Снора упала ей на плечо, от чего Мариэль сама чуть не рухнула на пол. — Сначала ты поможешь моему сыну! А уж потом старикашке, который и так сегодня-завтра помрет.

— Этот гном нуждается в моей помощи больше, чем ваш сын. В силу молодости Свол еще продержится пару часов, потому что самые серьезные ранения я ему уже залечила. Тем более на то, что бы излечить дедушку, мне нужно всего пара минут. — Кажется, эти слова ничуть не подействовали на разъяренного Снора. Как и властный взгляд Мариэль. Он вообще, похоже, не узнавал в осунувшейся, бледной женщине — эльфийскую принцессу, сиявшую некогда изяществом и грацией.

— Все хорошо, отец. Мне уже лучше. — прохрипел юноша.

— Вот и чудно. — процедила сквозь зубы Мариэль, в упор глядя на Снора.

На то что бы вылечить гнома, ей и правда понадобилось времени совсем немного. Но восстановить силы все равно требовалось. Что бы унять легкую тошноту и головокружение, Мариэль присела на табурет.

— Чего расселась, девка? — тут же взревел Снор, пристально наблюдая за ней все это время. — Мой сын все еще не на ногах!

— Так пусть встанет — мы ему не мешаем — и топают отсюда. И ты за ним! — вступилась Максин, намазывая чье-то горло лечебной мазью.

— Как ты смеешь перечить мне, женщина!? — Мужчина занес над чародейкой кулак. но удар пришелся Мариэль в плечо, когда она ринулась на защиту подруги.

Дальше все происходило так быстро, что никто не успевал следить за событиями.

— Дрянь! — Зарычал Снор, пнув, упавшую Мариэль. Его тяжелый сапог пришелся ей

прямо в живот.

— Отец! — воскликнул Свол.

В тот же миг Максин вскинула руки и Снора обвили невидимые узы. А на голову взбесившегося мужчины обрушилось чугунное ведро, которым размахнулся кто-то из лекарей. На полу кричала от боли Мариэль. У нее отошли начались схватки. Снор рухнул рядом оглушенный.

Лекари вскочили со своих мест. Некоторые больные тоже. В какой-то момент все замерли, не зная что делать. Только Максин, ругаясь последними словами, поднимала Мариэль. В зал ворвался Дельвин.

— Она рождает! — крикнул он и взялся раздавать указания. — Принесите чистые простыни, воду. И поднимите ее уже!

Гном, которого только что вылечила Мариэль, подорвался с места. Осторожно, с отеческой заботой, поднял Мариэль и уложил на свою койку.

Она кричала, держась за живот. Ей хотелось сжаться в комочек. Она не осознавала ничего, кроме адской боли и мучений.

Люди вокруг суетились и что-то кричали. Не понимая больше ничего, она просто потеряла сознание.

Дэйелис мчалась со всех ног. За ней бежали Игеред и Агнар. Едва поспевая за быстроногими эльфами, распахивая прохожих, гнался Уилл.

Когда паренек нашел их на стройке, слов запыхавшегося Уилла никто не разобрал. Но Дэйли поняла, что с мамой беда. Он упомянул Дельвина и часто повторял "срочно... в лазарете...".

Эльфы побросали инструменты и кинулись туда. Но, когда прибежали, было уже поздно. Мариэль была без сознания. Вокруг толпились повитухи и лекари. На полу валялся какой-то грузный мужчина, скованный невидимыми путами. Дельвин и Максин были перепачканы кровью, как и койка, на которой лежала мама. Максин держала на руках младенца, но он не плакал.

Слишком рано, подумала Дэйли. Он должен был родиться через месяц.

Чародейка что-то шептала и окровавленные ладони ее светились. Но Малыш никак на это не реагировал.

Дэйелис бросилась к братишке, грубо отобрала его у Максин, и взяла инициативу на себя. Сердечко младенца не билось. Он быстро холодел.

— О Анорсель, спаси сына своей Посланницы. — Молились за спиной девушки Агнар и Игеред.

В окно комнаты пробился лучик солнца. Он упал прямо на грудку мальчика. Но ничего не произошло.

Дэйли еще долго пыталась вернуть братика к жизни. Она пробовала все заклинания от самых простых до все исцеляющих. Но, как бы она не старалась, малыш не шевелился.

— Он мертв. — сокрушенно прошептал Дельвин.

Его слова разлетелись эхом. Люди и гномы перешептывались и печально опускали головы.

— Нет! Он не умер! — истерично закричала Дэйли.

Агнар и Игеред переглянулись. Им еще не приходилось видеть свою подругу такой. Она, словно потеряв рассудок, растирала и трясла маленькое тельце. И отбивалась от попыток

Максин или кого-либо еще забрать у нее братика.

— Это все ты! — вдруг взревела она, обернувшись на связанного мужчину, уже пришедшего в себя.

Максин все же удалось выхватить трупик ребенка.

— Я... я не хотел. — трясась от страха, прохрипел громила.

— Я убью тебя!

Девушка бросилась на мужчину, избивая его. Тут, наконец опомнившись, вмешались эльфы. Игеред обхватил Дэйли, Агнар помог оттащить ее от Снора.

— Что с мамой? — Дэйли перестала вырываться и теперь обессиленно размякла в объятиях Игерета.

— Она придет в себя. — пообещал Дельвин. — Нужно похоронить твоего брата. Мариэль незачем это видеть. Это только сильнее разрушит ее и расколется душу.

Медленная процессия шла через двор приюта. Впереди Дэйелис несла на руках тельце, завернутое в простыню. Обитатели бросали свои дела и присоединялись к процессии. Агнар и Игеред поддерживали подругу под локти, что бы она не упала, ослепленная слезами. Рядом шли Максин и Дельвин.

Они миновали двор, прошли по широкой улице меж домов, обошли поле и мельницу, взошли на холм. Мужчины выкопали яму. Вокруг собралось много народу, но никто не осмеливался проронить и слова. Стояла гробовая тишина. И только когда мертвого малыша засыпали землей, Дэйли, Игеред и Агнар, выстроившись в круг, запели традиционную песню. Скорбная мелодия вселяла во всех печаль, даже в тех, кто не понимал эльфийских слов.

Под трехголосное пение эльфов из земли, в том месте, где закопали мертвого ребенка, выбился зеленый росток. Он рос и расширялся. Со скрипом вытягивались ветви. На стволе вырисовывался лик младенца.

И вот песня закончилась, и в тот же миг на ветках распустились красные кленовые листья. Ветер всколыхнул крону, прошелестел, и унесся в даль.

Дэйли кончиками пальцев ласково провела по щечке братишки. Молодая кора все равно была слишком шершавой, что бы хотя бы отдаленно напоминать кожу младенца.

Эльфийка стояла напротив клена даже когда все люди уже разошлись. И, когда она с отчаянным криком, рухнула на колени, Игеред опустился рядом, прижав девушку к себе. Она беззвучно рыдала, моча слезами его жилет. Рука Агнара легла ей на плечо в знак поддержки, но сам он оставался на ногах. Его глаза были прикованы к деревянным глазкам погибшего малыша.

Дельвин сидел у постели, сторожа сон Мариэль. Он уже знал что произойдет, когда она откроет глаза. Он уже видел все это. Дельвин хотел предотвратить такой исход. Предупредил Мариэль и она его послушала. Но ее ребенок все равно погиб. Почему он не мог изменить будущее, которое видит? Жаль, что он не может исправить прошлое. Ему нужно было сказать ей, что бы она не забывала о себе, заботясь о других... Но разве бы она послушала? Ее не изменишь. Такой она была всегда, такой и останется. Этим себя и погубит.

Через последствия сломают ее и уничтожат. Дельвин не должен этого допустить. И пусть в этот раз ему не удалось изменить свое видение, он постарается изменить другие. Он не допустит, что бы Мариэль совсем раскисла. Ей нужно вложить меч в руку, что бы она

налилась новой силой.

Как-то Максин сказала ему, что быть Матерью Мариэль не идет.

— На первый взгляд Мариэль все так же красива. — Рассуждала сестра. — И все же семейная жизнь ей не к лицу. Вспомни, как горели ее глаза, как мир вокруг ее радовал и восхищал.

— Это все потому, что наш мир был для нее не привычен. — Ответил Дельвин. — За столько лет он стал для нее обычным и все, когда-то казавшееся ей чудесным, теперь — само-собой разумеющееся.

— Все равно, — стояла на своем Максин, — Пусть она тогда выглядела нелепо в своей странной тунике и забавной обуви, и с трудом удерживала меч, да и порой смахивала на дурочку... Лошадиный запах и меч ее красили больше, чем домашний очаг и пеленки.

— Тебе так кажется, потому что ты сама склонна к приключениям, и тебе чуждо семейное счастье.

Максин скривилась и высунула язык, подтверждая его слова. Тогда Дельвин ответил в защиту Мариэль, но в душе был согласен с сестрой.

От дум его отвлек воробушек. Птичка села на подоконник, прострекотала и спорхнула. Дельвин понял: сейчас.

Провидец обернулся к Мариэль и в ту же секунду она проснулась. Ее исхудавшая рука сама собой потянулась к животу. Но, обнаружив плоскость вместо уже привычной округлости, слабость и сонливость как рукой сняло.

— Где мой сын? — Охрипшим голосом воскликнула Мариэль.

— Он... — Дельвин не решался ответить. Ему не хотелось сообщать ей о случившемся. Но больше некому.

— Что с моим сыном? — Почувствовав подвох в голосе провидца, насторожилась Мариэль. Она рывком откинула одеяло и встала. Закружилась голова и все еще слишком слабое тело рухнуло обратно на подушки. — Дельвин, что с ним?

Ему очень хотелось сказать: "Все хорошо, Мариэль, не волнуйся. Вот твой сын здоров и в будущем станет великим воином и королем". Но было бы все это правдой...

— Твой сын... он... — Дельвин осекся, голос его дрогнул.

— Говори же! — Мариэль уже догадывалась. Ей требовалось подтверждение, что бы дать волю чувствам. — Сейчас же скажи мне!

— Он умер. — Дельвин буквально вытолкнул из себя эти слова.

Их смысл не сразу дошел до Мариэль. Она смотрела на Дельвина глазами, в которых замерли слезы. А как только она поняла, что это действительность, реальность, по сердцу словно скользнуло острое бритвенное лезвие.

— Он прожил всего полминуты. — Продолжал провидец. Его ладонь, в которой он крепко сжимал свой посох, вспотела. — Никто из нас не успел его спасти. Даже Анорсель... ей тоже не удалось. Дэйли... мы похоронили его на холме.

Мариэль бросила взгляд в окно. Там вдалеке, за полем, там, где построили новую стену, на холме, образовавшимся в результате выравнивания земли для строительства, была не привычная глазу красная точка. Она сильно выделялась на фоне тонкого слоя белого снега.

Мариэль зажмурилась и отвернулась от окна. Этого не может быть, повторяла она про себя. Этого не может быть. Реальность копьем пронзила ее разум, Мариэль ударила подушку, та разлетелась в клочья. В воздухе разлетелись пух и перья. Они медленно кружили, ведомые сквозняком.

— Оставь меня. — потребовала она. Дельвин ушел без возражений. Любые слова сейчас были излишни.

За дверью его поджидала Максин.

— Ты оставил ее одну? — Возмутилась неугомонная сестра.

— Она ничего с собой не сделает. — Заверил ее провидец. — Дадим ей время оплакать сына.

Мариэль не плакала. Слез не было. Не было совсем ничего. Даже мыслей. Словно все чувства Дельвин забрал с собой, выходя из комнаты. Мариэль лежала на боку, поджав коленки и обхватив их руками. Она смотрела перед собой, но не видела ничего. Весь мир исчез для нее. Вокруг все — звуки, краски, предметы, свет, тень — все смешалось в одно сплошное ничто.

Ее навещали друзья. Дэйли сидела рядом день и ночь. Агнар и Игеред тоже приходили высказать свое соболезнование. Урсула приносила ее любимый чай с брусникой. Уилл раздобыл где-то апельсин и принес его специально для Мариэль. Максин следила, что бы никто особенно не надоедал Мариэль. Иногда даже выгоняла Дэйли, что бы ее подруга побыла немного в одиночестве. Дельвин знал, что Мариэль не воспринимает ничего, а потому и не пытался разговаривать с ней.

— Мама, ты нужна мне! — отчаялась на третий день Дэйелис. — Меня гложет та же печаль. И никто меня не утешит, кроме тебя. — Девушка опустила на колени перед лицом матери. Мариэль лежала, скинув одеяло на пол, вытянувшись и глядя в серую стену. Дейли взяла ее за руку. — Отец еще ничего не знает. Я не решилась сказать ему по рубину связи. Иначе он бросит все и примчится сюда, вместо того, что бы вести народ к победе... Может все-таки стоит это сделать? — Немного подумав, продолжила эльфийка. — Он-то точно приведет тебя в чувства. Мама, ответь же! Скажи что-нибудь!

Мариэль медленно сомкнула очи, перевернулась на спину и вновь открыла глаза.

В дверь раздался стук. Вошел Уильям.

— Извините, госпожа Дэйелис... Госпоже Урсуле требуется помощь госпожи Мариэль... — Он сочувственно поглядел на женщину, которую любил, как любил бы свою мать. Ему было тяжело смотреть на деву, что всегда ему улыбалась, подавленной.

— Я помогу Урсуле. — Сказала Дэйелис. — Веди, мальчик.

Все наконец ушли. Но долго оставаться Мариэль одной не пришлось. В комнату без стука вошел Дельвин.

— Все, подруга, хватит тебе тут чахнуть. — Сказал он голосом, не терпящим возражений. — Пора уже возвращаться в жизненный строй.

В руке он нес поднос с ароматным чаем, едой и двумя кружками воды. Оставив его на письменном столе, подошел к Мариэль. Провел тыльной стороной ладони по ее щеке. Заглянул в ничего не выражающие глаза, обрамленные темными кругами. Обхватил ее тонкое плечико пальцами. И одним движением поднял ее на ноги, словно тряпичную куклу. Она повиновалась, стояла, все так же глядя в никуда. Дельвин взял с подноса одну кружку — побольше. Вытащил из нее льдинки и выкинул в окно. А содержимое без всяких колебаний выплеснул на Мариэль.

Она встрепенулась. Руки взметнулись к порозовевшим щекам. Теперь она осознано смотрела прямо на Дельвина. Наконец в ее глазах были видны чувства. Пускай это были возмущение, недоумение и злость, это все же лучше, чем ничего.

Второй стакан — поменьше и с водой — потеплее — Дельвин дал ей выпить.

В комнату, снова без стука, ворвался вихрь по имени Максин. С шумом и размахивая руками, она вытолкнула брата за дверь.

— Дальше я сама, а тебе тут нечего глазеть! Так, Мариэль, давай уже просыпайся. Нормальная вообще — валяться три дня? Так и ходить можно разучиться! Давай-давай, снимай сорочку, будем тебя в порядок приводить! — выпалила она тираду.

Сначала откуда-то взялась ванна. Потом она наполнилась горячей водой. А рядом возникло душистое мыло и всякие баночки для ухода за кожей и волосами. Максин доставала их из бездонной сумки, на подобии мешочка Мариэль.

Закончив с приготовлениями, Максин сняла с дрожащей от холода, подруги мокрую сорочку. Мариэль села в ванну и позволила Максин приводить себя в порядок.

— Почему ты это делаешь? — спросила Мариэль. — Могла бы остаться в стороне, как остальные. И просто ждать, когда я умру от голода.

— Э нет. Я знаю, что ты та еще живучая штучка и простым голодом тебя не свалить. Тут что-то посерьезнее надо. — Максин вспенивала жидкость из очередной баночки на волосах Мариэль. — И потом, разве подруги не должны заботиться друг о друге? Уверена, ты на моем месте сделала все, что бы помочь мне. К тому же, ты спасла мою жизнь, так позволь спасти твою.

— Не припомню такого. — Недоуменно проговорила Мариэль.

— Ты, хоть и не собственноручно, но все же освободила меня от стен ненавистной таверны, где моя роль ограничивалась тем, что бы наливать и разносить всяким ублюдкам пиво и эль. Но пришла ты. И благодаря тебе случилось то, о чем я мечтала много лет, но что сама не решалась устроить.

— Сгорел твой дом?

— Сгорел мой ад.

— Вообще-то, на сколько я помню, идеей переночевать в вашей таверне было идеей Валсидала.

— Ох, тогда мне, наверное, стоит пойти и намылить спину ему. — Максин не перестала тереть щеткой по спине Мариэль.

Пока Мариэль вытиралась, Максин распахнула ее шкаф. Вытащила оттуда розовое платье с воротником и манжетами из заячьего меха.

— Не это. Другое. — попросила Мариэль.

Максин поняла и взяла пурпурное с черными узорами. Одев подругу, Максин заплела ее волосы в незамысловатую прическу. И надела на ее голову венок из обсидиановых цветов. А после — заставила поест. Все это время Максин не переставая говорила.

— Этот... — она смачно выругалась, — сидит сейчас у позорного столба. Я бы своими руками голову ему оторвала. Дэйли тоже грозились казнить его прямо там, в лазарете. Но мы решили оставить это тебе. Не сомневаюсь, ты хочешь его четвертовать. Твой меч, Тайвос в роде бы, не с тобой случайно? Жаль. Ну ничего, думаю, топор-то мы найдем...

— А что со Своллом?

— С кем? А с этим сукиным сыном. Валяется в лазарете, скулит, место занимает.

— Там не такие сильные переломы, что бы ты не смогла вылечить. Или все же...

— Не смогла? — оскорбленно воскликнула чародейка. — Да я и в сторону его не смотрела. Как и остальные подобия лекарей. Вообще-то надо было вышвырнуть его сразу и привязать вместе с папашей. Но Дельвин чуть ли не с мечом в руках защищает пацана.

— Что?!

— Ну конечно не с мечом, а со своим посохом, который он везде за собой таскает.

— Максин, какой посох!

— Ну который он везде с собой таскает...

— Вы оставили мальчика умирать! — Вскричала Мариэль, вскочив на ноги.

Не говоря больше ни слова, она пошла в лазарет. Без большого живота идти было куда проще, Мариэль ощущала себя почти невесомой. Но уж лучше бы ходить, как пингвин, чем так...

— Одумайся, дорогая, если хорошо подумать, то виновен в смерти твоего сына — сын Снора. — Кричала ей вдогонку Максин.

— А если подумать еще лучше, то можно понять, что бедный парень падал с крыши даже без тени мысли об убийстве кого-либо.

— Откуда ты знаешь? — Мариэль проигнорировала Максин. Она неслась по коридорам, едва не сбивая прохожих.

Свол выглядит ужасно. Плечо и грудная клетка опухли. Лицо было красным, как помидор. Когда Мариэль вошла в лазарет, он разговаривал с маленькими девочками. Одной на вид было лет двенадцать, другой не больше пяти.

— Ишь, развалился тут. А ну брысь, вы трое! — рывкнула на них, проходящая мимо, старушка, неся лекарства кому-то из больных.

Младшая девочка заплакала, старшая обняла ее, успокаивая. Парень с трудом поднялся. И уже собрался уходить.

— А ну ка ляг обратно! — приказала Мариэль. — Он останется. Я понимаю, что вы это делаете из любви ко мне, но парень ни в чем не виноват. — Остановив старуху, проговорила Мариэль. Громко, что бы каждый слышал.

Повитуха тут же переменилась в лице. Ее озлобленный взгляд пропал. Теперь она выглядела испуганной и, поклонившись Мариэль, скрылась в направлении больных.

— Значит, он не умрет? — пискнула младшая девочка.

— Добрая госпожа не позволит этого. — ответила старшая.

— Госпожа Мариэль, прошу, мои сестры не ели три дня. — прохрипел Свол.

Мариэль пришла в ярость. Уголок добра и уюта, который она создавала десятки лет, вкладывая в него любовь и нежность, превратился в обитель подлости и грязной ненависти. Она и подумать не могла, что в ее приюте когда-нибудь детей будут морить голодом и оставлять на произвол судьбы с переломами.

— Максин, прошу, отведи этих девочек на кухню. Пусть едят, что захотят. И принеси еды для парня, пожалуйста.

Чародейка вздохнула, но послушалась. Ее радовало то, что став принцессой, Мариэль не опустилась до того, что бы в своих приказах забывать употреблять "пожалуйста".

А Мариэль тем временем занялась Сволем. Пришлось повозиться, что бы снять опухоль. Если бы ей дали тогда подойти к нему, на лечение ушло бы куда меньше времени и сил. Конечно, Мариэль использовала не свои силы, а энергию парня. Она просто направила их в правильном направлении и ускорила естественное выздоровление. Понятное дело, выздоровев, Свол выглядел еще более сонным.

— Вы убьете моего отца? — спросил он, борясь с зевотой.

Мариэль затруднялась с ответом. До сих пор она не думала об этом. Сердце ее наполнилось яростью и жадной мести. Руки тряслись от желания прямо сейчас пойти и

задушить Снора.

— Мы с бабушкой не сможем содержать моих младших сестер и брата. — продолжал парень.

— Брата? Младшего?

— Снебьерну всего год. Мать умерла, рожая его. А бабушка слишком слаба.

— Поспи. — Посоветовала Мариэль, не в силах больше смотреть на измученного, зевающего парня. — Суд над твоим отцом состоится вечером.

До наступления вечера, собственно, оставалось всего пара часов. А пока Мариэль вышла во двор. В центре в землю был вбит столб, а к нему привязан Снор. Никогда в ее городке не было ни позорных столбов, ни виселицы, ни плахи. Наблюдать за тем, как ее приют поглощает злоба мира, было невозможно. Как и смотреть на Снора. Он дрожал от холода, губы его посинели, кожа потрескалась. Всякий прохожий не упускал шанса запустить в виновного камень, снег или сосульку.

Через пару минут во дворе не осталось почти никого. Только Мариэль, Снор и мальчик, с сомнением поглядывавший то на камень в своей руке, но на преступника. Это был Уилльям. Он не видел, наблюдающую за ним, Мариэль. В конце концов, он бросил камень на землю. Подошел к связанному грузному мужчине, что-то сказал, и ударил его по лицу с не детской силой. Да так, что из носа Снора пошла кровь.

Уилл ушел, а Мариэль медленно приблизилась к позорному столбу. Она шла по гравию, присыпанному снегом, совершенно не слышно. Снор заметил ее лишь, когда она подошла вплотную. Она ждала увидеть в его лице страх. Но увидела только искреннее разочарование в себе самом и жалость к самому себе. Заглянув в его мысли, стало ясно, что до сего момента Снор свято верил, что девушка, которую он избил — была простушкой. Что он поднял руку не на Мариэль.

— Ты правда думал, что на моем месте была простая селянка? — спросила она с презрением. Мужчина быстро и часто закивал. Можно было подумать, что он просто сильнее задрожал. Но Мариэль знала, что это не так. — От того твое преступление еще серьезнее! Думаешь, я не наказала бы тебя, подними ты руку на, не имеющую титула, беременную женщину? И на женщину вообще!

— Ты не имеешь права меня наказывать. — осмелился возразить он. — Даже короли здесь теряют свою власть. Твои слова.

— Думаешь, это помешает мне убить тебя? Умоляю, скажи что-нибудь, действительно оправдывающее тебя! Иначе я вырву твое сердце и заставлю тебя его съесть!

То ли тон, с которым говорила Мариэль, то ли ее взгляд, то ли сама угроза заставила, а может и все вместе заставили Снора трястись, как овечий хвост.

— Я... боролся за сына...

— Хотел купить жизнь своего сына ценой моего? А знаешь ли ты, что пришлось пережить Сволу из-за твоей агрессии? — И Мариэль во всех красках описала, как загнали и измучили парня. Добавив к этому предположения о том, как сложится жизнь сына человека, который убил эльфийского принца. — Не беспокойся, я позволю тебе увидаться с семьей перед судом. Вот только каким будет исход суда? Может справедливо будет заставить тебя испытать то же, что сейчас испытываю я? Снебьерн так же ни в чем не виноват, как ни в чем невиновен был мой сын!

Мариэль ушла, оставив Снора наедине со страхом. Конечно, о Снебьерне она говорила не серьезно. Она бы не смогла смириться с тем, что убила невинное дитя. Наказывать

ребенка за грехи отца — не правильно. В раздумьях она забрела в сад. Занятые работой люди, не находили времени гулять по этим тропам. Тут царило запустение.

Если бы кто-то наблюдал за Мариэль, то увидел лишь гуляющую эльфийку. Прекрасную, но печальную, наблюдающую за, танцующей в небе, стаяй птиц. Но на душе у той утонченной девы скреблись кошки. Она вся горела от жажды мести. А в голове она перебирала самые разные способы казни.

Ее взгляд случайно коснулся красной кроны на вершине холма. Из груди вырвался глухой стон. Ей одновременно хотелось и не хотелось подняться туда. Помимо кошек, душу стали раздирать два зверя. Один настаивал на том, что, увидев маленько одеревеневшее личико, Мариэль повесится на ветке того клена. А другой твердил, что, взглянув на могилу сына, она сможет придумать равное по жестокости наказание Снору, не вредящее никому, кроме него. Ноги подкосились, стоило Мариэль сделать шаг к холму.

— Девочка моя... — По телу разлилось почти забытое тепло. Такое Мариэль ни с чем не спутает. С ней говорила Анорсель. Всего третий раз на ее памяти, дух солнца являлась ей наяву, а не во сне, как обычно.

На полянке стояла дева, излучающая чистый белоснежный свет. Она протягивала к Мариэль руки. Вихрем преодолев расстояние между ними, Мариэль бросилась в объятия духу. Чувство при этом было весьма странным: будто она обнимала поле между двумя магнитами с одинаковыми полюсами. От Солнечной девы исходило тепло и аромат, который вовсе не вязался с сырой зимой. От нее пахло знойным летом, травой и полевыми цветами во время зноя.

— Дитя мое... — Анорсель гладила, рыдающую Мариэль по волосам. — Прости меня. Я не успела исцелить твоего сына.

Мариэль не отвечала, прижимаясь к духу. Она больше не могла сдерживать чувств. С ней она вспомнила, как была шестнадцатилетней девочкой, и та ей во всем помогала. Мариэль очень хотелось вернуться в то беззаботное время, когда этот мир для нее был полон таинственного волшебства и сказочной красотой.

— Мариэль! — послышался оклик Максин где-то вдалеке. — Где ты?

— Я забираю твою боль и терзания твоей души. — Прошептала Анорсель, словно гипнотизируя Мариэль. — И дарую покой и мудрость. Они пригодятся тебе в будущем.

Солнечная дева растворилась в воздухе. Мариэль совсем не хотелось, что бы она уходила. Она вздохнула с досадой. Но Анорсель не обманула. Боли больше не было и Мариэль была почти спокойна. Горе от потери сына притупилось, да и желание придушить Снора прямо сейчас пропало. Она пока не знала что делать, но была уверена, что правильное решение придет в нужное время.

— Мариэль, вот ты где! — Максин прорвалась сквозь куст шиповника.

— Тебе не холодно? — спросила в ответ Мариэль, оглядев подругу.

Она оставалась в такой же короткой тунике покалено. Разве что платок, который она подвязывала под пышкой грудью теперь выглядел куда теплее. Да и сапоги до колен тоже были отделаны внутри мехом. А вот от одного вида соблазнительной полоски обнаженных ног между туникой и сапогами, по коже пробежал морозец.

— Нашла о чем беспокоиться! — всплеснула руками чародейка. — Ты бы лучше поспешила во двор. Там все готово к правосудию. Вот только люди не знают, веревку готовить или топор. За то на роль палача — человек двадцать желающих.

Во дворе собрались все. Женщины и мужчины скопились вокруг позорного столба. Дети

сидели на крышах домов и выглядывали из окон крепости. В центре стоял помост, а на нем плаха и топор. Народ расступался перед Мариэль. Она легко взошла на помост и обернулась к людям, гномам и эльфам, собравшимся здесь. За ее спиной выстроились Дэйелис, Дельвин и Максин. Игеред и Агнар стояли вместе с толпой, и сильно выделялись на фоне их простых одежд. Ближе всего к помосту стояла семья Снора. Остальные словно бы сторонились их. Свол прижимал к себе обеих сестренок. Младшая плакала. Старшая, почти не моргая, смотрела на отца, будто боялась что-то пропустить. Рядом стояла пожилая женщина с ребенком на руках. В ее глазах застыли осуждение и печаль.

— Госпожа! — В перед шагнул человек, отделяясь от толпы. — Мое имя Бор, я живу за стенами вашего приюта всю свою жизнь. И всем, что я имею, я обязан вам. Для меня было бы честью наказать убийцу. Если позволите, я бы хотел сам занести топор.

— Бор, ты живешь здесь всю свою жизнь, — ответила Мариэль. — а значит должен знать, что это место всегда было хрупким сосудом тепла и доброты. И никогда здесь не царила вражда и раздор. Три дня назад в этом сосуде появилась трещина. И я не дам ему разбиться полностью, даже после того, что произошло. Я не позволю никому из вас заразиться черной злостью и жаждой убивать. Даже если это порождено благими намерениями.

Бор кивнул и, опустив глаза, словно провинившийся мальчик, снова слился с толпой.

— К тому же, — продолжила Мариэль, обведя народ взглядом. — Сначала состоится суд, и только потом казнь.

Толпа взревела неодобрительным возгласом.

— Он убийца! И без суда ясно, что он виновен! — кричали женщины.

— Боги ему — судьи! — кричали мужчины. — Все равно дорога ему в преисподнюю!

— Ты же понимаешь, что трещина в сосуде не затянется, словно рана. — Прошептала на ухо Мариэль Максин. — Любое неосторожное движение рано или поздно разобьет сосуд.

— Поэтому я и не совершу этого неосторожного движения. — ответила Мариэль, подняв руку. Шум тут же унялся. — Нила, — позвала она, и вперед вышла женщина лет тридцати. — Ты, как и я, потеряла ребенка. Чего бы ты хотела, будь тому виной этот человек? — Мариэль указала на снора. И мысленно проклинала себя за то, что напонила женщине об утрате.

Нила стояла в растерянности, часто моргая. Она явно не знала что сказать и долго подбирала слова.

— Я бы хотела его смерти. — дрогнувшим голосом, ответила девушка.

— А если бы этот человек был твоим отцом или мужем. Соверши твой отец или муж такое преступление, чего бы ты хотела?

Нила снова растерялась. Казалось, она сейчас заплачет.

— Я бы молила судей и богов о пощаде. — В конце концов ответила девушка.

Мариэль кивнула, позволяя Ниле вернуться в толпу.

— А ты что скажешь, Свол? Ты был свидетелем всему произошедшему. Как по-твоему я должна наказать его?

— Госпожа, я не могу никак оправдать своего отца. — Снор бросил злобный взгляд на сына. — Но я скажу то же, что уже говорил вам. Без отца мои сестры, брат и бабушка погибнут. Не справедливо платить жизнями всей семьи за жизнь одного эльфа. Лучше казните меня, ведь ради меня отец поступил так, как поступил.

— В твоём сыне больше чести, чем в тебе! — крикнула Максин. Дельвин одернул ее, но

она стукнула брата по плечу.

— А что скажешь ты, дочь моя? — Мариэль обернулась к дочери. — Арагнаст учил тебя править. И возможно, именно ты займешь эльфийский трон. Как бы ты поступила с этим человеком, будь ты королевой?

— Младенец, которого погубил Снор, был моим братом. Будь моя воля, мама, я бы привязала его в пещере под непрерывно капающей водой. Что бы она пробивала его череп и мозг медленно, но верно... Однако, как королева, — Дэйелис заговорила тише, — я обязана учесть невиновность семьи преступника. А потому предлагаю отрубить ему левую руку, — Дельвин поморщился, — дабы правой он мог работать и зарабатывать на жизнь себе и детям.

Мариэль вновь кивнула и взглянула на Снора, а за тем на его семью. Ей уже было все ясно. И она знала, что делать.

— Ведите его сюда. — сказала она.

Двое стражников отвязали Снора и притащили к ногам Мариэль.

— Я не убью тебя сегодня. — Мариэль говорила громко и четко, что бы каждому было слышно. — И не отрублю... ничего. — Снор с облегчением вздохнул. — Я так же не привяжу тебя под капающей водой. Но сделаю так, что бы умирал ты долго и с теми же муками, с какими женщина рождает ребенка.

Теперь все замерли, боясь пошевелиться. А Мариэль заговорила на драконьем языке. Как закончила творить заклинание, перевела его, что бы каждый услышал сей жестокий приговор.

— Ты будешь жить, покуда растут твои дети. Они ни в чем не будут нуждаться и станут благородными людьми. Они не познают горя...

— Пока звучит, как благословение. — прошептал Игеред.

— Слушай. — Ответил Агнар, который, в отличие от друга-близнеца, знал язык драконов.

— ...кроме одного. Настанет день, когда дети твои обретут самостоятельность, и больше не будут нуждаться в твоей опеке. И до того дня мое проклятье будет защищать тебя от случайной или намеренной смерти. Тогда ты умрешь.

Следующие слова она шептала на ухо Снору. А Агнар так же шепотом переводил их Игереду.

— Это будет день восемнадцатилетия твоей младшей дочери. Лишь зайдет солнце того дня, твои ноги унесут тебя подальше от дома. И ты умрешь в одиночестве. Детям ты не сможешь раскрыть даты своей смерти!

— А как же Снебьерн? Он лишится отца с четырнадцать! — прошептал Снор, рыдая.

— О нем позаботятся сестры и брат. Или ты хочешь, что бы я осиротила его прямо сейчас?

Снор завыл, как раненный зверь.

— Ты свободен. — сказала Мариэль. И развернувшись, направилась к себе. После сложного заклинания ее клонило в сон.

— Пока что тебе удалось не разбить чашу. Но получится ли сохранить ее в целости и потом? — проговорила Максин, следуя за подругой.

Глава 11. Столичная пустошь

Эльфийское войско окружило Маргинг. Все были наготове и только ждали приказа принца, которого что-то неуловимо тревожило. Фаолин вглядывался в даль, не спеша отдавать приказ. Странное ощущение бессмысленности его действий — вот что это было за чувство. Словно он находится не там, где должен и неизвестная сила тянуло его совершенно в другое место. Но куда — понять Фаолин не мог.

— Что ты видишь? — спросил Гаяс, главный советник погибшего короля.

— Ничего. — Сокрушенно вздохнул принц. — Я не вижу там ничего, что говорило бы о захватчиков. Их там нет. — Немного подумав, он добавил, — Зайдем в город. Будьте на чеку.

Фаолин уже знал, что они ничего там не найдут. Едва ступив в город, ему стало ясно, что столица покинута как жителями, так и захватчиками. Перед ним возвышался город-призрак. Окутанный тяжелым утренним туманом, он казался мертвым, безжизненным. Когда-то самый красивый город превратился в забытые руины.

— Ваше высочество, взгляните! — Раздался в звенящей тиши голос одного из командиров. Фаолин последовал за ним и вышел за черту города. Он не поверил своим глазам. В этой части леса никогда не было многоликой рощи*. Но вот она, прямо перед ним. Из молочной дымки тумана на него смотрели сотни лиц погибших солдат.

Бесшумно ступая меж могил, Фаолин углублялся все дальше в рощу, вглядываясь в древесные лики каждого, обрамленные листвой, не спадающей даже зимой. В центре возвышались над всеми два бука. Принц остановился перед ними, как вкопанный. Его взгляд был прикован к лицам, которые он не мог представить покрытыми корой. Отец и мать смотрели на него немигающими деревянными глазами. Сердце пропустило два удара. Тоска волной захлестнула Фаолина, грозясь вырваться наружу. Но он сдержал порыв. Не упал на колени с утробным рыком колотя землю. Не время давать чувствам волю. Лишь почтил память, прижав ладонь к груди и поклонившись.

Командир, стоявший на пару шагов позади него, последовал примеру принца, который тут же развернулся и устремился прочь. Только когда они вышли из многоликой рощи, командир заговорил:

— Их хоронили не эльфы.

— С чего бы захватчикам хоронить наших павших? — спросил Фаолин, но скорее у самого себя, что бы заставить голову думать. — И что стало с их погибшими?

Командир жестом указал куда-то в сторону. Там меж деревьев виднелась черная от золы, выгоревшая поляна. Должно быть они сожгли тела своих воинов. А вместе с ними и часть леса — любимую поляну Фаолина, куда он порой приходил, что бы побыть одному. Теперь это шрам на теле леса. Уродливый и ужасный.

Фаолин не мог смотреть на это. Ускорив шаг, он направился в замок. Командир так же следовал за ним.

— Маргинг пуст, никого не осталось. — Сказал Гаяс, появившийся словно из воздуха. — Нужно узнать куда ушли Черные Ящеры.

— Точно не на север, иначе мы бы их встретили. — Откликнулся командир.

— И не на юг. Зачем им возвращаться к кораблям?

— Странно, что они не укрепили свои позиции в Маргинге.

— Нужно разрушить их флот. — Сказал наконец Фаолин, до сих пор не проронивший

ни слова.

— Для этого нужно сосредоточить все силы Джевелии на юге. И созвать всех драконов. — Задумчиво проговорил командир.

— Значит именно это мы и сделаем.

— А кто останется защищать города? — Заявил Гаяс.

— Не от кого будет защищать города, если мы уничтожим источник всех бед. — Едва сдерживая гнев, воскликнул Фаолин. — Я не повторю ошибок отца, распыляя силы по всей стране, подставляясь под удар.

— Вам все равно придется обсудить это с Дугласом, Зигмундом и Молдобадам. — От предостережения Гаяса Фаолин поморщился. Если с Дугласом и Молдобадам можно было как-то вести дела, то договариваться с Зигмундом... Даже связываться с разбалованным капризным юнцом Фаолину не хотелось.

Командир, советник и принц вошли в тронный зал, где уже собрались десятки командиров и военачальников. Все расположились за большим овальным столом. Пустым остался только трон. Фаолин не решился занять место отца, оставшись стоять рядом с ним. Лишь коснулся пальцами мраморного подлокотника.

— Мы обыскали все. Лесные тропы рассказали нам, куда ушли захватчики. — Докладывал один из военачальников. — Они разделились на две группы. Две тысячи ушли по восточной дороге. Сотня вернулись к берегам Пенного моря. Скорее всего раненные.

— Или охрана плененной принцессы Иналии. — Предположил самый молодой из эльфов.

Фаолин едва заметно вздрогнул от этой мысли. Если его сестру и правда пленили, и увели на корабли — это еще один повод разгромить их флот.

— В любом случае нужно идти к Золотой горе. — Объявил Гаяс. — Восточная дорога ведет к Малату большим крюком. Они пошли по ней, чтобы избежать столкновения с нами. Если выдвинемся завтра же, достигнем Золотой горы раньше них и сможем отстоять центральную столицу. В любом случае с нашими силами мы не причиним их флоту почти никакого ущерба. А что бы собрать все силы Джевелии, нужно обсудить это на собрании королей.

— К слову о королях. — Подал голос один из приближенных вассал покойного короля Арагнаста. — Наш владыка мертв, народ должен избрать нового короля.

— Это тоже должно обсуждаться на совете. Мы не в праве без ведома драконов, гномов и людей короновать кого-либо.

— Принц Фаолин — неоспоримый наследник престола. — Осмелился кто-то сказать, привстав с места и уперевшись руками о стол.

— И все же без согласия на то остальных, мы не можем короновать принца. — Стоял на своем Гаяс.

— Значит Малат? — спросил командир.

— Да. — ответил Фаолин, хотя ему очень хотелось сказать совсем другое. — Утром выступаем. На этом все.

Он стремительным шагом вышел из тронного зала. Сердце разрывалось на юг — спасать сестру, и на северо-восток — к Мариэль. Но Гаяс был прав. Без драконов эльфы не потопят и малой части кораблей. А отсиживаясь за стенами школы, стране не поможешь.

Не замечая никого и ничего Фаолин вырвался из замка, устремившись по фиолетовой тропе в глубь дворцового сада. Вдруг он резко развернулся, не сбавляя шага. В воздухе

просвистел клинок, сверкнул серебристой искрой и разрубил обуглившееся деревце. Из горла принца вырвался звериный рык. Вокруг него кружился пепел и снег в мрачном танце. С ветвей спорхнула стайка ворон с пронзительным карканьем. Где-то высоко в небе, отвечая на его боль, пророкотал гром. Потом снова. И еще раз — теперь ближе. Не гром то был, а рев дракона.

Фаолин поднял влажные глаза к небу. Над кронами деревьев пронесся знакомый серебряный дракон и умчался в сторону озера Алаль. Это без сомнений была Либрэ — дракониха, с которой летал Златоэорис. Но вид ее насторожил Фаолина. Она была ранена. Золотая кровь контрастно выделялась на ее шее. Несколько капель упали на сиреневую тропу, от них тонкой струйкой поднимался пар.

Эльфийский принц поспешил к озеру. Приближаясь к, уже приземлившимся, гостям он замедлил шаг. Из седла выскочил Златоэорис, ловко соскользнув по ноге дракона на землю. Он был весьма потрепан. Плотная кожаная броня, защищающая от ветра, была местами порвана. Одна перчатка — опалена. На шлеме вмятина. В прочем это было не так страшно, по сравнению со вторым всадником, которого Фаолин заметил не сразу. Черная борода с проседью опалена, мокрые спутавшиеся волосы липли к морщинистому лицу. Одежда, вообще не предназначенная для полетов, до нитки промокшая. Штаны на ляжках протерты, явно от длительного перелета без седла. Но не смотря на все это, гном улыбался. Возможно — то есть вернее всего — был рад тому, что наконец твердо стоял на земле. Выражение лица старого друга Фаолину разгадывать не пришлось. Эмоции он выражал все так же, хоть и заметно постарел с их последней встречи.

— Приветствую, друзья! — проговорил Фаолин.

— Дружище, тебя то мы и искали! — Не так весело, как предполагалось, воскликнул Кирби.

Златоэорис молча кивнул, потянувшись руками к ране Либрэ на шее.

— Позволь помочь. — Фаолин подошел ближе после того, как Златоэорис кивнул, а Либрэ одобрительно мурлыкнула.

Рана у нее на шее была не большой, но крови было столько, будто ее рассекли по всей длине. Между чешуйками застрял наконечник копья. Либрэ повернулась к эльфу, словно пытаясь по лицу его прочесть на сколько все плохо. От этого движения чешуйки сомкнулись, вгоняя наконечник глубже в плоть. Дракониха рыкнула и дернулась.

— Осторожно, Либрэ. Выгни шею в другую сторону. — Тихо велел Фаолин.

Она послушалась и чешуйки на ее шее вздыбились, открывая рану.

— Теперь постарайся не шевелиться.

Либрэ замерла. Фаолин приложил руки к ране и прошептал заклинание. Наконечник выскользнул из плоти, почти не разбередив ее еще сильнее, и со звоном упал к ногам эльфа. Рана стала затягиваться. Либрэ тихонько рычала от покалывания магии, но изо всех сил старалась не шевелиться.

— Мы здесь по приказу старейшины. — Ответил Златоэорис на незаданный вопрос Фаолина, который прочитал у него в глазах, как только Либрэ исцелилась. — Теперь вместо Локиза сопровождать эльфийское войско будем мы с Либрэ. Мы сожалеем о его смерти.

"И прими наши соболезнования. Арагнаст и Элейс были великими правителями. Нам очень жаль"- Добавила Либрэ.

Фаолин благодарно кивнул и задал еще один вопрос, интересующий его не меньше первого.

— Вчера утром на нас напал один из разведчиков Черных Ящеров. — Снова ответил Златоэорис. — Вернее двое. Дракон и всадник. Мы сбили их, не знаю мертвы ли они, но досталось им не слабо. Ну и нам сувенирчик оставили, конечно.

Парень пнул наконечник стрелы. Тот, звякнув, упал возле Кирби, разминающего спину.

— А ты тут по какому поводу? — Поинтересовался эльфийский принц.

— Ты что мне не рад, дружище?

— Нет, прости, я не это имел в виду.

— Да ладно тебе. Я тут просто потому, что устал сидеть на Золотой Горе, как гоблин на куче сокровищ, вот и напросился со старым приятелем.

— Кто из нас стар?! — насмешливо воскликнул Златоэорис, покосившись на толстые нити седины в волосах гнома.

— Уж точно не я. Я все еще достаточно молод, чтобы махать своим молотом.

— Разве что гвозди в доски забивать. — Продолжал задираться парень.

— А ты не плох. — Рассмеялся гном, нисколько не обижаясь. — Фаолин, а Мариэль тоже здесь?

— Она в Приюте Третьего Солнца, заботится о жителях незащищенных поселений.

— Узнаю наш Изумрудик, никогда не остается равнодушной.

— Тебе придется придумать для нее другое прозвище. — Улыбнулся Златоэорис. — Как насчет Сапфира или Аквамарина?

— Снова поменяла взгляд на мир? — Всплеснул руками гном. — Ладно, придумаю, как только увижу. А сейчас пойду ка приведу себя в порядок. Надеюсь ваш винный погреб не разграбили эти варвары? Не страшно, если я возьму бутылку какого-нибудь пойла?

Фаолин безразлично пожал плечами, позволяя этим жестом другу делать все, что заблагорассудится. И гном отправился по сиреневой тропе в замок. Златоэорис и Либрэ взмыли в небо, желая поохотиться. А Фаолин подошел к кромке воды. В тонкой корке льда, образовавшейся на поверхности озера, он увидел свое отражение. Но легкое заклинание изменило его на лицо любимой. Уставшая, но улыбающаяся Мариэль кого-то лечила в лазарете цитадели, придерживая одной рукой круглый живот. Видно, уставшая настолько, что даже не распознала, что за ней наблюдают в волшебное зеркало. Один только ее вид согревал душу Фаолина. Он бы с радостью поговорил с ней, но ей явно было не до этого. Не желая мешать ей, принц просто смотрел на нее и не мог оторваться. Сердце требовало ее присутствия, ее нежных прикосновений, аромата ромашек и винограда — ее аромата.

Настал новый день. Эльфийское войско двинулось к Золотой горе. Фаолин верхом на гордом вороном жеребце возглавлял процессию. Над головами, облаченных в позолоченные доспехи, воинов парил серебряный дракон. Продвигались медленно, но совсем не останавливались. Даже ночью длинная вереница солдат продолжали свой марш. Путь им освещали волшебные фонарики, светящиеся чарующим голубоватым светом. А скуку развеивали песни, уносящиеся в высь сотней завораживающих голосов. Так протекали пять утомительных дня. Выносливый народ не нуждался в передышках, они могли перекусывать и отдыхать на ходу. И у них даже были силы отбиться от врагов, напавших на них среди бела дня.

Дракон, в разы больше Либрэ, преградил им дорогу огненной полосой. Степь вспыхнула, не давая войску эльфов пройти. А с тыла на них уже неслась конная рать неприятелей. Либрэ довольно удачно отвлекала на себя темного дракона, и тот почти не вредил эльфам.

— Перестроить фалангой! — Скомандовал Фаолин.

Эльфы четко исполнили приказ. Без лишней суеты, словно каждый знал свое место, войско развернулось лицом к врагу. Повозки с провизией оказались за их спинами и перед огненной стеной. Один отряд направился тушить пожар, что бы тот не поглотил всю степь вместе с ними.

— Лучники, стрелы на тетиву! — Фаолин и сам натянул тетиву. — Первая дивизия, стреляй! — Он выпустил стрелу вместе с тысячей других. Смертоносный град обрушился на головы налетчиков, но Фаолин не давал им времени расслабиться. — Вторая дивизия, стреляй!

Две дивизии поочередно обрушивали залпы, непрерывно поливая врага дождем из стрел. И вот противник приблизился на столько, что пора было обнажать клинки.

— Щиты! — По приказу принца первый ряд выставил перед собой щиты золотой стеной. — Копья! — Из-за спин тех, кто находился в первом ряду, опустились пики, не оставляющие шанса тем, кто на них налетит. — В бой! — Фаолин выхватил меч. Эльфы повторили этот жест синхронно. В лучах солнца засверкала сталь. И две стороны сошлись в схватке.

Фаолин, верхом на своем жеребце, уверенно и четко, отточенными движениями крушил врагов. Это походило на танец. Грозный, но грациозный до жути. Никто не мог одолеть его — сурового всадника. Глаза сверкали яростью, каждый взмах руки говорил о гневе, что бушует в его душе. Что бы не думать о жизнях, что он отнимает, Фаолин рисовал в сознании образ Мариэль. Образ любимой, что ждет его и встретит нежностью и лаской. Ради нее он убивает, для нее не забывает прикрываться щитом.

— Спустите меня на землю! — Кричал Кирби, судорожно хватаясь за Златоэориса, который пытался копьём пронзить гигантского дракона. Либрэ вырвалась из захвата чудища, проделав петлю в воздухе и устремилась к земле. Бедный гном, измотанный безумными трюками, с помощью которых дракониха изворачивалась из лап врага, чуть не сорвался вниз.

— Осторожно! — крикнул кто-то. Фаолин пригнулся. Над головами эльфов и Черных Ящеров пролетела Либрэ, едва не касаясь крыльями земли.

Кирби, не теряя времени, соскользнул со спины дракона, придавив какого-то темнокожего воина. И тут же добил его своим молотом. Златоэорис тоже отстегнулся и последовал за гномом.

— Будь осторожна! — крикнул он на лету.

Либрэ зло прорычала. Она уже не могла набрать высоту и, уйдя в сторону от сражения, рухнула на землю, брюхом вспахав землю. Брызги мерзлой земли разлетелись в разные стороны. Огромный дракон не заставил себя ждать, с громогласным ревом обрушившись на Либрэ. От его приземления сотряслась земля. Потерявший самоуправление дракон еще какое-то время лежал. Самые смелые из эльфов накинулись на него. Копья откалывали его чешую, магия разрывала плоть. Но вот он пришел в себя и одним могучим взмахом крыльев взмыл в небо, сбив храбрецов с ног.

Рогатая голова темного чудища озиралась в поисках Либрэ, вновь ускользнувшей от него. Дракониха же заняла выигрышную позицию. Воспользовавшись замешательством, подлетела на уровень солнца. У крылатых существ это называется — слепая зона неба. И вот, когда огромный дракон подлетел совсем близко, она накинулась на него. Когти Либрэ впились в глаза гиганта, а зубы — в шею. И они оба полетели напрямик вниз. За пару мгновений до падения, Либрэ оттолкнулась от массивной туши чудища, взмыв в небо с

победным воем.

— Умничка! — Златоэорис воздел руки к небу, подпрыгнув на месте от радости.

— Не зевай! — Рывкнул Кирби, разбив врагу, коленную чашечку. Златоэорис тут же среагировал, снеся своему неудавшемуся убийце голову.

— Благодарю. — Парень отвесил гному шуточный поклон и кинулся в гущу сражения.

И все же у захватчиков не хватило сил одолеть великое эльфийское войско. Те, кто еще мог бежать, бросились наутек. Фаолин только и успел заметить, как на израненного дракона вскочил всадник и протрубил в рог, отзывая Черных ящеров.

— Догнать и уничтожить! — Распорядился Фаолин.

Гаяс кивнул и с частью воинов пустился вдогонку.

— Лети ко мне, моя ласточка! — Раскрыв объятия навстречу Либрэ, смеялся Златоэорис. Но дракониха его радости не разделяла. Пригвоздив его к земле, она обнажила свои острые зубы.

"Спрыгнул и был таков! Безумец!" — Парень извивался меж ее когтей, посмеиваясь.

— Ну ты чего, от меня проку было никакого. А так, без лишнего груза ты лихо разделалась с тем уродцем. Он, кстати, тебя не ранил? — Златоэорис заботливо оглядел ту часть драконихи, которую было видно.

"Нет. А вот тебе сейчас не поздоровится."

Горячее дыхание взъерошило волосы парня.

— Эй, не спали меня раньше времени. Разрешаю тебе это сделать только после моей кончины!

"Придурок. Ты должен понять, мы — команда и должны держаться вместе. А ты ведешь себя так, словно я какая-то скотина с копытами."

— Что ты, моя ласточка! Ты в тысячи раз лучше любой кобылы! — У самого его носа клацнули зубы драконихи. Из ее пасти пахло кровью. — Ладно-ладно, в следующий раз перед тем, как сигануть за борт, обязательно предупрежу тебя. Ну или останусь болтаться в седле обузой.

"Ты невыносим!" — Либрэ отпустила напарника.

— И я тебя люблю.

Вечером, когда посреди степи взросла многоликая роща и последний погребальный костер прогорел до основания, вернулся Гаяс. Он привел ту часть войска, что отправилась с ним почти в целости.

— Надеюсь, вы никого не оставили в живых. — Сцепив руки за спиной, сказал Фаолин.

— Никого. Кроме дракона и его всадника. С госпожой Либрэ мы бы без сомнения нагнали его. Но ему удалось уйти. — Доложил Гаяс.

— Пускай. Он слеп и слаб. Думаю, мы еще встретимся с ним. Это все?

— Да, ваше высочество.

— Хорошо, тогда оставьте меня. Завтра утром выдвигаемся.

Гаяс, уважительно склонил голову и покинул поставленный наспех шатер принца. Войско встало на привал. Многим необходимо было залечить раны, а принцу отдохнуть.

Фаолин остался один и наконец облегченно выдохнул. Сел на лежанку, тяжело опустив голову в ладони. А потом достал зеркало, прошептал заклинание. Мариэль появилась в его гладкой поверхности. И снова не почувствовала того, что за ней наблюдают. Она смотрела сквозь пространство, лежа на кровати. Фаолину казалось, она смотрит прямо на него. От этого становилось одновременно спокойно и тревожно. Его манили ее алые губы, хотелось

прикоснуться к ним своими. И все же ее подавленный вид беспокоил Фаолина. И тут он заметил, что живот ее стал плоским. Выходит, его сын родился!

Теперь все встало на свои места. Фаолин с теплом в сердце еще раз взглянул на Мариэль, отдыхающую после родов, и прекратил действие заклинания. Скоро, совсем скоро он увидит ее и Дэйли. И своего маленького сына. Это стало его самым заветным желанием. Скорее бы все это кончилось, и он вернулся к ним, обнял, прижал к себе! Больше ничего не нужно!

*Многоликая роща — эльфийское кладбище

Глава 12. Расстояние — не преграда

— Лафитлин, прибыл твой пернатый гонец. — Позвал девушку Эдолас, снимая с лапки голубя коробочку с письмом. В комнату тут же впорхнула Лафитлин, протянув руки к записке. — Так и не скажешь кто этот таинственный собеседник, который пишет тебе письма выдуманными каракулями?

— Не скажу. — Игриво выхватив свиток, посмеялась Лафитлин. Отвернувшись от эльфа, она пробежала глазами по строчкам. Выражения на ее лице стремительно сменялись с веселого и загадочного на обескураженное, печальное, а потом решительное.

— Я сейчас же отправляюсь в Джевелию! — ничего не объясняя, заявила она и исчезла за резной дверью.

Короткое письмо упало на пол. Эдолас подхватил его, повертел в руках, изучая. Но, как и в сотни предыдущих раз, ничего не смог прочитать. И в который раз он укорил себя за неумение читать память предметов.

Разумеется, он доверял своей жене. Она говорила, что эти письма от друга и он ни на мгновение не сомневался в этом. И все-таки его одолевало любопытство всякий раз, как к ним прилетал голубь.

— Я хотя бы знаю этого твоего друга? — спросил он однажды. Лафитлин бросила на него загадочный взгляд и хитро улыбнулась. Он сделал шаг к ней и его пальцы защекотали ее талию.

— Знаешь. — Смеясь ответила она, извернулась и отошла подальше. — Не так хорошо как я, но вы знакомы.

— Тогда другой вопрос. Я ему доверяю?

— Конечно.

— Почему тогда вы переписываетесь на непонятном языке?

— Забавы ради. И что бы тебя позлить.

Многие годы имя таинственного друга тщательно скрывалось от него. Порой Эдоласу даже нравилась эта интрига. За многие десятки лет совместной жизни они узнали друг друга слишком хорошо, и, если бы в ней не оставалась загадка, такая жизнь могла наскучить.

Стоя сейчас посреди комнаты с письмом в руке, Эдолас испытывал двойное чувство. Он радовался новому ребусу и изнывал от любопытства. Азарт подстегивал его догнать жену и выудить всю правду прямо сейчас и ни минутой позже. Тогда как рассудительность подсказывала, что получение всех ответов разом повлечет за собой скучную жизнь.

Набегу Лафитлин достала зеркальце и пропела заклинание. Лишь только оно сработало, девушка воскликнула:

— Мариэль, ночные небеса, ты должна была сразу рассказать мне по рубину связи, а не писать!

— Тебе не стоит беспокоиться, Лиф. — Только и ответила Мариэль.

— Ты хоть слышишь себя? — Возмутилась принцесса. Остановилась, вздохнула. — Прости, но я не могу не беспокоиться. Ты в порядке?

— Я... — Мариэль осеклась. Опустив взгляд в пол, она часто-часто заморгала.-... да.

— Мне очень жаль. — Сочувственно прошептала Лафитлин. — Надеюсь, Фаолин по справедливости наказал того, кто... это сделал.

— Фаолин еще ничего не знает.

— Черт возьми, Мариэль, я сейчас же отправляюсь к тебе! — Не выдержала принцесса.

— Я впервые слышу как ты ругаешься. — не теряя своей умиротворенности, проговорила Мариэль. — Не нужно из-за меня так переживать.

— Нет уж, так не пойдет. Ты сейчас же назовешь мне место, где мы с тобой встретимся! А нет, так я тебя на другом конце света найду!

— Это угроза, Лиф? — улыбнулась Мариэль, но в глазах у нее стояли слезы. Слова подруги тронули ее, она была бесконечно благодарна судьбе за такую заботливую подругу.

— Именно! И я не шучу!

Взволнованность и воинственный настрой Лафитлин заставил Мариэль сдаться.

— Приезжай в школу. Там сейчас безопаснее всего. И, Лиф, будь осторожна.

Изображение в зеркальце погасло. Лафитлин гневно пнула сугроб, поскользнулась на ледяной дорожке. Но упасть ей не дали чьи-то крепкие руки.

— Осторожно, гололед. — Услышала она голос Малвеля над ухом.

— Тебе следовало повесить здесь табличку с этой надписью. — Отозвалась девушка, крепко встав на ноги.

Малвель улыбнулся, но увидев грустное лицо принцессы тут же посерьезнел.

— Куда держите путь, ваше высочество? — Лафитлин не любила, когда друзья обращались к ней в таком тоне. Однако сейчас она пропустила это мимо ушей.

— Я искала тебя.

— Вот как. Чем могу служить?

— Мариэль... я прибежала как только узнала. — Голос предательски задрожал, на глаза навернулись слезы.

— Давай по порядку.

Малвель провел ее в дом, усадил в кресло и подал кружку горячего чая.

— Она... потеряла ребенка. — Всхлипывая, начала рассказывать Лафитлин. Собраться с мыслями не выходило. Руки дрожали, слова путались. Ее сердце сжалось в комочек. В горле встал ком.

Малвель смотрел перед собой, не зная, что ответить. Потом опустил голову в ладони. Осознание слов подруги давалось с трудом.

— С ней ты говорила на улице? Как она?

— Подавлена, хоть и пытается делать вид, будто все хорошо.

— Это в ее духе. Глупышка... все никак не научится доверять друзьям.

— Ты не прав. То есть не совсем. Пойми, она даже Фаолину еще ничего не сказала.

На несколько мгновений повисло молчание. Тишину нарушал только треск поленьев в камине.

— Нужно ее как-то поддержать. — сказал наконец Малвель, карябая ногтем стол. Принцесса кивнула.

— Поэтому я отправляюсь в Джевелию.

— Я с тобой. — Тут же отозвался мужчина. — Ты уже предупредила Эдоласа? Родителей?

— Нет еще.

— Вы с Мариэль очень похожи. — Не зная радоваться такому сравнению или огорчаться, Лафитлин отпила чай. — Вот что, иди объясни все отцу, поговори с Эдоласом. Встретимся через два часа у переулка.

Девушка кивнула и умчалась. А Малвель не нашел в себе сил подняться с места. Груз печали накатил на него новой волной. Он вспомнил, как много лет назад Мариэль сорвалась с места, потому что ее друг был при смерти. Если она готова сутки напролет скакать верхом ради друзей, самое малое что она заслуживает — такой же преданности.

Чай в его кружке давно остыл, но Малвель все также смотрел в огонь камина, представляя, как он душил убийцу сына Мариэль. В зал вошел Резхарас.

— Где мама? — спросил Малвель, оставив кружку.

— Ты ее знаешь, снова где-то пропадает. — Вздохнул старый эльф, проведя рукой по лицу. В бликах полыхающего огня он выглядел сурово и ветвистые шрамы только приумножали строгость эльфа.

— Есть разговор.

Резхарас опустился в кресло напротив сына. Уперся локтями в колени и опустил острый подбородок на сложенные вместе пальцы рук, выражая тем самым полную готовность слушать.

— Я должен покинуть вас... не на долго... — Неуверенно начал Малвель, удивляясь тому, откуда взялась эта неуверенность.

— Раз должен, я не в праве тебя отговаривать. Тебе не двадцать лет, ты давно не ребенок.

— Матери ты запрещаешь даже говорить об отъезде в Джевелию.

— Это совершенно другая ситуация, сын мой. Но если твой путь лежит туда, то возьми ее с собой. Если уж вы так рветесь туда, то хотя бы держитесь вместе. Так я буду спокоен.

— Спасибо, отец.

— Не поведешь, что за обстоятельства вынуждают тебя покинуть родной дом?

Малвель набрал полную грудь воздуха и рассказал все, глядя в пол. А когда снова взглянул на отца, увидел в его глазах не просто сочувствие своей бывшей ученице. В них бушевал океан отчаяния, искренней печали и скорби.

— Ты должен быть рядом с ней. Поторопись. — Его голос едва заметно дрогнул.

Малвель послушался. Он торопился найти мать и скорее отправиться в путь. Но отыскать в таком большом городе эльфийку было делом не из легких. Его мать нашлась в лесу. Она гналась за лосем. Не из-за охоты, а ради разминки. Малвель давно смирился со странным пристрастием матери гоняться за животными.

Эльфийка была ловкой и быстрой, но зверь вырвался далеко вперед. Коротко стриженные белые волосы эльфийки растрепались. Серые глаза сузились, темные брови сошлись на переносице. Она была сосредоточена, ничто не могло отвлечь ее от цели.

— Мама! — позвал ее Малвель. Однако эльфийка пронеслась мимо него. Тогда он бросился вдогонку. Неизвестно в какую глушь заведет ее напуганный лось. Лавелия плохо ориентировалась на местности, поэтому часто блуждала и пропадала по несколько дней. И, не смотря на это, все равно продолжала уходить и играть в догонялки с лесными зверями.

Настигнув, Малвель схватил ее за руку и остановился. Лось скрылся. А Лавелия от резкой остановки чуть не потеряла равновесие.

— Из-за тебя я упустила его! — Возмутилась она.

— Это все не важно, я...

— Сколько можно, отпусти меня, Малвель! — Перебила эльфийка, пытаясь вырваться. — Может еще запрешь меня в замке своего отца? Я могу делать и ходить туда куда хочу!

— Я здесь как раз поэтому. Отец изменил свое решение, ты можешь отправиться в Джевелию...

— Но? — Ей не понравился тон сына, предвещающий продолжение.

— Но я и Лафитлин отправимся с тобой.

— Пф... мне не нужна охрана!

— Это не ради тебя. Нам просто по пути.

Подумав, Лавелия кивнула.

— Прекрасно, тогда пошли. — Малвель потянул ее за руку, которую так и не выпускал.

— Что прямо сейчас? Я бы могла еще догнать того красивого оленя.

— Это был лось, мам. И да, нам дорога каждая минута.

Лавелия больше не стала ничего спрашивать. От ее глаз не укрылась нервозность сына. Собираясь в путь он тихо ругался, а порой выкрикивал что-то на гномьем, что звучало крайне грубо. Среди возни иногда раздавались грохот и удары. Он был готов раньше Лавелии. И ожидая ее во дворе, уже успев запрячь лошадей, раздраженно переступал с ноги на ногу. Когда, эльфийка наконец явилась, от удивления брови Малвеля поползли вверх. Впрочем, они быстро вернулись на свое место, образовав морщину посередине лба.

Он-то думал, мать так рвется в Джевелию, чтобы почувствовать вкус сражений, что бы наконец воспользоваться тем складом оружия, что хранится у нее в большом количестве. Но из оружия она взяла с собой только лук и стрелы. Все-же вслух по этому поводу он ничего не высказал. Только поторопил мать, попрощался с отцом и быстрее направился к парталу.

Пунктуальная Лафитлин уже ждала их там, восседая на буланом жеребце. Они прошли через переулочек, оказавшись в старом городе.

— Все хорошо? — спросил Малвель, заметив смятение на лице девушки.

— Все еще не могу поверить в происходящее. Мой мир словно перевернулся: Мариэль потеряла ребенка, а я впервые покидаю Эфелон.

— Эдолас не злится?

— Нет, но заставил все объяснить и дать обещание, что не буду искать неприятности.

— Ему незачем за это переживать. Ты — девочка тихая, это у Мариэль талант...

Малвель не договорил, повисла неуютная тишина. Дорога завернула за очередное древнее строение и прошла под аркой, испещренной рунами, и уводила в глубь леса.

— Мариэль не позволит себя жалеть. — Набрав в грудь побольше воздуха, сказала Лафитлин. — Скорее рассердится, если мы заявимся с такими лицами. Цель нашей поездки — поднять ей настроение и заново научить смеяться. Так, что бы за ее смехом не крылась боль. А для этого мы сами должны быть... позитивными. — С каждым словом ее голос становился все тише, словно она могла сорваться на плачь, если будет говорить громче. Губы ее задрожали, но растянулись в улыбке. Очень неуверенной, натянутой. Лафитлин сделала еще один глубокий вдох, медленно выдохнула.

— Значит, из-за нее вы сорвались с места, словно зайцы, учуявшие охотника? — В голосе Лавелии сквозило презрение. — Нельзя было почувствовать издалека? Как будто на этой... Мариэль свет клином сошелся.

— Не смей так говорить. — Грубо ответил Малвель, прищипывая своего коня.

— Что это с ним? — Удивилась эльфийка, обращаясь к Лафитлин.

— Переживает за... — Принцесса заметила недовольство блондинки. — Зря вы так. Мариэль хорошая.

— Она просто орудие Анорсель, чье время уже давно прошло. Ей следовало вернуться

туда, откуда ее принесло еще шестьдесят лет назад. Этот мир не для нее.

— Вы просто ее не знаете. Как познакомитесь ближе, поймете, что лучшего друга больше нигде не сыскать. А вы с какой целью направляетесь в Джевелию?

— Это... сложно объяснить. — Немного растерявшись, ответила Лавелия. Рассеянн оглядевшись по сторонам, она тоже пришпорила своего серого в яблоках скакуна. Лафитлин в миг оказалась слишком далеко от своих спутников. Что-то подсказало ей, что путешествие пройдет не самым приятным образом. Подул морозный ветер, заставив девушку плотнее запахнуть плащ.

Через час путники добрались до речного порта, откуда рассчитывали добраться до Белых гор на лодках. Однако их ждала неприятная новость. Река замерзла. Малвель снова выругался. За этот день он вообще ругался куда чаще, чем за все свои восемьсот пятьдесят два года. Не привыкшая к седлу Лафитлин, тоже была не особо рада такому стечению обстоятельств. Одной только Левели, похоже, все было нипочем. Складывалось впечатление, будто она не особо понимает, что происходит, а потому мирится со всем подряд.

К концу дня у Лафитлин уже ломило все тело. Пришлось искать ночлег. На этот раз удача им улыбнулась: на берегу реки возвышалась скала, в основании которой ветер выдул удобную ложбинку.

— Мы будем спать прямо на земле? — В замешательстве спросила она, наблюдая, как Малвель расстилает попону на холодные камни.

— Да. — Ответил Малвель. — До постоянного двора ехать еще день. Простите принцесса, но сегодня придется обойтись без некоторых удобств.

— Ха, подумаешь! — фыркнула Лафитлин. — Я вполне способна обойтись без королевских покоев сколько угодно. И хватит уже называть меня принцессой!

— Как угодно, ваше высочество. — Хитро улыбнувшись, сказал Малвель.

Гордо вздернув подбородок, девушка сама расседлала своего коня. Сложила попону в несколько раз и села не нее поближе к костру.

— А что мы будем есть? — подала голос Лавелия.

— Так и знал, что ты об этом не позаботишься. — Вздохнул Малвель, вытаскивая из сумки хлеб.

— Холодно-то как. — пролепетала Лафитлин, сжавшись в комочек и вгрызаясь в мягкий хлеб.

Взглянув в угасающее небо, Малвель протянул руки к заходящему солнцу. Без всяких заклинаний, лишь с помощью жестов, он собрал в ладони солнечные лучи и окутал ими Лафитлин и маму.

— Так намного лучше, спасибо. — Согретьшись, сказала принцесса.

— Спите. Выступаем до рассвета.

Ночь спустилась тихо и незаметно. Снежинки, подхваченные ветром, бриллиантами сверкали в лунном свете. Сама луна, большая, подробная и четкая в своем очертании, была окружена ярким ореолом. Сквозь дымчатые облака мигали звезды. Над силуэтами деревьев вспыхнули световые столбы, озаряя небо синим и багровым. Воздух звинел тишиной и морозом. Потрескивал костер, выплевывая искры тонким фантаном. Подо льдом приглушенно плескалась вода. На ветку большого дерева бесхумно опустилась ночная птица. Тихонько ухнула и уставилась большими желтыми глазами на путников. Полифония звуков складывалась в единую симфонию подлунной тишины, в которую вплетались ароматы ели, особый запах мороза, горящих поленьев и легкий дымок табака. Малвель раскурил трубку и

пускал колечки. Они поднимались к луне, расширяясь и растворяясь в воздухе. Иногда ветер закручивал их в причудливые вихри, или просто развеивал. За этим занятием Малвель провел всю ночь. Едва на горизонте занялась заря, он разбудил своих путниц.

— Выглядишь нездорово. — Дотронувшись лица сына и заботливо заглянув ему в глаза, сказала Лавелия. — Давай мне поводья, подремли.

— Я в порядке.

Эльфийка вздохнула, всем своим видом показывая, что расстроена поведением сына. Малвель уже давно перестал испытывать стыд по этому поводу. Он знал — а быть может ему только казалось — вся эта забота и нежность — всего лишь притворство. По крайней мере, он больше не ощущал лбви, что когда-то исходила от матери. Он плохо помнил какой она была раньше, тогда он был еще ребенком. Ушла в очередной поход, а когда вернулась это была уже не она. Тогда он сильно сердился на нее. И хоть Малвель уже давно понял, что обижаться на нее не за что, ему продолжал сниться тот день.

Узнав, что мама в городе, маленький Малвель побежал ее встречать. В тот раз она шла по тропинке не одна. Ее провожали какие-то люди, а сама Лавелия жадно оглядывалась по сторонам, словно впервые шла по этой тропинке. Малвель с разбегу врезался в маму, обхватив ее руками.

— Мамочка, я так скучал!

— Мамочка? — Растерянно переспросила она, отстраняясь. — Кто это? — Она обращалась к сопровождающим ее людям.

— Ваш сын, полагаю. — Ответил один из мужчин.

Взгляд, который тогда бросила на ребенка Лавелия, запомнился Малвелю на всю жизнь. В нем отражался страх и отвращение. Словно она никогда в жизни не хотела иметь детей и вообще всем сердцем их не любила, а тут вдруг оказывается, что у нее есть сын. Ему показалось, что в том взгляде пронеслась мысль: "Как же мне теперь от него избавиться?"

Конечно, с годами Малвель понял, что мысль скорее была "Что же мне со всем этим делать?", если вообще была. Узнав, что у нее есть сын, муж и замок, в котором она жила до потери памяти, Лавелия старалась относиться ко всему этому с заботой. Но все-равно чувствовала, что все это чужое. Словно она украла у кого-то очень счастливого его жизнь. Она не смогла заново полюбить Резхараса, который направил все усилия и все свое состояние на то, что бы вернуть ей память. Он много лет возил ее по Вакрохаллу, показывая лучшим целителям, но те лишь разводили руками. Сам он тоже изо всех сил пытался разжечь в ней былые чувства, рассказывая обо всем, что их связывало. Лавелия это ценила, но не более. Спустя двадцать лет Резхарас сдался, а потом и его чувства к Лавелии охладели. Они отдалились. Он стал больше времени уделять работе, а свободное проводить в личном тайном садике, куда никому не разрешал входить. А она стала уходить в лес, где и нашла странное увлечение — бегать за зверюшками.

С Малвелем же все обстояло иначе. Несколько дней Лавелии было трудно свыкнуться с тем, что у нее есть сын. Она долго присматривалась к нему, словно изучала товар на прилавке. Потом начала предпринимать попытки найти к нему подход. Но Малвель злился и избегал мать. Но, вскоре, поставив себя на ее место, осознал все, что на нее тогда навалилось. Укорив себя за глупость, он решил все исправить, но было поздно. Лавелия уже поняла, что она не станет ему той матерью, которой была, и перестала искать способы сближения с мальчиком.

— Мамочка? — эхом повторялись слова Лавелии. — Кто это?

Чем дальше Малвель смотрел в холодные глаза — льдинки, тем быстрее его собственные наполнялись слезами.

— Ваш сын, полагаю.

— Сын?.. Но... Нет, не может быть...

Проснувшись, Малвель прислушался к своим ощущениям и с облегчением обнаружил, что больше не испытывает обиды и печали, которые появлялись раньше. Этот день снился ему время от времени. И, если в первое время он просыпался в слезах и холодном поту, то теперь это был просто сон. Всего-лишь воспоминание из детства, слишком яркое, что бы его забыть.

Малвель сбросил с себя одеяло и вышел из комнатки постоялого двора. Мельком выглянул в окно, вечер только-только начинался. Он проспал всего пару часов. Спустившись в общую залу, он отыскал глазами Лафитлин. Девушка сидела за барной стойкой и разговаривала с незнакомцем. Он от чего-то показался Малвелю подозрительным. Незнакомец был богато одет, однако никаких украшений не носил. Даже железной цепи или броши, скрепляющей плащ, не говоря уж о перстнях и браслетах, какие предпочитают богачи. Лицо его скрывала тоже дорогая, но слегка потрепанная широкополая шляпа с вороньим пером. И единственная часть лица, которую можно было увидеть — аккуратно подстриженная и тщательно расчесанная борода с редкими толстыми нитями седины. Малвель не торопился подходить к ним, сначала прислушался к разговору.

— ...нет погодите, я сам угадаю. — донесся до его чуткого уха мягкий баритон мужчины. Незнакомец сделал задумчивый вид. — Вы наверняка из Эфелона.

— Меня выдал акцент? — Звонкий голосок Лафитлин.

— Что вы, всего лишь догадка.

— Хорошо, меня вы разоблачили. Откуда же вы?

— Попробуйте отгадать сами.

— Боюсь у меня не выйдет.

— Я дам вам три шанса.

— А если я не отгадаю?

— Я сам вам скажу.

Лафитлин присмотрелась к незнакомцу.

— Странно, но я не узнаю в вас... никого из жителей трех королевств.

— Это так. За годы странствий я растерял весь Джевелейский дух.

— Вот как. Вы должно быть очень много путешествовали. И у вас наверняка много интересных историй.

— Верно. Я был везде: В Вакрохалле, Джевелии, Фрикарде, Токпахских горах и древнем королевстве Энгелен, в пустыне золотых песков, царстве вечных льдов, на пестрых островах за Пенным морем и в великой степи, что местный кочевой народ называет Ульдалой.

— О половине из перечисленных вами мест я совсем ничего не знаю. — Восхищенно вздохнула Лафитлин. — А вы видели храм Солнца?

— О да, это высокая пирамида, сложенная из камней размером с дом. На пике ее до сих пор сверкает большой хрустальный самородок. В дни солнцестояния лучи солнца проходя через него, открывая двери в тайное хранилище, где якобы спрятана ракушка, из которой родилась дева, ставшая первым солнцем.

— Вы и ее видели?

— К сожалению нет. Я прибыл туда задолго до солнцестояния и не мог ждать. Оттуда я сразу направился в Ульдалу, чтобы застать ее цветущей. Я успел как раз вовремя, что бы увидеть целое море, колышное ветром, простершееся до самого горизонта алыми цветами мака.

Представив эту картину, Лафитлин прикрыла глаза. Повисло молчание, наполненное гулом голосов гостей таверны.

— А вы бывали где-нибудь? — спросил мужчина, прерывая затянувшуюся тишину.

— Увы, но это первое мое путешествие. — Снова пауза. — У вас интересная шляпа. Надеюсь, ворона была не против украсить ее своим пером.

— С той вороной не имел счастья познакомиться. Она любезно оставила сей очаровательный подарок под многовековым тополем во Фрикарде. — Незнакомец сделал глоток эля. — Могу я попросить вас утолить мое любопытство?

— Конечно, спрашивайте. — Беззаботно ответила Лафитлин. Малвель почуял неладное и решил прервать их беседу. Однако пробраться сквозь бушующую массу выпивох оказалось не легким делом.

— Эта светлая прядь у вас с рождения? — Спросил тем временем мужчина в шляпе.

— Да. Я, как и мои сестры, родилась с такой отметкой.

— Полагаю, это печать духов. Они отметили вас, что бы заботиться и оберегать вас от бед. А сколько у вас сестер?

— Четыре. И трое братьев.

— И все похожи и на мать и на отца?

— Каждый по-своему. Мы все похожи на родителей, но не похожи друг на друга.

— Это ли не замечательно! Всегда хотела иметь брата или сестру... Знаете, что я неожиданно понял? — Лафитлин вопросительно взглянула на собеседника. — Мы так мило проводив вечер, но даже не знаем имен друг друга. Мое имя Ронан.

— А я...

— Алефтин! — перебил девушку Малвель, подобравшись, наконец, к ней и положив ладонь на плечо подруге. — Вот ты где, я тебя везде ищу.

— О, уже проснулся? — Улыбнулась Лафитлин.

— Прошу прощения, не знал, что у вы со спутником.

— Что вы, это мой друг, Ма...

— Малкольн. — Представился чужим именем эльф. — Очень жаль, но нам уже пора.

— Торопитесь? Ох простите, понимаю. Благодарю за увлекательную беседу.

Незнакомец поцеловал руку девушки, кивнул Малвелю и ушел.

— Ты чего, какая еще Алефтин? — прошипела принцесса.

— Тише, не здесь. Где Лавелия?

— Вышла куда-то.

— Давно?

— Час, может больше. — Лафитлин пожала плечами.

— Ох не к добру это, чую. Побудь здесь и ни с кем не говори. Хотя бы воздержись от рассказов о себе и своей семье. Лучше никому не знать кто ты и куда направляешься. Поняла?

— Хорошо.

Оставив Лафитлин одну, Малвель вышел из таверны. Вокруг распростерлись ровная, как стол, долина. На севере по всему горизонту растянулся Вакрохалльский лес. На юге

возвышались горы Эл назаил атхаэн, или Белые горы. А соединяла их лента реки Зигри и Лавандовый Тракт.

— Эй парень! — окликнул Малвель конюха. — Не видел эльфийку, светловолосую, в мужской одежде?

— С короткими волосами и очень быструю? — переспросил парнишка. Малвель кивнул. — Не, не разглядел за серебряной монетой.

— Пф, держи. — Эльф сунул мальчику монету.

— Странная она. За котом нашим погналась. Кабы не потерялась зверюшка, жалко ведь, красивая. На рынке такую за золотую купить можно!

На этот раз Малвель дал мальчишке подзатыльник.

— Ауч, ты чевой-та, дядя?

— Куда она пошла?

— Туда. — конюх указал направление и убежал.

Малвель в который раз выругался и побежал в указанном направлении. Миновав двор, он увидел на тонком слое снега следы: кошачьи и эльфийские.

— За что мне беда такая на голову? — проворчал он и побежал по следам. Они привели его в лесок, растущий по берегу реки, и оборвались у кромки льда. На противоположном берегу Малвель увидел ее. Лавелия стояла, протянув руки к ветке дерева, на которую взобрался зашуганный кот. Он шипел и не желал спускаться. Малвель ступил на лед, позвал мать.

— Подожди. — отмахнулась она. — Кс-кс-кс, ну же, котик, иди ко мне.

Устав звать, эльфийка прыгнула, ухватилась за ветку и еще в два прыжка настигла напуганное животное. Подхватив его на руки, спрыгнула, приземлившись посередине замерзшей реки. Лед под ее ногами гулко хрустнул. Во все стороны разошлись тоненькие ломаные трещины. Не успела она и шагу ступить, как провалилась под лед.

Малвель бросился к проруби, в котором бурлила ледяная вода. Первым на поверхность вынырнул кот. Яростно шип, он хватался когтями ла края льда. Эльф схватил животное за шкуру. Едва кот почувствовал опору под лапами, рванул с места и в миг скрылся в направлении таверны.

Следом из воды показалась Лавелия. Малвель вытянул ее на берег, вымочив рукава и штаны. Зубы ее стучали от холода, а сама она смеялась.

— Вот это да! — восхищенно лепетала она. — А где зверь? Утонул?

— Удрал.

— Жаль. Но я все равно его поймала! Видел? — Эльфийка вновь зашлась хохотом.

— Это не смешно, мама! Все, пошли, и так времени потеряли больше, чем хотелось бы. Он двинулся обратно, на ходу высушив одежду магией.

— Подожди, ты меня не высушишь? Ну этой своей магией?

— Нет. Если бы не отказалась учиться, могла бы сделать это сама.

Дрожа и стуча зубами, Лавелия побрела за Малвелем. Вернувшись в таверну, он отвел мать в комнату, где надеялся найти и Лафитлин. Но ее там не оказалось.

— Странно, в зале я ее не заметил. Переоденься и сиди здесь. Никуда не уходи!

Все это выводило эльфа из себя и ему приходилось разговаривать строже. Лавелия не осмелилась перечить, покорно кивнув и закрывшись в комнате. А Малвель снова спустился в общий зал и окинул его внимательным взглядом. Лафитлин нигде не было. Тогда он подошел к трактирщику.

— Вы не видели мою спутницу?

— Видел, уважаемый. Ушла она в сопровождении странника в шляпе.

— Куда ушла?

— Не могу знать, уважаемый. Странник велел заседлать ему коня, а потом увел девушку.

Посадил на коня и ускакали они. В каком направлении не имею представления.

— Как это ускакали?

— Ну дык, как водится. Позвольте удалиться, уважаемый, работы много.

В этот раз ругательства лились из уст Малвеля куда дольше обычного. Найдя зеркало, он пропел заклинание. Поверхность покрылась черной дымкой и... не показало ничего.

Лафитлин пропала.

Глава 13. Первые шаги

Небо сплошным свинцовым пластом нависало над головами. Погода стояла до омерзения сырая и промозглая. Все застилал густой туман. Казалось, даже дышать таким воздухом тяжело. В молочной дымке ничего не было видно, разве что изредка мелькали едва различимые силуэты прохожих. Непривычная царила тишина на улицах Малата для середины рабочего дня. Люди как будто избегали любой причины выйти на улицу, а кто все же был вынужден покинуть чертоги своих жилищ, были угрюмы и немногословны. То ли погода так на всех влияла, то ли прибывшее только что войско эльфов. А может и то и другое. С битвы в долине Плайн прошло пять дней. Воины успели залечить свои раны и привести себя в подобающий вид. Никому бы и в голову не пришло, что вереница из блестящих доспехов — это не парад в честь очередного зимнего праздника, а пришедшие с войны эльфы, прошедшие в пути без малого две недели и застигнутые битвой.

Золотая гора сердитым великаном нависала над городом. В размытом белесом тумане только угадывалась ее громадная фигура. Над городом кружила Либрэ, разминая крылья и практикуя огненные залпы. Только благодаря багровым всполохам можно было понять где сейчас дракониха. Фаолин стоял на крыльце цитадели, вглядываясь в сплошное серое пространство. Ему очень хотелось, что бы эта гнетущая тишина сменилась тишью родного дома. Что бы в далеке плескались о скалы волны, а где-то за стенами звучала мелодия намариона под нежными пальцами Мариэль. Что бы его слух ласкал скрежет пера и тихое бормотание Дэйли, подбирающей рифмы. Что бы на руках у него, хлопая непременно голубыми, как у Мариэль глазками, улыбался его сын.

Фаолин стоял неподвижным изваянием, думая о том, как хорошо было дома, в кругу любимых. Когда он знал, что родители живы и здоровы, когда почти каждый день общался с сестрой через зеркало и был уверен, что она в порядке и гуляет себе по эльфийскому лесу. Какое прекрасное время было тогда: все были счастливы, с лиц не сходили улыбки, в воздухе буквально пахло жизнерадостностью, заражая уверенностью в светлом будущем. То время было поистине сказочным, а теперь казалось далеким, полузабытым светлым сном.

Словно в ответ на воспоминания по телу эльфа разлилось тепло. Сердце на миг остановилось, и вдруг пустилось в дикий пляс, как бы наверстывая упущенное. Это было почти неуловимое ощущение присутствия чего-то близкого сердцу. Удивившись таким переменам своего настроения, Фаолин огляделся, пытаясь понять причину. Нет, в тумане он не мог разглядеть что-либо хоть отдаленно напоминающее о доме. Тогда он сосредоточился на запахах, но ничего, кроме сырой земли и дыма, поднимающегося из труб домов, не уловил. И лишь через минуту, сердце повторило свой трюк, стремясь вырваться из груди, когда до его чуткого уха донеслись чьи-то шаги. Ритм перестука ног был очень знакомым, но тембр сбивал с толку, не давая эльфу определить заранее, кто идет. Вцепившись в перила и затаив дыхание, он вглядывался в туман, туда, откуда доносился звонкий цокот каблучков.

И вот он уже мог разглядеть женский силуэт, неспешно вышагивающий по каменным плитам моста, ведущего к крыльцу от ступеней. Она придерживала руками подол из под которого мелькали носки сапожек на невысоком каблучке. Еще не разглядев лица, Фаолин узнал ее. Он бросился навстречу, заключая в теплые крепкие объятия.

— Свет души моей! — Его ухо щекотнул шепет Мариэль. Нежный, долгожданный, родной. Уткнувшись носом в шелковыстые волосы, Фаолин набрал полную грудь легкого

аромата ромашки и винограда. Не сдержался, подхватил и покружил ее вокруг себя.

— Нойа Лемавэ*...- Вздохнул он над ее изящным ушком. — Почему ты здесь? На кого оставила сына?

— Пройдем внутрь, здесь прохладно. — Попросила она, остранившись.

Ослепленный радостью встречи, Фаолин не заметил опустившихся уголков губ Мариэль. Она быстро повернулась к нему спиной. Стражники отточенным движением открыли перед ней двери в цитадель. Фаолин последовал за ней, больше ни о чем не спрашивая. Хотя ему было очень любопытно например, почему его жена вдруг надела сапоги с каблуком. Да, он узнал эти сапожки. Их приподнес ей в дар знаменитый эльфийский башмачник в день их свадьбы. Каблук у них был невысок, всего в два пальца вышиной. Но Мариэль не надевала их ни разу, предпочитая обувь с мягкой плоской подошвой. Что вдруг заставило ее изменить своим принципам? Размышляя об этом, Фаолин вдруг понял, что Мариэль возвращалась в Агда-Тири. Потому что эти сапоги она точно с собой не брала, когда они вместе покидали дом. Но только за ними одними Мариэль бы не отправилась в такую опасную близость от моря, кишящего короблями Черных Ящеров. Это заставило Фаолина насторожиться и беспокоиться. Что-то случилось.

— Ты голодна? — спросил он.

— Сначала я должна рассказать тебе кое-что. — Ответила Мариэль совершенно будничным, спокойным тоном.

Поднявшись в покои, Мариэль повернулась к мужу. Усадила его на кровать, сама села рядом, взяв ладони Фаолина в свои.

— Словами не передать, как мне тебя не хватало. — прошептала Мариэль, не решаясь начать разговор с важной новости, которая сильно его расстроит, ввергнет в шок или даже убьет...

— Я рад, что ты здесь. Дэйли с тобой? — Мариэль кивнула. — Она присматривает за сыном? Ты придумала имя?

— Это... не понадобится. — Слова лились из ее уст ровно, без надрывов и затуханий. Внутреннее беспокойство целиком и полностью поглащал покой, дарованный Анорсель. В голосе звучали лишь смирение и почти неуловимая печаль. Она делала недолгие паузы, обдумывая каждое слово, как лучше преподнести весть о потере сына. Ей бы очень хотелось не рассказывать ничего, но Фаолин должен знать о судьбе их мальчика. И узнать он должен именно от нее, ни от кого другого. Они справятся с этим. Переживут, поддерживая и помогая друг другу. Нужно показать ему готовность утешить, быть рядом все время.

Рассказывая о случившемся, она украдкой следила за эмоциями, сменяющимися на лице ее принца. Но, как бы не старалась она сгладить действительность, новость выбила из под Фаолина почву и воздух из его груди. Широко распахнув зеленые глаза, он вскочил с места, едва Мариэль начала говорить. Он не перебивал, меря шагами комнату. Его кулак безразборно бил по стенам, столу, подоконнику. Фаолин ерошил волосы и проводил рукой по лицу. Его дыхание сбилось. Он был на грани отчаяния и ярости.

— Дэйли похоронила его на холме... Я не нашла в себе отваги даже подойти к... могиле.

Фаолин замер перед письменным столом. В зеленых, как летняя листва, глазах стояли слезы. Это было непривычно. Мариэль еще ни разу не видела слез в глазах своего принца. Никогда. Медленно втянув воздух через ноздри, эльф шагнул к ней.

— Тебе следовало рассказать мне сразу! — Почти прокричал он. — Нет, тебе следовало

сидеть в своей комнате и читать свои свитки, не высовываясь! Ты...

С размаху он скинул все вещи с письменного стола. Хрустальная чернильница пролетела в паре сантиметров от Мариэль, и разбилась о стену, оставив на сером камне иссиние-черное пятно. Мариэль не вздрогнула, понимая, что Фаолину необходим выплеск эмоций. Теперь настала ее очередь молчать. Он не навредит ей, она знала. Ему больно, так же как было больно ей.

Фаолин метался по комнате, но больше ничего не разбил и не перевернул. В конце концов он опустился на кровать, спрятав лицо в ладонях. Мариэль опустилась рядом, любовно глядя его плечо.

— Уйди! — резко крикнул он, отбросив ее руку. Впервые за шестьдесят лет он не хотел ее видеть, хотел, что бы она ушла. Он злился. На нее: на ее безрассудство и безответственность. На себя: за то, что оставил ее, не уберег, уехал. На Снора. На Свола. На Анорсель.

Мариэль его грубость ничуть не задела. Она хотела сказать что-то утешительное напоследок, как-то поделиться даром Анорсель, что бы заглушить его горе. Но, так и не найдя что сказать, вышла в коридор. Как раз вовремя, что бы перехватить посла, намеревающегося потревожить принца Фаолина какой-то вестью от королей.

— Если у вас дело к принцу, изложите его суть мне. — остановила она мужчину, уже собирающегося стучать в покои, выделенные для Фаолина.

— Никак не могу, госпожа. Велено лично его высочеству.

— Его высочеству нездоровится. Я приму его заботы на себя. — На сколько могла, строго ответила Мариэль. Стражник стусевался, но кивнул.

— Через пол часа собирается совет на смотровой площадке западной башни. — Сказал он, поклонился и скрылся в бесконечных лабиринтах коридоров.

Мариэль зло сжала кулаки. Какой совет, что на нем собираются обсуждать, если ни Молдобада, ни Анорзада еще нет в городе? Вакрохалльский военачальник прибудет только завтра, а дракон может и вовсе еще не скоро появиться. Как бы то нибыло, Мариэль твердо решила, что пойдет на совет вместо Фаолина. Она не позволит ему сейчас забивать голову всей этой дворцовой бессмыслицей. Ему нужно время, что бы справиться со всем, что на него навалилось.

Выйдя на крыльцо, где встретила с Фаолином, она уперлась руками о холодные перила. Пальцы тут же занемели. Вдохнув густой холодный воздух, Мариэль постаралась привести мысли в порядок. Нет, такая погода совсем не благовалит хорошему настроению. Все какое-то мрачное, угнетающее, серое.

— Надо же, не знал, что ты в городе. — Мариэль обернулась на голос, при звучании которого у нее уже выработался рефлекс опускать взгляд на пол человеческого роста. Слегка прихрамывая, к ней подошел Кирби. Гном широко раскинул руки и так же широко улыбнулся. В густой бороде показались все его мелкие зубы. Черные глазки сверкнули радостью. Мариэль ответила на его улыбку, крепко обняв друга. — Какими судьбами?

— Думаю, в такие времена всей семье лучше держаться вместе. — Уклончиво ответила она и задала встречный вопрос.

— А у меня наоборот, вся семья кто куда разбежались. Одри с дочкой, Илинкой, поднялись выше по Золотой горе к теще, для которой я всегда буду бестолковым зятем. — Он поднял глаза к громадине, нависшей над городом, словно пытаясь разглядеть на ее склонах дом, в котором сейчас его жена и дочка. — А сынок вступил в ряды войск Дугласа.

Меня с ним не взяли, заявили, что я свое уже отслужил. Но я еще способен крушить черепашки врагов, так что болтаюсь тут со Златоэорисом.

— Я слышала, по пути сюда на вас напали.

— Да. Здорово мы тогда повеселились. Прогнали этих псов зализывать раны. Ох, я даже вспомнил старые добрые времена, когда мой молот был тяжелее, а ты еще была Турмалинчиком. Кстати об этом, — гном взглядела в лицо Мариэль, словно впервые видел ее спустя долгое время. — Почему-то не замечал, что ты уже не Изумрудик.

— Довольно давно.

— Что ж, прости мою невнимательность. Теперь я вижу, ты скорее... Я бы сказал, что твои глаза похожи на Ларимары... Но Ларимарчик или Ларимарик звучит странно...

— Мне нравится. — Пожала плечами Мариэль, снисходительно улыбнувшись.

— Ну смотри, а то не отделаешься потом от прозвища. Пока снова цвет не поменяется.

Над головой пронесся ураган, взъерошив волосы Мариэль. Это Либрэ пролетела очень низко над зданиями и взмыла к вершине западной башни.

— Мне пора, Кирби. Еще обязательно встретимся.

Попрощавшись, она неспешным шагом направилась к длинной винтовой лестнице. Перед ней в некотором отдалении шел король Зигмунд в сопровождении незнакомого Мариэль мужчины, должно быть его советника. До ее слуха донеслась их беседа. Они не замечали следующую за ними женщину, но Мариэль все равно перестала стучать каблуками и прислушалась, стараясь идти как можно тише.

— ... меня это не волнует. Пусть делают, что хотят, но в столице и так полно беженцев. Припасов, собранных в этом году на эльфов не хватит. Пусть только попробуют сунуться в Деградар. — Говорил Зигмунд, размахивая руками, даже не заботясь о том, что бы говорить тише.

— Вам придется оказать им помощь, если они того попросят. — Сдержано ответил советник.

— С чего бы? Пусть уже выберут себе нового короля, что бы тот решал все их проблемы.

— Ваш отец всегда говорил...

— Плевать мне на то, что говорил мой отец! Он мертв, а я король!

— Конечно, ваше величество, но...

— Вот и замолкни, наконец.

Двое вошли в лифт. Когда решетка перед ними закрылась, Мариэль встретила взглядом с Зигмундом, но тот и не подумал подождать ее, нажав на рычаг. Ничего по этому поводу не испытывая, Мариэль пошла по лестнице. Теперь она уже не смягчала свой шаг, позволяя каблукам звонко отбивать ритм о камни.

На площадке уже ждали всех Зигмунд с советником, Гаяс, Златоэорис с Либрэ и старейшина Ордена Белых Лилий, Гарьэль. Раньше Мариэль не приходилось видеть его так близко, но сейчас, разглядела его как следует. Темноволосый эльф с острыми чертами лица и узкими темно-синими, как вечернее небо, глазами. У него была светлая, отливающая серым, очень гладкая кожа. Он был худ, но скрывал это за массивными одеяниями, которые, к слову, не сильно помогали.

Когда Мариэль вышла на площадку, все внимание тут же было устремлено на нее.

— Вы заблудились, госпожа Мариэль? — С некоторым ехидством спросил Зигмунд.

— Напротив, я уверена, что пришла куда нужно.

В этот момент поднялся лифт и железная решетка пропустила на смотровую площадку

короля Дугласа, его сына Бивиса и еще одногогнома. В отличие от остальных, эти трое не обратили особого внимания на Мариэль, просто поприветствовав ее. Они прошли в центр, где стоял маленький круглый стол и стулья.

— Мы ждем принца Фаолина? — Рассправив складки богатых одежд, обратился Дуглас, глядя на Мариэль, Гаяса и Гарьэля.

— Нет, в ближайшее время вместо принца Фаолина любые дела веду я. — Твердо ответила Мариэль. Дуглас кивнул.

— Насколько мне известно, вы никогда не принимали участия в королевских советах. — Заявил Зигмунд, закидывая ногу на подлокотник кресла. — Смею предположить, вам не хватит... опыта для подобных... дел.

— Тогда мы с вами, ваше величество, вместе пройдем путь от самого начала, опираясь на мудрость старших правителей. — Так же холодно сказала она.

Зигмунд больше не нашелся что сказать. Дуглас снова кивнул, словно довольный тем, как держится Мариэль. В глазах Гаяса тоже мелькнуло одобрение. Гарьэль с уважением окинул ее изучающим взглядом, словно только что ее заметил. Златоэорис не скрыл улыбки, Либрэ тоже самодовольно улыбнулась. Только Бивис и советник короля Дугласа остались совершенно равнодушными.

— Почтенная Либрэ, вы представляете интересы короля Молдобада? — Спросил Дуглас, обращаясь к белой драконихе, уцепившейся за башню. Над площадкой возвышалась только ее грудь и длинная шея.

"Да, ваше величество"- Пророкотала она в ответ.

— Значит, все в сборе. Начнем с того, что войско Черных ящеров было замечено на берегу Джуэт. Предположительно, они двигаются сюда, в Малат.

"Они не трогают малые селения."- Задумчиво произнесла Либрэ, убедившись, что король гномов больше ничего не скажет. — "Это странно".

— Ничуть. Мелкие селения для них не угроза, им незачем тратить на это силы.

— Значит их цель — Малат. — Продолжил общую мысль Гаяс.

— Мы не знаем.

— И все же в наших силах выбрать место битвы. Дабы не обрекать город на разрушение. Стоит позаботиться о сохранности столицы. — снова взял слово Гаяс.

— Сколько их? — Спросил вдруг Златоэорис.

— Несколько часов назад я отправил разведчиков. Боюсь, узнаем мы это еще не скоро. Есть еще одна проблема, которую нужно решить. Участился разбой. Стало больше банд грабителей, которые сейчас являются для мало защищенных деревень большей угрозой, нежели Черные Ящеры.

— Так пусть Орден с ними разберется. — Махнул рукой Зигмунд, переведя скучающий взгляд на Гарьэля и Златоэориса. — Вы же для того и существуете, что бы поддерживать порядок. Изловите всех бандитов да повесте, в чем проблема.

Даже на каменном лице старейшины Мариэль заметила недовольство. Не говоря уж с Златоэорисе, которого перекосила злоба, и Либрэ, оскалившей клыки.

— Проблема в том, — не теряя хладнокровия, заговорила Мариэль, — что это наши люди, Джебельяне.

— Они преступники, воры и убийцы. Их место в петле.

— Или в тылу. — Воскликнула Мариэль, слегка всплестнув руками. — Займите их грязной работой, пусть роют окопы, приводят в порядок лошадей, раз не могут взять в руки

оружие и осмелиться воевать в авангарде. Не бывает лишней рабочей силы. Если мы станем убивать своих же, ослабим самих себя.

— При всем уважении, госпожа Мариэль... — начал было огрызаться Зигмунд, но Дуглас его перебил.

— Будем следовать по ситуации. Гарьэль, проследите, что бы стражи Ордена изловили преступников. Предложите им работу за еду и место в лагерях. Кто откажется — казнить. Другие пусть выберут занятие на благо общества. Если понадобится, выдайте оружие.

Гарьэль кивнул, спрятав руки в широких рукавах своего белого балахона.

— Завтра явится Анорзад, тогда обсудим подробный план сражения.

— И коронацию эльфийского монарха. — Напомнил Гаяс.

— Для этого требуется присутствие всех.

"Король Молдобад тоже скоро прибедет."- Заверила Либрэ.

— В любом случае, с этим придется подождать. К тому же, пока все претенденты на престол не будут на виду, мы не можем выбрать одного из них. Я про принцессу Иналию. Ее следует разыскать. Пусть каждый отправит по отряду из своих войск. И что бы в каждом был маг или лекарь. А лучше и тот и другой. Всем все ясно?

На правах старшего манарха из присутствующих, Дуглас первым встал с места и исчез вместе с Бивисом и своим советником, так и не проронившими ни слова, за решеткой лифта.

— Кем он себя возомнил? — Услышала Мариэль возмущенный шепот Зигмунда. Впрочем, у нее и самой возник этот вопрос, только не к королю гномов, а непосредственно к малолетнему зазнавшемуся подростку. Однако в слух она ничего не сказала, предпочтя сделать вид, будто и не услышала.

Гаяс и Гарьэль, не задерживаясь, отправились по ступеням вниз. Мариэль только перекинулась парой слов с советником. Тот заверил ее, что сам займется сбором поискового отряда. Мариэль же настояла, что бы и она в этом участвовала. Сошлись на том, что Гаяс отберет лучших из лучших, а Мариэль придет и удостоверится в этом.

Зигмунд с советником дождались лифта, не желая разминать ноги на лестнице. На площадке остались только Златоэорис и Либрэ. Парень ухватился за шип на шее драконихи и протянул руку Мариэль.

— Прокатимся? — Крикнул он, приглашая Мариэль.

— Только если Либрэ не против.

"Запрыгивай!" — Весело воскликнула дракониха.

Едва Мариэль успела устроиться меж шипов на ее шее и вцепиться в Златоэориса, Либрэ ухнула вниз. У Мариэль перехватило дух, сердце замерло на мгновение и она забыла как дышать. Камнем мчащаяся вниз дракониха не спешила расправлять крылья. Златоэорис расхохотался, раскинув в разные стороны руки, держась только ногами. Мариэль хотелось повторить его жест, но платье не давало как следует держаться коленями, а потому ей приходилось прижиматься к спине парня. Резкий толчок, Либрэ расправила крылья у самой земли, и они понеслись над крышами домов. Теперь и Мариэль не могла сдержать восхищенного смеха.

Они сделали несколько кругов над городом, то поднимаясь в высь, то по спирали спускаясь вниз. Иногда Мариэль казалось, что Либрэ вот-вот заденет брюхом какой-нибудь, слишком высоко торчащий над крышей флюгер. Но дракониха была очень ловка. Приземлились они на широченном крыльце цитадели, откуда было видно есь город и долину за его стенами.

— Рад, что после всего, ты не разучилась улыбаться. — Помогая Мариэль спуститься со спины драконихи, проговорил Златоэорис. Ей пришлось постараться, что бы чешуйки и шипы не разорвали ее платье. — Дэйли нам рассказала... прими наши соблезнования...

Мальчишеское озорство тут же сошло с его лица, сменившись серьезным сочувствием. Этим он стер улыбку и с лица Мариэль.

— Спасибо. — Сдержанно ответила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Она опустила голову, делая вид, что расправляет складки платья.

— Если честно, я думал, Фаолин теперь пуще прежнего станет оберегать тебя от всяких... советов, которыми балуется знать.

— Неужели я так плохо справляюсь, что каждый говорит, что мне не место в кругу совета?

— Напротив. Им просто нужно привыкнуть к новому лицу и мировоззрению. Заступников бандитов среди них еще небыло, полагаю. Ты не изменяешь своим принципам, даже спустя столько лет.

— Однажды мне уже удалось круто изменить судьбу одного разбойника и воришки. Теперь он уважаемый человек, один из самых лучших воинов Джевелии и почетный страж Ордена. — Мариэль потрепала парня по белым волосам, от чего тот вжал шею и довольно зажмурился, как кот. — Может кто-нибудь еще захочет использовать такой шанс.

— Обещаю, что сам лично буду проводить беседы с отловленными негодьями. — Вытянувшись по струнке, сказал Златоэорис. — Как насчет позднего обеда, или раннего ужина?

"Я не голодна"- Ответила Либрэ.

— А я с удовольствием.

— Обычно вы, девочки, отвечаете наоборот. — Усмехнулся Златоэорис.

"Намекаешь на то, что я обжора?" — С наигранным упреком прорычала дракониха.

— Нет, я намекаю на то, что Мариэль скоро станет тонкой, как соломинка. Надо спасти девушку. Найдешь чем заняться?

Либрэ выпустила облочко дыма, с насмешкой фыркнув, и взмыла в небо. А Златоэорис с Мариэль отправились в обеденный зал цитадели. Народу там было не много, но стоял гомон. После гнетущей тишины улиц, этот шум казался Мариэль полным жизни и энергии. Как только она окунулась в шумную атмосферу, с нее словно сдернули серую пелену. Пропало самнамбулическое состояние, одолевающее ее с утра.

Вдвоем они нашли свободное местечко и хрупкая служанка тут же принесла им тарелки, полные еды. Не успела Мариэль приступить к обеду, как к ним подседа Дэйли. Из-за спины дочери тут же появились верные рыжие спутники и сели рядом.

— Что решалось на совете? — Спросила Дэйелис. Златоэорис в кратце рассказал о событиях на западной башне. — Я хочу отправиться с поисковым отрядом за Иналией! — Заявила она, когда парень закончил.

— Это опасно... — начала было Мариэль.

— Сейчас везде опасно. А я сижу тут и ничего не делаю! — Голос Дэйелис был уверенным и четким. Если в ней и бушевал океан беспокойства, то она умело это скрывала.

— Подожди немного. Если в ближайшее время Иналия не найдется, обсудим это с отцом. — Ласково попросила Мариэль, накрыв руки дочери своими. Дэйли долго молчала, глядя на мать непроницаемыми глазами. Было сложно понять о чем она думает. Но вскоре холодность во взгляде потухла и черты ее лица смягчились.

— Хорошо. — Сказала она. Не доев свой салат, она вышла из обеденного зала.

Агнар и Игеред обреченно переглянулись, разочарованные тем, что не успели как следует поесть.

— Не беспокойтесь, мы за ней присмотрим. — Сказал Агнар, слегка склонив голову в сторону Мариэль.

— Да, мы ее не бросим. — Подтвердил Игеред.

Оба рыжеволосых эльфа затерялись в толпе, вслед за подругой.

— С такими друзьями и стража не нужна. — Улыбнулся Златоэорис, провожая троицу взглядом.

— Вечно ты куда-то пропадаешь, я пол дня тебя ищу! — В обычной своей шумной манере из ниоткуда появилась Максин. Мариэль непонимающе на нее посмотрела, но улыбнулась подруге. — Что тут у тебя? Хлеб, сыр, похлебка и еще лепешка. Ох уж этот эльфийский метобализм! Не понимаю, как ты остаешься такой красоткой, даже не заботясь об этом.

— Может в том и секрет? — Предположил Златоэорис.

— Вот уж точно я им пользоваться не буду. — Вздернула носик чародейка.

С появлением Максин время пошло стремительнее. Неусидчивая девушка сразу после трапезы подхватила Мариэль под руку и повела в город. Златоэорис тактично ушел, сославшись на какие-то важные дела. А подруги бесцельно гуляли по городу, болтая о всякой ерунде. Мариэль знала, что Максин специально это делает. Отвлекает ее от тяжелых дум и горьких воспоминаний непренужденными темами. И хоть город все еще утопал в серой дымке тумана, он больше не казался таким угрюмым. Приглядываясь к редким прохожим, Мариэль понимала, что жизнь идет своим ходом. Люди заняты работой, кто-то радуется очередному покупателю в своей лавке, кто-то приветствует соседа, играют дети, пиная лужи и мокрый снег. Теперь и погода не казалась Мариэль такой уж мерзкой.

Они прошли по рынку, где Максин купила травы, о назначении которых, Мариэль могла только догадываться. Конечно же, чародейка не упускала возможности посмеяться над торговцами "всяких шарлатанских штуковин", у которых и покупала ингредиенты для своих нужд. — Подснежниковый мед, нет ну это надо такое придумать! Кто в здравом уме будет платить за такую чушь? — смеялась она, глядя, как к купчихе, громко называющей покупателей, подходят легковерные горожанки. — Я прямо вижу, как пчелы, ругаясь на своем жужжином, летают по заснеженным холмам и собирают мед с подснежников! В декабре! Ха! Ты бы купила такой? — Если на вкус мед не плох, то почему бы и нет? — Пожала плечами Мариэль, чем вызвала у подруги ещё больше громких замечаний и негодования. Ее забавляла эта черта в Максин, поэтому иногда Мариэль сама провоцировала ее. Как и сейчас. Пробившись через очередь, она попробовала мед, на который только что ругалась ее подруга. На вкус он и правда был нежным и очень вкусным. Вот только Мариэль сразу поняла, что это обычный липовый мед. И все же она купила маленькую баночку. Сколько же шума устроила Максин, а Мариэль только смеялась над этим. Свернув с рынка на более тихие улочки, Максин вдруг и сама притихла. Какое-то время слышны были только звон их каблуков. И чей-то задорный свист. Кто-то в тумане шел, насвистывая всем известную песенку. — О нет, давай сюда. — Максин потянула Мариэль за руку, уводя ее в переулок. — Что такое? — Давай здесь пройдемся. Чародейка ускорила шаг. Свистун, судя по приближающейся мелодии, догонял их. — О боги, неужели это ты? — радостно воскликнул, вынырнувший из тумана парень. За спиной у него висела лютня, на голове

красовался пестрый берет, а на лице играла блаженная улыбка. — Уж думал не свидимся. — Здравствуй, Луи. — От Мариэль не скрылось, как Максин закатила глаза, глубоко вздохнула и только потом развернулась к парню. — Представишь нас? — Спросила Мариэль. — Поверь, оно того не стоит. Не обидишься, если я попрошу тебя оставить меня? — Все в порядке, я все равно собиралась к Гаясу. Мариэль показалось странным поведение подруги. Но она сделала, как та просила. Завтра у нее обо всем расспросит. А пока она направилась в казарму, где Гаяс уже собрал отряд по поиску и спасению Иналии. Как и обещал, советник собрал лучших из лучших пятерых эльфов, предводителем которых был Варьэль, знаменитый сыщик. Его слава разошлась на всю Джевелию, поэтому Мариэль несколько не сомневалась в успешном окончании его очередной миссии. Хоть лично они небыли знакомы, этот эльф внушал доверие. — Клянусь, во что бы то ни стало отыскать светлую госпожу, принцессу Иналию. Ни враг, ни непогода, ни другие ненастья не станут препятствием на моем пути. — Сказал он со спокойной серьёзностью. В его словах не было помпезности. Он говорил так, словно ему уже сотни тысяч раз приходилось давать подобные обещания и неизменно выполнять их. Проводив отряд, Мариэль выдохнул а с облегчением. Тяжёлый день подходил к концу. Прибыв в Малат, она даже не успела как следует отдохнуть после долгой дороги, как занялась делами. Ещё разговор с Фаолином оседал в душе неприятным осадком. Когда она вернулась в комнату, ее принц встал с кресла, бросил на нее тяжёлый взгляд и вышел, не произнеся ни слова. Мариэль чувствовала, что сейчас от нее требуется быть рядом. Но это не значило, что нужно навязчиво ходить за ним попятам. От этого станет только хуже. Поэтому, воспользовавшись его отсутствием, Мариэль приняла ванну. Как же хорошо было, наконец, смыть дорожную пыль. Жаль, нельзя смыть ещё и неприятности... Не дождавшись Фаолина, Мариэль легла в кровать. Но сон ее был прерывистым. Ее то и дело бросало в жар, то в холод. Она постоянно вставала, что бы открыть или закрыть окно. В конце концов, когда огонь в камине погас, Мариэль закрыла форточку и забралась под одеяло. Но ей тут же стало невыносимо жарко. Она добилась бы идеальной температуры, если бы прижалась сейчас к груди Фаолина, сбросив одеяло на пол... Она нашла все же компромисс, скомкав одеяло и обняв его. И тогда, сквозь дрему услышала, как вернулся ее принц. Бесшумно затворив дверь, он прошел к кровати. Разделся и лег. Слишком далеко от нее. Протянув руку, Мариэль дотронулась его плеча. Но он отстранился, передвинувшись на самый край. И повернулся к ней спиной. Мариэль не могла надолго уснуть. Все время от чего-то просыпаясь, она замечала, что и Фаолин спит беспокойно. И проклинала себя за то, что не может ничего сделать. Утром, когда в окно пробились первые рассеянные лучи солнца, Мариэль снова очнулась ото сна. Мысленно уговаривая себя поспать ещё пару часов, она старалась не шевелиться, что бы не тревожить Фаолина. Так и осталась лежать на боку, обнимая скомканное одеяло. Она уже почти уснула, когда в ее сознание вторгся тихий шорох. На кончик ее носа опустился теплый палец любимого. Невесомым касанием он гладил ее по переносице к середине лба и обратно к кончику носа. Иногда спускался до губ и подбородка. И снова поднимался ко лбу. Фаолин наверняка знал, что Мариэль не спит, но она все равно боялась себя выдать. Боялась спугнуть его, открыв глаза. Просто растворилась в его прикосновении. И забылась теплым сном..

Пришло время вставать и браться за дела. К этому моменту Фаолина в комнате уже не было. Приведя себя в порядок, Мариэль отправилась завтракать. И столкнулась с Агнаром и Игередом в коридоре. Они о чем-то спорили: - Может, всё-таки не надо? — Уговаривал друга Игеред. — Есть идея получше? — Пока ничего не говорить. Сами все решим. — Ага как же

Предлагаешь морочить всем головы иллюзиями? — Можно попробовать... — Болван. — О чем спор, мальчики? — спросила Мариэль, удивляясь про себя, почему Дэйли не с ними. — Доброе утро, госпожа! — Улыбнулся Игеред (если Мариэль не ошибалась, это был именно он), пряча руки за спину. — Это пустое, не обращайтесь внимания. — Если что-то случилось, вам лучше все мне рассказать. — Мягко ответила она, изучая мальчишек испытующим взглядом. Игеред виновато стусевался. Второй эльф немного растерялся. Впрочем, он тут же подобрался и сказал, зажмурившись, словно ожидая удара:- Дэйли сбежала. — Отобрав бумажку у друга, которую тот прятал за спиной, протянул ее Мариэль. "*Скоро вернусь вместе с Инашей. Не скучайте и не волнуйтесь. Ваша Дэйли*"- ровным, выведенным почерком гласила записка. Едва Мариэль отняла глаза от букв, близнецы затараторили наперебой. — Она целый день вчера об этом говорила... — Мы пытались ее переубедить... — Думали, она успокоилась, когда Варьэль отправился на задание. — Не уследили! — Мы так виноваты! — Ну хватит. — Прервала их тираду Мариэль. Без обвинений, почти ласково. — Она взяла Лиру, вашего пегаса. Но наши кони тоже быстрые, мы ее догоним. — После недолгого молчания сказал Агнар. — Да, мы обязательно ее вернём. — Нет, ее не переубедить. — Ответила Мариэль. И вдруг, вспомнив о том, что никак не приходило ей в голову так долго, стала копошиться в бездонном мешочке, висящем у нее на поясе. Агнар и Игеред переглянулись, явно не понимая, от чего Мариэль улыбается. Наконец выудив из мешочка кусочек гранита, она протянула его близнецам. Носить при себе все три дара Тасфиака давно вошло в ее привычку. Коматит и астрофиллит много раз ей помогали. А вот гранитом ей так и не довелось пользоваться. Так он и валялся ради полного комплекта. — Он укажет путь к чему или кому угодно. — Объяснила она парням. И те с радостью приняли бесценную вещь. — Поторопитесь! И не забывайте связываться со мной по рубину связи. — Каждый вечер, госпожа! — Радостно заверил Игеред. — И каждое утро! — Серьезнее добавил Агнар Сверкнув карими глазами, оба эльфа умчались, так что только их рыжие головы и мелькнули вдалеке. Мариэль не знала куда деться. Ее разрывало от противоречивых чувств. Ее охватила печаль от того, что дочь не послушалась и ушла без спроса. Беспокойство из-за того, что Дэйли решила на такое опасное путешествие в одиночку. Гордость и даже радость за то, что у нее всё-таки есть надёжные друзья, которые не бросят в беде. И пустота от того, что их маленькая сплочённая и некогда очень дружная семья теперь разладилась.

*Нойа Лемавэ — с эльф. "моя маленькая"

Дорогие друзья, хочу напомнить вам, что автору очень приятна ваша активность. Ваши звёздочки и комментарии способствуют вдохновению, а следовательно и повышают скорость выхода новых глав

С любовью, ваша Margari)

Глава 14. Путь в астрал

— Почему я не удивлен. — Вздохнул Агнар, наблюдая за тем, как Игеред вертит в руках путеводный гранит и чешет затылок.

— Ты тоже хорош, мог бы и спросить, как им пользоваться.

— Да, сплеховали мы с тобой в самом начале миссии.

— Загляни в память дороги, пока я разбираюсь с этим чудом. — Отмахнулся Игеред.

— Во что превращаются твои уши, когда учитель начинает говорить? — Упрекнул друга Агнар, придерживая коня, который так и норовил перейти в галоп.

— А он что, говорил куда направится Елис, если ей в голову взбредёт тетю спасти? Или он говорил где Черные Ящеры держат важных пленников?

— Он говорил, — Начал объяснять Агнар уставшим голосом, словно он уже тысячу раз это повторял, — что пегаса выследить никак нельзя и в памяти предметов он не остается.

— А вот это досадно.

Друзья остановились на развилке. Одна дорога вела в Маргинг, другая заканчивалась в деревушке на дельте реки Драхе, где она впадает в Пенное море. Вороной мустанг Агнара, по прозвищу Оствинд, недовольно всхрапнул, возмущенный остановкой, ударил копытом землю. Игеред спрыгнул с рыжей, как и он сам, кобылы, которую звал Свечкой. Подбросил на ладони камень. Тот послушно упал обратно. Тогда эльф положил его на развилку. Кусочек гранита там и остался.

— Укажи нам путь, о древний путеводный амулет! — Воскликнул Игеред. Агнар подавил смешок, так глупо это выглядело со стороны.

— Это не дракон, камню лесть безразлична. Лучше скажи ему что именно мы ищем.

— Много ты знаешь о волшебных камнях. — Обиженно буркнул Игеред. — Проложи нам путь до заблудшей души, чье имя Дэйелис, дочь Фаолина и Мариэль. — Торжественно воскликнул он, чем снова заставил друга подавиться смешком. Но на этот раз камушек вздрогнул, подлетел и повис в воздухе на уровне глаз эльфа. Тот, чуть ли не прыгая от радости и вскочил в седло. Дар Тасфиака поплыл вправо, по той дороге, что ведет к дельте реки Драхе. Друзья последовали за ним, словно чувствуя нужный путникам темп, он ускорился.

— Кто молодец? Я молодец! — Довольно приговаривал Игеред.

— За ушком почесать? — Посмеялся Агнар. — Или сахарную косточку дать?

— Да ну тебя. Могу я себя похвалить? Ты же не сподобишься! Как думаешь, — немного помолчав, спросил он, — почему Дейли в эту сторону пошла, а не в Маргинг?

— Все довольно логично: по тракту сейчас движется войско Черных Ящеров, она решила обойти. Не идти же ей в одиночку в самое пекло. Могли бы, кстати, и сами догадаться, без камня.

— И то верно, но лучше быть уверенными в направлении.

Друзья перешли в галоп. Ветер свистел в ушах и путался в волосах. До самого вечера они не сделали ни одной остановки. Только иногда замедлялись до рыси или быстрого шага, чтобы кони передохнули. Особенно это требовалось кобыле Игерета, потому что скакун Агнара был более вынослив и предпочитал быструю езду.

— Верно говорят, каков хозяин, таков и скакун. — Подшучивал над другом Агнар, когда им в очередной раз пришлось перейти на рысь. Игеред в ответ издал звук, долженствующий

означать, что таким образом задеть его достоинство не удастся:

— Пф-ф-ф...

Свечка, услышав нечто знакомое, фыркнула, повернув голову к седоку.

— Какая милая беседа у вас выходит!

По долине разнесся серебристый смех Агнара, который Оствинд подхватил звонким ржанием.

— Сказал эльф, чей смех не отличить от ржания его коня.

Стемнело быстро. Небо затянулось тучами. Ночью хлынул дождь вперемешку со снегом. Спрятаться от беспощадной погоды было негде, потому и останавливаться не стали. Разве что галопом больше не мчались, чтобы не свернуть шею, угодив ненароком в темноте в какую-нибудь яму. Агнар убрал путеводный гранит в карман. В ночи его видно все равно не было, а дорога одна, вряд ли Дэйли куда-нибудь сворачивала.

За час до рассвета эльфы добрались до постоянного двора в придорожной деревушке в три двора. Селяне покинули ее, но хозяин таверны почему-то остался. Наверное, не желал терять доход, ведь странников не убавилось. Доказательством тому служила компания с десятком вояк, распивающих в общем зале. Агнар и Игеред тоже решили остановиться там ненадолго. И они, и скакуны были измотаны и промокли до нитки.

Получив ключ от комнаты, и заплатив втридорога, они рухнули в постели. С них только и успела попадать на пол мокрая одежда. Проснулись раньше полудня, чему обрадовались. Не так много времени потеряли.

— Я заплатил десять медяков за то, чтобы делить подушку с клопами? — Сонно возмутился Игеред, вытаскивая из волос, запутавшегося в них жука. — Такая постель и пяти не стоит.

— Скажи спасибо, что ты спал не в грязи под дождем и всеми ветрами.

Агнар поежился от холода. Камина в этой комнате не было. Подобрал одежду с пола, он встряхнул ее и высушил, пропев заклинание. Игеред повторил процедуру со своей. Одевшись, оба спустились в общий зал. Компании вояк там уже не было. Они или спали, или уже ушли. Хозяин таверны тоже, видимо спал. Будить его эльфам не пришлось. Заглянув на кухню, они нашли там, по всей видимости, его дочь. Она подала им овсянку и налила эль, за что назначила вполне приемлемую цену. Но Игеред заплатил больше, впечатленный вкусной кашей.

— Я думал, ты настолько разочарован в этом дворе, что лишней копейки не выложишь. — Усмехнулся Агнар.

— В отличие от своего папаши, эта девушка скромна, и варит отменную кашу. За такое не жалко переплатить.

Парни так оголодали, что завтракали молча. И, пока не съели по двойной порции овсянки, никто из них не проронил ни слова.

— Как думаешь, далеко она успела забраться? — Спросил Игеред, пригубив травяного чая из кружки.

— Не знаю. Если она ехала по земле, а не воспользовалась преимуществом пегаса, то скоро мы должны ее нагнать. — Агнар размышлял, макая в чай лепешку.

— В такой дождь не полетаешь. Разве что она летела над облаками.

Снова воцарилась тишина. Для таверны это было слишком непривычно. В таких местах всегда должен царить шум и гам. Но этим утром в общем зале никого, кроме двух эльфов не

было.

— Как думаешь, — снова спросил Игеред. Он вообще любил начинать вопросы с этих слов, словно собственных мыслей по данному поводу не имел. — Что будет, если она на наших наткнется?

— Наши ее не тронут. Скорее всего даже никакого интереса к ней не проявят. Если ей понадобится помощь и она... по наивности попросит их о чем либо... — Агнар задумался. Молчание затянулось. Игеред думал, что друг так ничего и не скажет, но тот все же закончил свою мысль. — Скорее всего ее просто проигнорируют.

— А если она узнает, что... случайно?

— Не узнает. — Оборвал Игеред, давая понять, что об этом говорить он не станет.

Обхватив ладонями горячую кружку, Игеред проследил взглядом за девушкой, спустившейся по лестнице в общий зал. Она прошла, не поднимая головы, не глядя на единственных, кроме нее, гостей трактира. Что-то в ее образе насторожило эльфа. Для человека она была одета весьма странно. Конечно, человек в эльфийских одеждах в Джевелии не редкость. Эта девушка выглядела, как охотник или следопыт, что для девушки-человека само по себе было несвойственно. Но и такое встречалось. Игеред беззастенчиво ее рассматривал, замечая каждую деталь ее одеяния. Белая туника, поверх плотный темно-серебристый жилет, длинная, до колен, черная куртка, такие же серебристые, как жилет, брюки и зеленый плащ с глубоким капюшоном скреплен серебряной застежкой в виде лебедя. И черные сапоги, тоже эльфийской работы. На бедре у нее красовался короткий клинок с узким лезвием. В руке, прикрытой плащом, девушка держала лук и колчан со стрелами. Вся ее одежда была чистой, из чего Игеред сделал вывод, что она прибыла в постоянный двор еще до начала дождя.

Она устроилась в дальнем углу зала. Игеред всмотрелся в круглое лицо. Миндалевидные голубые глаза, маленький нос, тонкие бледные губы, узкие брови. Ее нельзя было назвать красивой, но и уродиной она не являлась. Самая обычная девушка. Черные волосы собраны двумя косичками по вискам, которые соединялись в одну на затылке. Свободные локоны ровным водопадом струились по спине и падали на плечи. Похоже было, что она стремится быть похожей на эльфов. Прическа точь-в-точь походила на ту, что носит Дэйли. Но Игереду это не удивило, многие эльфийки и даже эльфы собирали волосы именно так.

К ней подошла дочка трактирщика с кашей и чаем. Когда она вернулась к стойке, девушка подняла глаза и посмотрела на Игереду и Агнара. Глаза ее распахнулись в испуге и удивлении, она оцепенела и, казалось, не могла пошевелиться. Потом, словно совладав с собой, отвела взгляд и принялась за еду, как ни в чем не бывало.

Странное поведение незнакомки обескуражило Игереду. Ей никогда не доводилось видеть эльфов? Или настолько похожих эльфов? А может она вчера переборщила с выпивкой и ей с похмелья показалось, что в глазах двоится? Он протянул к ней ментальное щупальце, желая заглянуть ей в мысли. Из любопытства. Ему просто стало интересно, чему девушка так удивилась и чего так испугалась, увидев их с Агнарком. Но наткнулся на очень прочный барьер. В первое мгновение Игеред подумал, что она чародейка или просто очень хорошо обученный воин. Но тут он почувствовал знакомую энергию. Знакомую на столько, что тут же вскочил с места, уронив с грохотом стул.

— Эй, Елис! — Он угрожающе надвинулся на подругу. Возмущенный тем, что, узнав друзей, она предпочла остаться в тени, не раскрывая своей личности. Агнар тоже узнал Дэйли, лишь подняв на нее глаза. Пока Игеред не расшумелся, Агнар и не замечал

девушки. — Как ты могла так поступить? — С напускной обидой разошелся Игеред. В этот момент в зал стали входить вчерашние вояки, зевая и о чем-то споря. Но Игереду уже было не остановить. — А как же все что между нами было? Это для тебя ничего не значит?!

— Ну все, хватит дурачиться. — Одернул его Агнар, которому не нравились взгляды вояк и начавшиеся обсуждения их персон.

— Это опасно, не хочу вас втягивать. — Ответила Дэйли. Ее напускной образ растаял и она снова стала собой. Закрытая спинами эльфов она могла не опасаться, что это заметят нахлынувшие гости. — Вам не нужно было идти за мной.

— А вот это мы сами решим. — Грубо бросил, все еще разозленный Игеред.

— О чем ты думала, когда ушла одна? — Укорил ее Агнар, подсаживаясь к ней за стол. — Нам-то могла сказать.

— Я говорила.

— Если бы ты позвала, мы бы пошли. — Игеред уперся руками в стол, от чего тот жалобно скрипнул. Пальцы эльфа так сильно стиснули край деревянного стола, что тот грозился отломиться.

— Сядь, Иг. — Ласково позвала его Дэйли. Нежные нотки ее голоса развеяли обиду. Игеред больше не мог злиться. Он послушно сел.

— Как ты собираешься искать? — Поинтересовался Агнар, оставив пустые споры и сразу перейдя к главному.

— Проверю каждый корабль, если потребуется. — Уверенно ответила Дэйелис.

— Сумасшедшая. — Заключил Игеред.

— Есть идея получше.

Агнар выложил на стол путеводный гранит. Дэйли узнала вещь. Обрадовалась, но тут лицо ее стало печальным.

— Мама сильно огорчилась?

— По ней не поймешь, — взял слово Игеред, — думаю, она все же расстроилась. Но она верит в тебя, поэтому и дала нам эту штуку, что бы мы нашли тебя, а потом... — Игеред бросил быстрый взгляд в сторону вояк — некоторые из них с любопытством наблюдали за троицей эльфов — и не решился назвать имя, — ...твою тетю. И попросила нас помочь тебе, а не вернуть тебя обратно.

— Это чего-то стоит. — Кивнул Агнар, согласный с другом. — К слову об этом, мы обещали отчитываться каждое утро и вечер.

— Языки бы вам за такие обещания по вырывать. — Заявила Дэйли, ткнув обоих в плечи кулаками.

— А ты разве не собиралась этого делать? — Спросил Агнар, потирая место тычка, скорее чтобы потешить самолюбие подруги, чем от боли.

— Собиралась. Но немного реже, чем два раза в день.

— Не хорошо так родителей заставляя волноваться. — Ехидно ослабившись, сказал Игеред.

— Хватит лыбиться, доставай зеркало лучше.

— Почему я? Ты тут девушка. — Возмутился эльф, но вытащил маленькое зеркальце из кармана и протянул его подруге.

Дэйелис вызвала изображение мамы. Мариэль что-то активно обсуждала с безликим эльфом, лишь размытый силуэт которого видела Дэйли. Наверное, когда-то она пересекалась с ним мельком, но лица не запомнила. Вдруг незнакомец поднял руку, указывая прямо на

Дэйли. Мариэль проследила взглядом в указанном направлении и просияла. Что-то сказав собеседнику, кинулась к предмету, отражающему дочь.

— Дэйли, слава миру, ты в порядке?

— Да, мама, Агнар и Игеред со мной.

— Хорошо. Ты взяла с собой провизию? Не мерзнешь?

— Да, мам, я тепло одета. И провизии хватает.

— Не забывай звонить. — Мама всегда использовала именно это слово, когда речь заходила о рубине связи. При чем тут звон, Дэйли не понимала, но смирилась с маленькой странностью.

— Хорошо.

— Я люблю тебя.

— И я тебя, мам.

— Будь осторожна.

— Хорошо.

Зеркальце вновь стало обычным. Дэйелис вернула его, задиристо улыбающемуся Игереду.

Эльффы подождали, пока подруга позавтракает. И, не теряя больше ни минуты, оседлали коней. Дэйли раскрыла ладонь, в которой держала дар Тасфиака, поднесла к губам.

— Иналия, дочь Арагнаста и Элейс.

Камешек взлетел и устремился к Пенному морю.

— А что так можно было? — Округлил карие глаза Игеред.

— Видишь, он слушается и без помпезных речей и восхвалений. — Подначивал его Агнар.

— Как быть, если не знаешь имен обоих родителей искомого?

— Можно назвать любое имя, связанное с тем, кого ищешь. — Ответила Дэйли, перекивая дождь. — А еще желательно держать образ в голове. Что бы отсеять случайности и не прийти в конце концов к тезде.

— Умно. Откуда ты знаешь, как им пользоваться? — Прокричал Агнар, придерживая, рвущегося в галоп, Оствинда.

— Мама никогда им не пользовалась и не замечала, когда я тайком иногда его брала. До поры до времени. Однажды она заметила пропажу. И стала сама мне его давать.

Дорога под ногами путников превратилась в месиво грязи и мокрого снега. С неба, не прекращая, сыпал мокрый снег с дождем. Но троица бесстрашных эльфов мчались вперед, не обращая внимания на скверную погоду.

Лес звенел птичьими трелями и дышал легким летним ветерком. Сквозь густые кроны на изумрудную траву падали золотые блики и плясали озорными солнечными зайчиками всякий раз, когда листву расчесывал ветер. На ветку черешни вспорхнул грач, громко прострекотав. С потревоженного сучка сорвалась зрелая ягодка, упав точно на нос, лежащей под деревом эльфийки.

— Эта черешенка так и не дождалась, когда ты ее сорвешь и сама к тебе пришла. — Посмеялась вторая девушка, смахнув с лица прядь белых волос.

Иналия потеряла пострадавший носик и тоже посмеялась. Подобрав ягодку, отскочившую в траву, отправила ее в рот.

— И все же на нашем деревце черешня вкуснее всего. — Сказала Иналия, глядя на

косточку, зажатую между пальцев.

— После праздника урожая черешни, я думала, даже смотреть на нее не смогу. Вчера на фестивале ее было так много... — Беззаботно рассуждала Нимлот, взяв из кучки, сложенной между подругами, очередную ягоду. — Но я слишком ее люблю. За вкус и цвет. Видела вчера на празднике платье дочери графа Пераигласа? Она наверняка заранее заказала его, специально для фестиваля. Портниха удачно сгармонировала цвет спелой черешни с выкройкой и весьма смелым декольте.

— Что ни говори, а на Харет оно выглядело элегантно и достаточно сдержано.

— Повезло, ей идет этот цвет... На мне он смотрится нелепо.

— Зато тебе очень идет цвет синей сливы. — Успокаивала подругу Иналия. Это было правдой, глаза подруги были необычного синего цвета, отдающего фиолетовым. — Хочешь, к празднику урожая сливы у тебя будет платье от той портнихи?

— Ты ее знаешь?

— Конечно.

— Ты обязана нас познакомить! То есть, я хотела сказать, не могла бы ты... — Замялась Нимлот. Она делала так, вспоминая, что Иналия принцесса, а она всего лишь ее фрейлина. Раньше Нимлот была простой служительницей замка, поддерживающей его величие, которым не доводится пересекаться с особами королевских кровей. Фрейлиной она стала совсем недавно и все еще не привыкла общаться с Иналией так же беззаботно, как с простыми эльфийками. Для Иналии же она стала самой близкой подругой.

— Перестань, прошу. Конечно, я вас познакомлю. Идем.

— Прямо сейчас? Фестиваль только через месяц.

— У Инкьеты много клиентов.

— Тогда идем.

Девушки нехотя поднялись с шелковистой травы. Собрали черешню в горсти, и двинулись по лесной тропинке в город. Они не торопились, не желая нарушать лениво-мечтательную атмосферу прогулки. Продолжая беседу о прошедшем празднике, они вошли под сень деревьев. Тропинка едва различалась в густой траве, а не менее густые кроны почти не пропускали солнечных лучей. Зато казалось, листва светилась изнутри золотым.

— В этом году виноделы не будут знать отдыха. Черешни так много, что подвалы будут ломиться от бочек и бутылок. — Беззаботно рассуждала Иналия.

— Еще бы, черешневое — любимое вино короля.

— А мне больше нравится ее сок. И Фаолину тоже.

— Жаль он пропустил такое пиршество. — Вздохнула Нимлот.

— Не думаю, что он скучал. В Вакрохалле безусловно проводят не менее пышные праздники.

— Его высочество вернулся вчера ночью, ты разве не знала? — Удивилась девушка.

— Вчера ночью? И я, его сестра, узнаю об этом только сейчас?

— Полагаю, он отдыхает после изнурительной дороги, и пока не готов к граду расспросов о его внезапном исчезновении. — Заступилась Нимлот, вытянув руку, что бы коснуться ярко-зеленой листвы тополя. — У нас, служителей замка, ушки на макушке, мы все про всех знаем. Еще я слышала, что принц вернулся не один.

— Неужели с девушкой? — Иналия даже остановилась, пораженная больше своей абсурдной догадкой, чем новостью от подруги.

— Ха, с девушкой! — Раздался чей-то смех откуда-то сверху. — Ой!

Над головой громко хрустнула ветка. К ногам принцессы упал парень. Оцепенев от легкого шока, девушка принялась его разглядывать вместо того, чтобы помочь ему подняться, спросить не ушибся ли он. Златовласый эльф, впрочем, тут же вскочил на ноги, выпрямившись во весь свой невысокий рост. Он был ниже обычного эльфа, но полукровкой не являлся.

— Прошу меня простить, милейшая госпожа, от ваших слов я выпал в осадок. — Он склонился в неглубоком поклоне.

Нимлот подавила смешок, прикрыв улыбку широким рукавом.

— Видите ли, б`ольшего мизантропа, чем ваш брат, я не встречал. Он и заговорить с девушкой стесняется, какая может идти речь о том, что бы привезти ее домой и познакомиться с семьей! — расхохотался эльф, звонко, чарующе.

— Да, это похоже на Фаолина. Вы не ушиблись? — Наконец вымолвила Иналия.

— Благодарю за беспокойство, милая принцесса, я в полнейшем порядке.

— Как ваше имя, фальт фра нангарсол*?

— Сэлаэль, сын Сальена из Вакрохалла. Прибыл посмотреть на чудесный город Маргинг по настоянию моего дорогого друга, что по совместительству является вашим братом и принцем славного королевства Джевелии.

Иналия поймала себя на том, что слишком долго смотрит на озорную улыбку, свалившегося ей на голову эльфа, и не может в полной мере осознать его слов, заслушавшись его звонким серебристым голосом.

От Нимлот это тоже не укрылось. Она наблюдала за подругой и уже не могла сдержать улыбки.

— Вы, должно быть, крайне возмущены столь эгоистичным поведением брата. Я знаю где он прячется. Могу предоставить вам возможность припереть его к стенке, если пообещаете мне randevu.

Принцесса почувствовала, как у нее горят щеки. Это было столь непривычное ощущение, что она растерялась. Никогда раньше она так не смущалась. Отведя взгляд, она кивнула. Не то что бы ей так хотелось отчитать брата. Просто что-то внутри нее тянулось к этому эльфу.

— Вы найдете Фаолина у озера Алаль. — Просиял неожиданный новый знакомый.

— Спасибо, Сэлаэль. — Иналия произнесла его имя медленно, словно пробуя на вкус. И мысленно улыбнулась иронии. Имя низкорослого эльфа означало "длинная тень". При всей своей проказливой нагловатости, он показался Иналии обаятельным. А человеческий рост вовсе не портил привлекательности. Напротив, придавал ему определенную притягательность. Не говоря уж о бездонных карих глазах с зелеными крапинками, обрамленными пушистыми черными ресницами.

— Буду ждать вас завтра на закате дня в саду на мостике, что изящной дугой соединяет берега звонкого ручья.

— Я приду.

— Я буду ждать, о прекрасная Иналия. — Повторил он, отвесив поклон. И невероятным прыжком скрылся в кроне деревьев.

— Та черешенка была предвестником этой встречи. — Напомнила о себе Нимлот. — Хотела бы я, что бы и мне с неба женихи сыпались...

Следующие дни превратились для Иналии в яркий калейдоскоп свиданий с Сэлаэлем. Воспоминания отпечатались в ее памяти обрывками самых приятных моментов. Она

помнила томительное ожидание встречи. Никого она не хотела видеть так сильно, как таинственного эльфа из Вакрохалла. Она помнила теплое чувство, разливающееся в груди сладким нектаром. Помнила, как мурашки пробирали ее тело от его прикосновений. Его серебристый волнующий голос. И то, как трепетало ее сердечко, когда она осознавала, что ради нее он жертвует своей индивидуальностью, изменяя своим привычкам, передвигаясь по земле, а не по ветвям деревьев, словно белка. Как в животе порхали бабочки всякий раз, когда он называл ее экорнин, бельчонком, за рыжину ее волос. Перед глазами то и дело вставали моменты, когда Сэлаэль расчесывал ее волосы и заплетал в фантазийные прически.

Иналия не сразу осознала, что влюбилась. Всячески это отрицала, когда Нимлот озвучивала свои наблюдения. А потом поняла, что это так. Ни с кем, кроме Фаолина и Нимлот, она не чувствовала себя так свободно. Никому, даже брату и подруге, не могла рассказать свои самые сокровенные секреты и желания. Но ему она могла довериться полностью.

Однажды, возвращаясь со сливового фестиваля, где Нимлот блистала в новом платье, которое ей очень шло, Иналия застала Сэлаэля у двери своей комнаты. Но не успела подойти, как из-за угла с другой стороны коридора появился Фаолин. Он налетел на Сэлаэля осенним ураганом, взяв того за грудки и прижав к стене. Иналия притаилась за колонной, прислушалась.

— Что ты здесь делаешь? — Разъяренно шипел Фаолин.

— Жду твою прелестную сестру, что бы пожелать доброй ночи.

— Мне не нравится твое излишнее внимание к Иналии. — Тихая речь брата была еле слышна и больше всего походила на далекий рокот вот-вот сойдущей лавины. — Я слишком хорошо тебя знаю, Сэлаэль, и знаю сколько дев ты сгубил.

— Уверю тебя, друг мой, — неожиданно серьезно ответил златовласый эльф. Улыбка сошла с его лица. — Иналия не окажется в их числе.

Фаолин отпустил его, но не отошел, вынуждая Сэлаэля самовольно вжиматься в стену.

— Пойми, она моя сестра. И пусть ты мне друг, если по ее щеке скатится хоть одна слезинка из-за тебя, я собственными руками придушу тебя. — в голосе Фаолина не было угрозы, но звучал он убедительно. — Не смей разбить ей сердце.

— Ни за что. — Пообещал низкорослый эльф. — Этого никогда не случится.

Он соврал.

Сон рассеялся, Иналия открыла глаза и снова закрыла. Ей хотелось вернуться в грезы, где она была счастлива.

Когда Сэлаэль нарушил свое обещание, когда ее сердце разбилось, она не плакала. Ни разу не проронила ни слезинки. И пусть Фаолин, даже если бы очень захотел, все равно бы не смог привести в действие свою угрозу, Иналия не давала ему повода злиться на друга. Но сейчас ведь его здесь нет.

Из глаз непроизвольно хлынули слезы. Иналия не могла их стереть, руки были привязаны к кровати. Она плакала беззвучно, ее лицо оставалось спокойным. Но это была лишь маска. Ничем, кроме ручейков слез она не выдавала своей боли. Ее грудь не содрогалась от рыданий, плавно вздымаясь в такт дыханию.

Она услышала, как дверь приоткрылась и в ее тюремную камеру кто-то вошел. Приятная ткань платка промокнула ее лицо. Нежно, почти любовно.

— Снова будешь рассказывать свои сказки? — обреченно бросила Иналия, смирившаяся с привычкой Виллы все время что-то рассказывать, когда ее пленница приходила в себя, не

смотря на то, что Иналия ничего не понимала. Она знала, что старушка ведаёт ей истории или легенды, улавливая интонации, с которыми матери повествуют сказки детям. Иногда Вилла пела колыбельные.

— Я не твоя нянька. — Послышался грубый ответ. Голос показался Иналии отдаленно знакомым. Как неясное воспоминание, когда улавливаешь звук или запах, и он напоминает о чем-то далеком, но о чем, ты никак не можешь вспомнить. Тот, кто только что с заботой и лаской стирал ее слезы, резко отпрянул. Иналия посмотрела на нежданного гостя.

Над кроватью возвышался грозной фигурой человек в черных одеждах. Его глаза сверкали в мягком полумраке темницы красным, отражая огонь свеч. Слишком светлая, неестественно мраморная кожа, контрастирующая с угольно-черными волосами до плеч и такими же темными бровями, в тусклом освещении казалась болезненной. Горло мужчины было окольцовано странным шрамом, как ожерельем. Еще один шрам уродливой полосой рассекал кожу под подбородком, словно этот человек каким-то чудом умудрился выжить после того, как кто-то всадил ему нож по самую рукоять под подбородок. На бледных губах застыла злая усмешка.

— Не узнаешь меня? — Иналия молчала, скованная страхом. — Это же я, твой старый друг, Фулдур бессмертный!

*фальт фра нангарсол — (с элф.) упавший с небес

Глава 16. Дорога домой

— Как думаете, далеко еще? — Игеред, измотанный и утомленный, качался в седле, сгорбившись под гнетом мокрого снегопада. Хоть сейчас он и моросил едва заметно, по сравнению с тем ливнем, что настиг их по утру, но даже в такой погоде приятного было мало.

— Все еще предполагаю, что это где-то около моря. — Сухо ответил Агнар, тоже вжав голову в плечи и натянув капюшон почти до носа.

Впереди ехала Дэйелис. Молча. Она по обыкновению держала свою королевскую осанку. И вообще выглядела по-королевски в расшитом серебряными нитями черном плаще с глубоким капюшоном, полы которого укрывали круп Лиры. Но угнетающая дорога и не менее угнетающая погода сказались и на девушке. За последние несколько дней она не промолвила ни слова. Сначала парни пытались вывести ее на беседу и хоть немного развеселить, но получалось только вывести. Из себя. Тогда они оставили тщетные попытки. Дэйли все время подгоняла своего пегаса и заметно нервничала, когда Лира уставала.

— А до моря уже дня два. — Констатировал Агнар, вглядываясь в горизонт. Там угадывалась тоненькая полоска Пенного моря, почти утонувшая в тумане и почти сливающаяся с небом. Если бы Агнар не знал, что там море, то он и не различил бы тонкую синевато-серую ленту, отделяющую темную землю от свинцового неба. Правда Агнар уже не доверял своему эльфийскому зрению. Ему могла только казаться эта обнадеживающая близость моря.

— Если дожди продолжатся, мы где-нибудь застрянем еще на неделю.

— Не хнычь, а лучше скажи спасибо, что мы всего лишь мокнем под дождем. Могли бы попасть в пургу и увязнуть в сугробах.

— Если мы до Билиан-Нуа не найдем принцессу Иналию, мы увязнем в таких сугробах что выберемся из них только к весне. — Недовольно проворчал Игеред, обводя свою Свечку вокруг очередной огромной лужи грязи не известной глубины.

— Значит будем есть снег, как белки, что бы весна скорее наступила. По копытами кобылы хрустели комочки мерзлой земли и льда. Вдруг Дэйли впереди резко остановилась. Агнар чуть не врезался в нее. Девушка быстро откинулась назад, почти ложась вдоль хребта пегаса. Агнар успел среагировать, уклонившись в сторону. Игеред, не понимающий, почему стоим поздно увидел мокрый камень, летящий ему прямо в лицо. Он успел только зажмуриться и приготовиться к удару. Но удара не последовало. Гранит сам обогнул эльфа и умчался вперед. Вернее назад. Туда, откуда и ехали эльфы.

— И что это может означать? — С нотками злости бросил Агнар. Игеред пожал плечами, потирая переносицу, куда должен был попасть дар Тасфиака.

— Не имею ни малейшего понятия, но мы последуем за ним в любом случае. — Решительно ответила Дэйелис, уже развернув Лиру и пуская ее в галоп. Агнар тут же последовал ее примеру. А Игеред обреченно вздохнул и, ласково погладив Свечку по ее рыжей гриве, подогнал ее, что бы догнать друзей.

— Все, баста! — воскликнул он, когда в крошечной тьме его Свечка в очередной раз споткнулась. — Темно хоть глаз коли!

Агнар лениво взмахнул рукой и даже не произнес заклинания. В воздухе разжегся огонек, разделился на три таких же и повис над каждым из путников.

— Стой. — Дэйли протянула руку, приказав путеводителю опуститься на ее ладонь. Тот послушно остановился и лег ей в руку. — Сойдем с тракта.

Они спустились в яр, где росли березки и корявые ели. Нашли сломанную пополам ель так, что могла послужить хорошим шалашом. Там и остановились на ночлег. Судя по все еще свежим густым иголочкам, ель сломалась совсем недавно. Скорее всего ее повалила вчерашняя буря.

Путники забрались под раскидистые лапы ели, оценив обстановку. Туда поместились и лошади. Агнар разжег костер у самого выхода. Игеред магией сделал возле скакунов ложбинку и наполнил ее водой. Лошади с жадностью принялись пить. Иналия сняла с них седла и сумки. Покончив с приготовлениями, все трое расположились на подстилке из еловых иголок, постелив сверху попоны.

Агнар вытащил из-за пазухи мешочек сушеных слив, предложил друзьям. Дэйелис молча отказалась. Игеред отказался агрессивнее.

— Гадость какая. Я это есть не буду.

Он снял с пояса мешочек, достал из него маленькую яблочную косточку.

— Тил эров ротэквэ нэгалас. — Проговорил он и на его ладони распухло яркое алое яблоко. Игеред демонстративно повертел им перед носом друга и откусил, смачно хрустнув. Агнар только усмехнулся и продолжил с удовольствием жевать сушеные сливы.

— И все-таки, — насытившись заговорил Игеред, — меня одного беспокоит то, что произошло днем?

— Тише. — Прошептал Агнар. — Она думает. И ты попробуй.

— А знаете что я думаю?.. — Вспыхнул рыжеволосый эльф. — Этот булыжник сошел с ума!

— Единственный вариант, который соответствует всем законам логики, — внезапно спокойно заговорила Дэйелис, — заключается в следующем: впереди нас поджидала опасность. Мама говорила, что дар Тасфиака приведет к заветной цели самым коротким и безопасным путем. Я конечно рассматривала и тот вариант, что Иналия изменила свое местонахождение. Но это не могло произойти так резко... Разве что...

Дэйли снова задумалась. Ее взгляд устремился куда-то сквозь пространство и время. В чертоги ее разума.

— Разве что что? — Переспросил Игеред, отбросив огрызок, предварительно собрав из него косточки.

— Ханзиль как-то упоминал о заклинании, перемещающем в пространстве, но...

— Но? — Не выдержал Игеред

— Но оно очень сложное и опасное. — Закончил вместо подруги Агнар.

— Именно. — Подхватила мысль Дэйли. — Оно требует очень много сил и времени. Заклинание очень долго выговаривать, к тому же если произнести что-нибудь не правильно, может случиться непоправимое.

— Например? — Игеред, как всегда забывший все уроки Ханзиля, теперь требовал ответа на вопросы от более внимательных друзей.

— В лучшем случае, — сказал Агнар, — перенести не туда, или вообще не сработать.

— А в худшем?

— А в худшем — раскидать конечности по разным частям света. Разорвать на клочки так, что где-нибудь пойдет дождь из твоей крови.

— Поэтому им никто и не пользуется. — Закончила Дэйелис, не настроенная слушать

пустые запугивания друга. — Иналия не стала бы так рисковать.

— А если выбора другого не было? — предположил Агнар.

— Тогда... надеюсь, она в порядке. — сокрушенно спрятав лицо в ладони, ответила Дэйли.

— И что, мы будем слепо следовать за этой галькой? — Кивнул Игеред на карман Дэйли, в котором лежал путеводитель.

— Есть идеи получше? — Все еще сохраняя спокойный тон, спросила Дэйли. Такое спокойствие пугала обоих парней. Игеред стушевался, Агнар же не придавал их спору значения, глядя в костер. — Пусть мы не знаем причины такого... поведения, но он ведь привел вас ко мне. Значит и к Иналии приведет.

— Давайте спать. — Настоячиво предложил Агнар, что бы пресечь дальнейшую перепалку. — Мы все устали и сейчас ничего дельного не решим.

— Ты прав. — Согласилась Дэйли. — Поспите немного.

— А ты? — Игеред удивленно вскинул брови, уставившись на девушку.

— Кому-то из нас придется нести дозор.

— Я сменю тебя через два часа. — не терпящим возражений тоном сказал Агнар. Иналия возражать и не стала, благодарно кивнув ему.

— Разбудите меня, когда будет моя очередь. — Зевая, промолвил Игеред. Повернулся на бок и почти тут же уснул.

Дэйелис заглянула в зеркальце. Прошептала слова. Увидела маму и отца. Фаолин сидел на краю кровати, держа на коленях голову Мариэль. Он поглаживал ее по волосам, водил пальцами по ее лицу.

Почувствовав, что Дэйли за ними наблюдает, оба встrepенулись и подошли к большому зеркалу.

Мама выглядела уставшей. А отец напротив — бодрым и даже веселым. Это радовало Дэйли, потому что ей совсем не понравилось каким угрюмым он был, когда они прощались.

— Я уже начала волноваться. — Вздохнула Мариэль с облегчением. — Ты в порядке? Как успехи?

— Все по-прежнему. — Тихо ответила Дэйли, что бы не будить Игерета и Агнара.

— Что случилось? — Отец всегда чувствовал, когда Дэйли грустила или злилась. Сейчас она была грустна, потому что Иналия все еще не наплась. И зла — по той же причине. А еще она была в смятении из-за дневного происшествия.

— Сегодня произошло кое-что странное. — Сказала она. В их убежище ворвался холодный ветер. Дэйли плотнее запахнула плащ. Она рассказала все родителям и замолчала, наблюдая за их задумчивыми лицами.

— А еще я видела сон прошлой ночью. — Прошептала она. Мама тут же оживилась.

— Расскажи нам о нем. — попросила она ласково. Голос матери маслом лился на сердце Дэйли. Беседуя с родителями, она почувствовала, как раздражение и злость внутри нее испаряются, и на их место приходят умиротворение и чувство защищенности.

— В нем Иналия парила среди грозových туч. Вокруг шипели и сверкали молнии, но ее не трогали, а напротив — словно защищали ее. Веки ее были закрыты, как во сне, но из-под них струились слезы. Она что-то говорила. Я не могла разобрать слов, кроме одного. — Дэйли прервалась, отведя взгляд, словно вспоминая. Родители не торопили. — Сэлаэль. Я услышала только это имя.

Дэйли заметила, как изменился в лице отец. Сначала он показался ей печальным. Но

потом брови его почти сошлись на переносице. Он зло сверкнул глазами. Быстро вздохнул и вернул своему лицу добродушное выражение.

— Это же всего лишь сон да? Он ничего не значит, кроме того, что я скучаю. — попыталася утешить себя и их Дэйли.

— Конечно, родная. — Поддержала Мариэль.

— Что еще было в твоём сне? — спросил Фаолин.

— Больше ничего. Правда Иналия выглядела не очень здоровой. — Честно призналась она. Отец взволнованно подался вперед. — Она выглядела очень слабой и бледной, даже белой, как мел. И словно бредила.

Родители чуть отвернулись от зеркала. Фаолин что-то сказал Мариэль. Она ответила так же тихо. Дэйли не стала вслушиваться или требовать рассказать о чем они секретничают. Она знала. Знала, что маме тоже время от времени снятся сны. И что эти сны сбываются хотя бы от части. Дэйелис догадывалась, что и ее сон о чем-то ее предупреждает.

— Уже поздно. — Сказала она. — Я позвоню утром.

— Завра вы обязательно разгадаете головоломку путеводителя. Не теряй надежды. — поддержал отец, любовно улыбнувшись.

— Мы верим в тебя. — Добавила мама.

— Я люблю вас. — нежно прошептала Дэйли дрогнувшим голосом. Нос защипало, а на глаза навернулись слезы. Но она их сдержала.

— И мы тебя очень любим. — В унисон ответили родители.

Зеркало снова стало обычным. Дэйелис подтянула коленки, положила на них подбородок. Зеркало она не убирала, и долго глядела в него, пока не решилась.

— Над но энос тиарли Иналия.

— Думаешь получится? — с сомнением в голосе спросил Агнар. В его карих глазах читалось сопереживание. Дэйелис не ответила, упрямо глядя в зеркало.

— Ты каждую ночь пытаешься... будет странно, если сегодня...

Агнар не договорил, заметив, как встрепенулась подруга. Она поднесла зеркало ближе к лицу. Губы ее задрожали, уголки поползли вверх. Агнар уловил ее учащенное дыхание. Несколько минут Дэйли что-то разглядывала, потом наконец посмотрела прямо в глаза друга. Он все понял по ее взгляду. Взгляду полному надежды.

— Ты знаешь где она?

— Нет.

— А что с ней?

— Тоже. Но она в порядке, это главное. Больше ничего не мешает мне наблюдать за ней, а значит она на свободе. Я не видела местность вокруг, за то освещение было такое, — Дэйелис посмотрела на спящего Игерета, охваченного светом от костра. — Рядом с ней горит костер, значит она не мерзнет в метели.

— Поспи.

— А как же...

— Ложись.

Дэйли послушалась. Теперь тревожные мысли не мешали ей уснуть.

Снаружи завывала метель. В их укрытие ворвался ветер, неся с собой снежную пыль. Но даже это не помешало девушке. Теперь мысли ее вились вокруг того, что ее любимая тетя, которая для нее была все равно что старшей сестрой, жива и невредима. Появилось приятное предчувствие, что они скоро встретятся. Под эту теплую музыку мыслей она погрузилась в

сон.

Утро наступало медленно. Метель прекратила выть. Настал один из не многих дней, когда погода, если не радовала, то хотя бы не досаждала. Свинцовые тучи низко нависали над землей. Ветер не шумел в ушах и мокрый снег не сыпал за шиворот. Под копытами хрустела покрытая ледяной коркой земля. Путеводитель упрямо вел отряд в другую сторону от моря. Игеред немного поворчал по этому поводу, но в конце концов смирился. Агнар был решительно настроен. Его, как и Дэйли посетило предчувствие. Но он этому рад не был. Что-то должно было произойти сегодня. Дэйелис, по обыкновению, молчала, погруженная в свои мысли. Но сегодня она не подгоняла друзей, не понукала пегасом, не нервничала, одним словом.

Передохнув после полудня с пол часа, путники погнали своих скакунов галопом. По краю дороги, где лужи были не такими глубокими, а грязь не столь вязкая, как по центру. Дэйелис чуть не пропустила тот момент, когда дар Тасфиака свернул в степь, вовремя успев потянуть за стремяна. В груди снова кольнуло неясное предчувствие. Девушка прищурилась: впереди нагромождение камней. Прямо к ним и вел путеводный гранит.

Лира, будто почувствовав волнение хозяйки, ускорила. Дэйелис пригнулась к самой шее пегаса. Оглянулась: Игеред сильно отстал, но как мог следовал за ними. Агнар сровнялся с ней, крикнул:

— Смотри! — вытянув руку в сторону от осколков скалы.

Колючий ветер бил в лицо, но эльфийка все же разглядела темную точку, стремительно движущуюся вдоль тракта. Рыжеволосый эльф даже вырвался вперед. Его Оствинд был выносливее и быстрее даже Лиры. Точка все приближалась, и вот девушка уже разглядела гнедого коня с двумя всадниками. Один из них оглянулся, подстегнул скакуна, потянул за стремяна, сворачивая к тракту. Из-под капюшона второго всадника вырвались огненно-рыжие пряди.

Дэйли сдавленно вскрикнула, кинулась на перерез, игнорируя путеводитель, летящий прямо за беглецами. Агнар скакал прямо, что бы не дать возможности для маневра. Игеред не знал за кем ему гнаться. Ехал, выбирая землю поровнее, что бы его Свечка не покалечилась. Он схватил дар Тасфиака, спрятав в карман.

Все произошло очень быстро: конь беглецов вдруг обрел крылья и в считанные минуты скрылся за тучами. Дэйелис взмыла следом. Агнар немного опешил, притормозил, позволяя другу догнать себя. Игеред на ходу выхватил лук и стрелу. В серой небесной дымке мелькали два пегаса. Белый стремительно догонял гнедого, который не мог взлететь выше из-за тяжести двоих всадников. Прицелиться было не сложно.

— Нет! — остановил его Агнар. — Там же Иналия!

Поняв, что друг прав, Игеред убрал стрелу, обреченно опустив плечи. Ни он, ни Агнар не могут ни чем помочь подруге. Они вглядывались в небо, ища глазами скрывшихся в облаках пегасов. Гнались за ними, старались не отставать, что бы в любой момент прийти на помощь.

Яркая вспышка ослепила их. Еще одна. Небо расколосось на части зигзагами молний. Эльфы видели, как Дэйелис ловко маневрирует между ними, но это не дает ей догнать Иналию и ее похитителя. Что-то неестественное было в этой грозе. Совсем не было грома. Стояла тишина, в которой звонкое ржание Лиры прозвучало чуть ли не оглушающе.

Ее разбудил шум за дверью. Кто-то яростно спорил. Слов было не разобрать. Иналия открыла глаза. Скосила их, поглядев на Виллу, дремлющую в кресле. Ее похоже не волновали громкие спорщики. Из полных рук темнокожей женщины вот-вот упадет вязание. Эльфийская принцесса попыталась пошевелиться, размять затекшую спину. Ремни по прежнему стягивали ее руки, ноги и талию. Тогда она снова сомкнула глаза, надеясь вернуться из этого кошмара в сказочную реальность. Но тут спорщики повысили тон, перейдя на всеобщий язык.

— Если хочешь совершить задуманное, тебе придется! Мы оба хотим одного.

— Рассчитываешь на доверие? После всего содеянного? — знакомый голос Ригфреда, главы племени Луой и полководца объединенных племен. Любопытство переубедило Иналию просыпаться. Она решила, что в любой момент может очнуться от этого кошмара и оказаться рядом с любимым. Спорщики заговорили тише. Острая боль пронзила виски девушки, но она не прекратила вслушиваться.

— У меня есть чем убеждать.

Последовала долгая тишина, как вдруг Ригфред ответил:

— Это не оправданный риск. Не боишься?

— Рискую только я. А мне терять нечего.

Иналия уже почти очнулась ото сна, почти почувствовала прикосновение Сэлаэля. В кошмаре ее удержал грохот, чей-то вскрик. Что-то тяжелое ударило в дверь. Помещение за дверью наполнилось непонятным треском, словно одна за другой ломались тысячи сухих веточек. Кто-то закричал. Что-то снова ударило в дверь, чуть не сорвав ее с петель.

Иналия закрыла глаза. Раньше ей это всегда помогало проснуться. Она не хотела знать чем закончится этот кошмар. Она изо всех сил хотела проснуться.

Тяжелая дверь с грохотом упала та пол. Иналия зажмурилась. Вернуться в реальность все никак не получалось. Пронзительное верещание Виллы, ее мучительницы из продолжающегося страшного сна, заставило Иналию взглянуть на происходящее. В тесную комнатку вошел человек. Иналия видела темный силуэт, выплывший из облака пыли и тьмы дверного проема. Огонек единственной свечки, догорающей на подоконнике, выхватил лицо вошедшего. Иналия узнала его. Тусклый язычок пламени выхватил лицо Фулдур, придав его шрамам еще более зловещий вид.

— С дороги, старуха! — зло прошипел он, уверенно шагая вперед.

Вилла не отступила под его напором. Перехватила покрепче древко метлы, и ударила. Фулдур с легкостью выбил «оружие» из рук темнокожей женщины. Да так, что она вскрикнула от боли и повалилась на пол.

Фулдур навис над Иналией. От страха девушка вжалась в матрас. Один только вид этого человека вызывал в ней первобытный ужас. Всегда стойкая и сильная духом Иналия оказывалась бессильной всякий раз, когда рядом появлялся он.

— Это всего лишь сон. — шептала она, зажмурившись. — Он не может мне навредить, он мертв. Скоро я проснусь.

Не обращая внимания на бред эльфийки, Фулдур метнул в нее молнию. Но та не ударила в живот девушки, а пробежала током по ремням, освободив пленницу. Одним мощным движением Фулдур поставил Иналию на ноги. Его пальцы крепко сжимали ее плечо до тех пор, пока не убедился, что она не упадет.

— За мной, быстро! — рыкнул он, выбегая за дверь.

Иналии не хотелось идти за ним. Она уже привыкла, засыпая, оказываться во сне, где

странная женщина рассказывает ей что-то на странном языке. Эльфийка уже не боялась ремней, стягивающих ее тело, и отваров, которые по ее мнению и задерживали ее в кошмаре, не давая проснуться. Пусть бы это продолжалось и дальше. Главное она всегда проснется в объятиях Сэлаэля. Дома.

Иналия уже хотела лечь обратно, как Фулдур вошел обратно, подхватил ее, закинув на плечо. Одной рукой придерживая брыкающуюся девушку, он отбивался от охраны другой. Молнии, которые он метал, не давал нападающим подойти ближе или даже ретироваться. В узком коридоре некуда было от них деться.

Один подкрался сзади. С ним мгновенно разобралась Иналия, выхватив из-за пояса Фулдур кинжал. Другого, который все-таки умудрился подойти ближе, она пнула ногой в челюсть. Случайно. Фулдур добил охранника. Путь был свободен.

— Главное помни, что я бессмертен, и лишний раз ножом в меня не тыкай. — Тяжело дыша, сказал Фулдур.

Все еще неся Иналию на плече, он пробежал вперед. Иналия слышала, как впереди преграждает дорогу несколько человек. Позади уже тоже собиралась стража. Фулдур завернул в какое-то помещение, захлопнув дверь. Поставил эльфийку на ноги и задвинул вход тяжелым столом.

— Вы кто такие? — проскрипел старческий голос.

Иналия увидела скрюченного деда. Он явно был слеп и ориентировался только по слуху, который, скорее всего, тоже слаб.

Фулдур проигнорировал старика, прошел к окну. У Иналии перед глазами все плыло, кружилась голова. Но она могла разлечь стелаж с книгами и табурет на котором и сгорбился старик. Она бессильно оперлась о стол, который подпрыгивал всякий раз, когда дверь пытались выбить с той стороны.

— Что тебе от меня нужно? — отточенным стальным тоном потребовала она от Фулдур объяснений.

— Молчи, женщина. И делай, что я говорю. Тогда может и выживешь.

Он отошел от окна, сделал круг по заставленной книжными шкафами комнате. Остановился, схватившись за волосы.

— Придется прыгать. Внизу море. — сказал он наконец.

— И скалы? — испуганно вздохнула эльфийка.

— И скалы. — Подтвердил Фулдур. — Нужно разогнаться и сильнее оттолкнуться от подоконника. Тогда может повезти.

Мужчина разбил стекло, вытащил все осколки.

— Прыгай. Я сразу за тобой.

— Ни за что!

— Как же вы, женщины, любите все усложнять. — проворчал он себе под нос. — Дьявол! Как хочешь, а я отсюда сваливаю. Жду тебя внизу ровно минуту.

И он выпрыгнул в окно, оттолкнувшись посильнее. Иналия не знала что делать. Она растерянно смотрела на окно, в которое врвался холодный ветер и вода. То ли морская, то ли дождевая.

— Отсюда есть другой выход? — спросила она у стража, вжавшегося в стену. Тот помотал головой.

Толстую дубовую дверь прорубил топор. Тут же кто-то выдернул его с той стороны и ударил вновь. В образовавшейся дыре Иналия увидела столпившуюся стражу. Сделала три

глубоких вдоха. Разбежалась. Вскочила на подоконник, оттолкнулась. Вниз она летела, зажмурившись, что бы не видеть острых зубьев скал. Она даже не успела заметить с какой высоты осмелилась прыгнуть. Было неимоверно холодно. Только сейчас, пребывая между небом и водой, она поняла, что одета в одну спальную сорочку. Не успела она закончить мысль, как воздух выбило из легких. Волны над ней сомкнулись, замер последний крик. Страх сковал тело, не позволяя пошевелиться. Ледяная вода проникала в рот и нос. Виски разорвала острая боль.

Прежде чем потерять сознание, Иналия почувствовала, как что-то обхватило ее талию. Это что-то было горячим и крепким, создавая четкую грань, контраст на против зыбкой холодной воды.

Миг — и она смогла дышать. Судорожно хватая ртом воздух, она неосознанно прижималась к груди того, кто ее вытаскил. К тому, кого всей душой ненавидела и боялась.

Откашлявшись, Иналия огляделась. Они сидели на мерзлой земле, а моря даже рядом небыло. Куда ни глянь, всюду только ровная, как стол, степь. И та расплывалась и кружилась пред глазами эльфийки.

Фулдур уже поднялся на ноги. Внезапно согнулся пополам, схватившись за голову. Эльфийскую принцессу оглушил звериный рык, вырвавшийся из горла бессмертного.

У Иналии возникло много вопросов, но она не успела задать ни одного. В глазах потемнело, в ушах загудело. Она услышала, как упала на землю. А дальше была сплошная тьма.

Она снова оказалась в кошмаре. Было темно, ее всю трясло. Бросало то в холод, то в жар. Да еще и кто-то кричал. Крик был жалобным, но вызывал у Иналии только раздражение. Она очень хотела выбраться из этого кошмара, но он, как вязкая смола, не отпускал, затягивал.

Замолчи уже, нас могут найти. — гремел грубый голос над ухом.

Внезапно пришло осознание, что это ее жалобные стоны. Но легче от этого не стало. Она никак не могла прекратить кричать. Ей было плохо настолько, что даже разлепить веки стоило неимоверных усилий.

— Слышишь меня? Кивни, если да. — Перед глазами расплывался чей-то мутный силуэт. Грубый голос не располагал к ответу, но Иналия кивнула, издав очередной стон. — Вставай, нас могут здесь найти.

— Как... — в горле пересохло, Иналия с трудом могла говорить. — Как мне проснуться?

Расплывчатый силуэт что-то раздраженно проворчал.

— Нам нужно убираться отсюда.

— Я устала от этого кошмара. Хочу очнуться.

— Это реальность! Приди в себя же наконец, я устал слушать твой бред! — зло воскликнул обладатель грубого голоса. И добавил уже тише, — Довели девку своими чертовыми зельями.

Веки вновь налились свинцом, и вместе с тем, как они закрылись, замолкли все звуки и стало тепло и уютно.

— Где это я? — Перед Иналией цвел зеленый сад. Душный воздух был наполнен ароматами трав и цветов от палящего солнца ее укрывала крыша широкой веранды. Девушка

приподнялась на софе, на ее плечо легла нежная рука.

— Дома, экорнин. Ты снова все забыла? — родной, заботливый голос ласкал слух. Сэлаэль присел рядом, обнял эльфийку.

— Нет, я все помню.

— снова этот сон?

— Все было так реально, как будто происходило со мной на самом деле. И я очень долго не могла проснуться.

— Все хорошо, экорнин, я всегда буду рядом. — Ласково, почти шепотом, говорил Сэлаэль, прижимая голову девушки к груди.

Снова оказавшись там, где ей быть совсем не хотелось, Иналия открыла глаза. Впервые за долгое время она чувствовала себя в этом кошмаре хорошо. Ей было тепло, сухо, в голове не гудело. Она могла ясно мыслить. И благодаря этому она поняла, что все это происходит с ней на самом деле. Никакой это не сон.

События последних дней нахлынули на нее мощной волной воспоминаний. Побег, странное перемещение в пространстве и устрашающий образ Фулдур. Иналия резко вскочила ударившись обо что-то мягкое, плотное и, судя по всему, покрытое перьями. Это что-то зашевелилось и поднялось, освобождая эльфийку. Она лежала рядом с пегасом, и тот укрывал ее своим крылом. Над ними смыкался не высокий свод пещеры, выход который уходил наверх. В щель пробивался свет. Пол был устлан соломой, только по центру, обложенный камнями, потрескивал костер. Вдруг тьма в углу пещеры колыхнулась. На свет вышел Фулдур.

— Не подходи! — ругая себя за проявление страха, Иналия вжалась в бок пегаса. Все же она еще была слишком слабой, безоружной, да к тому же почти нагой.

Фулдур остановился. На лице его расплылась усмешка, словно все это его только забавляло. Окинув его взглядом, Иналия поняла, что и он был в одной рубахе и подштаниках. Обвела пещеру взглядом еще раз: его одежда развешана на неровных стенах пещеры, а оружие — два кинжала — лежали под ней.

Иналия завернулась в попону, на которой лежала. Встала, гордо вскинув подбородок.

— Я твоя пленница?

— Нет. Если хочешь, можешь уйти прямо сейчас. В сорочке, пешком, — он бросил насмешливый взгляд на ее босые ноги, — и все еще под действием отваров, которыми тебя поили в плену.

— Что тебе от меня нужно?

— Ничего. — без колебаний, твердо ответил Фулдур. Но быстро поправил сам себя. — Почти ничего. — Всегото, чтобы ты не создавала мне проблем, пока я везу тебя к твоему брату.

— Где он? Что ты с ним сделал?

— Прекрати истерить, женщина! Где твое эльфийское самообладание?! Вы с Мариэль заставляете меня все больше разочаровываться в вашей гордой расе. Его высочество Фаолин в столице. Жив и наверное здоров. Об этом сама его спросишь.

Иналия недоверчиво вглядывалась в красные глаза бессмертного. Лутс энэмором ротсмар подсказывал, что Фулдур не лжет. Или она все еще на столько слаба, что не могла этого понять.

— С чего тебе помогать мне?

— Ты бы предпочла, что бы я этого не делал?

— Я бы предпочла, что бы ты не отвечал вопросом на вопрос.

— Какаой же ответ тебя устроит? — саркастично хмыкнул Фулдур, не двигаясь с места.

— Тот, что является правдой!

— Как хочешь. Я помогаю тебе, потому что это выгодно для тебя.

— В чем состоит выгода?

— Снова хочешь правду?

— Естественно! — возмутилась Иналия, пошатнувшись. От разгорающейся злости у нее закружилась голова.

— С чего я должен с тобой откровенничать?

— С того, что от твоих ответов будет зависеть количество и качество твоих проблем. — не колеблясь ответила Иналия.

Фулдур вздохнул, закатил глаза. Сел у костра и жестом пригласил Иналию сесть напротив.

— Хватит демонстрировать свою стойкость. Сейчас она смахивает на глупое упрямство. Как бы ты ни держала осанку и не задирала подбородок, я все равно вижу, как тебя шатает и бьет дрожь.

Помедлив, Иналия селя, прислонившись спиной к теплому боку гнедого пегаса. Он уже спрятал крылья.

— Так чего ты добиваешься? — выдержав паузу, задала она вопрос.

— Хочу присоединиться к вам в этой войне.

— Зачем? Помнится, ты сам пытался захватить Джевелию.

— А это уже не твое дело.

— Ошибаешься. Мое слово будет иметь высокий вес в совете, когда мы будем решать, как с тобой поступить.

— Джевелия — моя земля. Один раз я уже позволил... править ею вам. Теперь ее решили осквернить островные захватчики. Этому случиться нельзя.

— Ты знаешь кто это такие?

— Я же сказал. Островные захватчики. Они живут племенами на далеких островах, где все время лето. Там не бывает зимы. Похоже, им стало тесно на клочках земли, окруженных водой, вот они и пришли за новыми территориями.

Воцарилось молчание. Иналии было сложно принять всю информацию. Голова кружилась и не давала ей сосредоточиться. Тысячи мыслей роились, не давая уцепиться за одну. Но у Иналии все же получилось, и она задала следующий вопрос:

— Ты уже приходил ко мне Я не помню, что было потом.

— Ты потеряла сознание, а твоя сиделка позвала охрану. Меня закрыли в темнице. Как только подвернулся момент, я сбежал и прихватил тебя с собой.

— Откуда ты узнал где меня держат?

— Мне повезло.

— Хорошо, не хочешь говорить — не надо. Но как мы оказались в степи, когда прыгнули в в оду?

— Ты пошла ко дну, я бы не смог тебя вытащить. Пришлось телепортироваться. Только больше мы так делать не будем.

— Иналия вспомнила, как Фулдур скрючился от боли после телепортации и спорить не

стала. Бессмертный протянул ей через костер флягу. Языки пламени лизали его кожу, но он не обращал внимания. Иналия приняла флягу, принялась к содержимому. Пахло какими-то травами.

— Отравлено?

— Не доверяешь? Могу сам выпить.

— Ты не устаешь напоминать о свое бессмертии, думаешь, я на это поведусь?

— Как знаешь.

— Что во фляге?

— Отвар. Противоядие от того, чем тебя поили.

Лутс энэмором ротсмар снова говорил о честности Фулдур. Но Иналия не спешила доверять даже собственным чувствам. Она сделала вид, будто отпила. Фулдур не дал себя обмануть. Закатив глаза фыркнул, и забрал у девушки флягу. Выглянул из пещеры.

Вчерашняя метель закончилась. Если поторопимся, успеем до следующей добраться до какого-нибудь постоянного двора.

Мужчина принялся одеваться. Потом отобрал у эльфийской принцессы попону, заседлал пегаса. Окинул взглядом девушку, оставшуюся в одной сорочке, едва прикрывающей колени. Кинул ей свой плащ. Вывел пегаса на улицу, помог Иналии забраться на скакуна, сам сел позади нее, взял поводья.

— Это не обязательно. — возмутилась Иналия.

— Что будешь делать, если сознание потеряешь? Будешь сидеть сзади — свалишься.

Иналия хотела возразить, но не нашла слов. Они тронулись с места. Пегас рысью направлялся вдоль дороги.

— Почему не по тракту?

— Есть желание увязнуть в луже?

Эльфийка перестала задавать вопросы. Даже закутавшись в плащ, ей было холодно, поэтому она натянула капюшон почти до самого носа. Несколько минут ехали молча. Вдруг Фулдур выругался, подогнал скакуна.

— За нами хвост.

Иналия попыталась оглянуться, но за Фулдуrom ничего небыло видно. Волосы вырвались из капюшона, беспорядочно хлестая Фулдур по лицу.

— Убери свои косы, пока я их не вырвал! — крикнул он. Иналия как могла запихала локоны обратно в капюшон.

Фулдур свернул к тракту. Выругался. Потянул за стремяна. Пегас раскрыл крылья и они взлетели. Иналия вцепилась в гриву крылатого коня.

— Черт! Погоня тоже с крыльями. — ругался Фулдур. Тут же метнул молнию. И еще одну.

Иналия услышала протяжное ржание. Зажмурилась, пытаясь унять головокружение. А когда открыла глаза, увидела того, кто за ними гнался.

— Остановись! — закричала она, повернувшись к Фулдуру. — Вниз, живо!

— С ума сошла?

— Я сказала живо!

Фулдур в который раз закатил глаза, но послушался. Минута — и они уже стояли на земле. Рядом приземлился белый пегас, с него соскочила Дэйли, бросилась к Иналии.

Рыжеволосая принцесса тоже спрыгнула с коня, бросилась в объятия племянницы. Они долго стояли, обнявшись. Приближался стук копыт. Иналия вздрогнула, стала искать

глазами источник звука.

— Все в порядке, это Игеред и Агнар. — Успокоила ее Дэйли. — А это кто?

— Мое имя Фулдур бессмертный. — представился мужчина.

Дэйелис в тот же миг выхватила меч, пряча за спиной Иналию.

— Я слышала о тебе, Чекнутый Зевс.

— Все в порядке, Дэйли, он меня спас. — Вмешалась Иналия, не веря тому, что защищает человека, семь лет истребляющего Джевелиян. — Ему нужно поговорить с советом королей.

Иналия, Дэйли вдруг стала очень грустной. Посмотрела на нее виновато.

— Арагнаст и Элэйс...

— Я знаю.

Агнар и Игеред наконец догнали их. Дэйли в крадце рассказала им что случилось, кто такой Фулдур и чего тот хочет. Парни помолчали, задумавшись. Пока все были в замешательстве, Дэйли открыла свою сумку и достала оттуда запасную пару обуви и одежду, помогла Иналии одеться.

— Что нам с ним делать? — спросил Игеред, обноженным мечом указывая на Фулдура.

— Ему нужно в Малат? Пусть едет с нами, но как пленник. — предложил Агнар.

— Меня спросить никто не хочет? — усмехнулся Фулдур. — Ваши железки мне не страшны, а в кандалы я не позволю себя заковать.

— Этого и не потребуется. — Твердо ответила Дэйли. — Ты принесешь клятву на языке драконов.

Глава 15. Борьба с самим собой

Двери с грохотом распахнулись. Эльфы лишь на мгновение замерли, обратив взоры на вошедшего, и продолжили тренировки. Зазвенела сталь, зашуршала одежда. Те немногие, что стояли в стороне, провожали взглядом нежданную гостью. Послышались перешептывания. Появившаяся в тренировочном зале казармы Мариэль стала главным предметом всеобщего внимания. Ни для кого не секрет, что последние несколько лет Тайвос висел на стене, как декоративная мебель. И вот, спустя столько времени, Мариэль решила вернуть былые навыки.

Гордо вскинув подбородок и глядя перед собой, она прошла через зал для тренировок. С краю было свободное место, где она и остановилась. Оставила Тайвос, прислонив его к стене и начала разминку. Вспоминая упражнения, которым учил ее Резхарас. Некоторые эльфы украдкой следили за ней, не в силах обуздать свое любопытство.

Не смотря на то, что Мариэль долгое время не тренировалась, навыки она почти не растеряла. Все упражнения выходили у нее так, как и должны были. Перейдя от легких к более сложным, Мариэль все-таки заметила, что придется попотеть, что бы вернуться в былую форму. Самые сложные упражнения она решила сегодня не затрагивать. Все-таки это был ее первый день после долгого перерыва.

После того, как Максин каждый день настойчиво твердила, что с мечом она куда лучше выглядит, чем с короной, Мариэль решила прислушаться к подруге. Первые три дня по прибытию в Малат она была занята, решая вопросы, возложенные на ее плечи после смерти короля и отчаявшегося Фаолина. Гаяс и Дельвин ей во всем помогали. Гаяс направлял ее и попутно обучал быть правителем на примере королевы Элейс и короля Арагнаста. В то время как Дельвин подсказывал какое решение лучше принять. Мариэль доверяла им обоим и прислушивалась. Однако бывало, что возникали разногласия, ведь о собственном мнении она так же не забывала.

Когда же выдалось свободное время, Мариэль взяла Тайвос и отправилась в одну из казарм, где разместили эльфийское войско. Ей бы очень не хотелось подвергаться сплетням, но других мест для тренировок здесь, в Малате, не было.

Живя среди существ, скрывающих свои эмоции лучше других, Мариэль научилась различать их настроение. По малейшему движению брови, взгляду, позе. Поэтому, войдя в казарму, она тут же поняла что думают о ней подданные.

Кто-то сочувствовал ее утрате и провожал сочувственным взглядом. Кто-то сомневался в ее силах. Кому-то было все равно. Но были и такие, кто восхищался ее силой духа.

Мариэль же, не хуже других владеющая лицом, выражала только сосредоточенность на своих действиях. Отточенным движением вынула Тайвос из ножен. Прочертила извилистые линии в воздухе так, что лезвие со свистом рассекало пространство. Сначала она двигалась медленно, плавно выписывая пируэты и вольты. Но с каждой минутой темп ускорялся и вот она уже скакала и вертелась так, что ее движения едва улавливались.

Закончив бой с воображаемым врагом, Мариэль поймала на себе взгляды эльфов, полные вернувшейся надежды и уважения.

— Кто из вас окажет мне честь сойтись в честном поединке?

Эльфы переглянулись, зашептались. Вперед вышел беловолосый эльф. Склонившись в

неглубоком уважительном поклоне, он проговорил шершавым голосом:

— Для меня честь считаться достойным соперником Посланницы Солнца.

Соперником он оказался и правда достойным. Эльф был быстр и ловок. Он не пропустил ни одного выпада. Каждый его удар был твердым, уверенным и быстрым. Порой Мариэль не успевала отражать их и тогда приходилось уклоняться. Бой был великолепен, как танец двух разъярившихся драконов. Он затянулся на долго. Никто не уступал. Пусть Мариэль давно не тренировалась, мышечная память ее не подвела. И все же в конце концов Тайвос вылетел у нее из рук. Увернувшись от рубящего удара, она подскочила к одному из эльфов, наблюдающих за их сражением, и выхватила у него из ножен парные кинжалы. Они были еще легче, чем Тайвос, а потому давали больше раскованности движениям. Вновь зазвенела сталь. Закончился поединок неожиданно. Меч эльфа оказался у шеи Мариэль. А ее кинжал упирался эльфу в солнечное сплетение.

На мгновение в зале повисла тишина. И слышно было только тяжелое дыхание дуэлянтов. А потом эльфы разразились радостными криками, чего Мариэль никак не ожидала.

— Хороший был бой, благодарю. — Произнёс эльф, убирая свой клинок в ножны

— Воистину, давно у меня не было столь талантливого и стойкого противника. — Мариэль слегка склонила голову и согнула колени, выражая уважение. Эльф ответил ей тем же, весело сверкнув темно-синими глазами.

— Вы должно быть меня не помните, ваше высочество. — Беловолосый и синеглазый эльф подал Мариэль ножны Тайвоса, игнорируя всеобщее внимание и ликование толпы.

— Возможно, если вы напомните мне...

— Мое имя Илон, я...

— Вы были моим телохранителем после похода к Драконьей скале, как я могла забыть!

— Я надеялся стать частью вашей команды, отправиться с вами в Вакрохалл. К сожалению, светлейший владыка отказал в моей просьбе.

Мариэль смутилась, вспомнив, что именно она просила короля оставить Илона в Маргинге. Кто знает, может сейчас он был бы для нее таким же другом, как Кирби, Иналия и Валсидал. Хорошо это или нет, Мариэль не знала.

— Уверена, вы были полезны там, где были. — Вежливо ответила она, собираясь уходить.

— Что здесь происходит? — Раздался властный оклик военачальника. Все тут же вернулись к своим тренировкам.

— Похоже мне пора. Спасибо за поединок, Илон.

— Буду рад вас снова видеть.

Мариэль, так же гордо вскинув подбородок, прошла к выходу. Военачальник бросил на нарушительницу порядка грозный взгляд, но ничего не сказал. Эти несколько часов тренировок вернули Мариэль уверенность в себе и своих силах.

— Нет ничего хуже жалости, с которой все на меня смотрели. — Вздохнула Мариэль, рассказав обо всем Дельвину.

— Вспомни их лица, когда ты выходила оттуда. Ты вернула им надежду. Было бы куда хуже, не приди ты туда вообще.

— Ты прав. На меня бы и дальше смотрели, как на мать, потерявшую дитя, а не как на своего предводителя.

— А ты их предводитель?

— Временно. Когда Иналия... прибудет сюда, будет избран новый король или королева.

— Фаолин первый претендент на трон. А значит ты станешь королевой.

— Ты говоришь это, исходя из очевидных вещей, или потому что предвидел?

— Прежде чем задавать вопрос, убедись, что хочешь знать ответ.

— Спасибо тебе... — Дельвин вопросительно поднял бровь. Мариэль усмехнулась, но ответила на его немой вопрос. — За твою поддержку.

— Кое-кому она тоже нужна. Когда в последний раз ты говорила с Фаолином?

Мариэль виновато опустила голову, вспоминая последнюю, а по совместительству и первую после рассказа о случившемся в Приюте Третьего Солнца, беседу с мужем. Обида дикой кошкой прокралась в душу, принявшись точить свои острые когти о ее мягкое сердце. Это произошло три дня назад, через несколько минут после того, как Мариэль узнала о побеге дочери. Она нашла Фаолина в трапезной. Он сидел понуриив голову и размазывал ложкой еду по тарелке. Вид у него был настолько печальным, что казалось будто все вокруг вяло и тускнело от его мрака. Мариэль боялась сообщать ему новость. Боялась еще сильнее расстроить его. Но, если она не скажет сейчас, потом будет еще хуже.

— Фаолин, я должна сказать... — Начала она, присев за стол. Услужливый стюард принес тарелку с ароматной кашей, но Мариэль не притронулась к еде. — Дэйли...

— Я знаю. — Прервал ее эльф, отодвинув свою порцию. — Дэйелис ушла ночью искать Иналию. С моим благословением. — Он говорил холодно, без интонации, бесчувственно.

— И ты ничего мне не сказал? — Возмутилась Мариэль, чуть не вскочив с места и не уронив стул.

— Ты узнала раньше, чем я собирался...

— Ты должен был сказать мне сразу!

— И что бы изменилось? Тем более ты спала.

— Ты знаешь, что это не так! — Воскликнула она, звякнув ложкой. Мариэль едва могла сдержать дрожь, так ее трясло от злости и обиды. Она покинула трапезную, даже не взглянув на Фаолина. Стремительным шагом она вышла за пределы цитадели и затерялась в городских улицах. Чуть не сбитая всадником и едва не обрызганная отходами, вылитыми кем-то из ока, Мариэль в конец растерялась. Но вовремя обратилась к покою, дарованному Анорсель.

Вернувшись в цитадель, она углубилась в сад. Рухнула на колени, спрятав лицо в ладони. И почувствовала тепло и запах жаркого лета.

— Что я могу сделать для тебя, дитя? — Анорсель возникла прямо перед ней. Ее голос звучал, как птичьи переливы. Нежно, ласково.

— Расскажи мне что-нибудь. О мирах, о других духах. Пожалуйста. — Стирая слезы тыльной стороной ладони, попросила Мариэль. — Люди верят, будто души умерших попадают в Элизиум. Существует ли приют для душ на самом деле?

— Элизиум... Еще одно название Ваставы, или планеты Земля... — Начала рассказ солнечная дева, присев рядом с Мариэль. — Люди, умирая, рождаются снова в Ваставе. А умирая там, перерождаются в Кёте. И так раз за разом. Им дана эта возможность как бы взамен бессмертию или долголетию.

— А что же до эльфов или гномов?

— Гномы перерождаются лишь один раз, после чего их дух угасает, как гаснет огонь. Эльфы же попадают в астрал. Иногда даже раньше, чем умирают.

— Да, я читала об этом. Но что такое астрал?

— Мир грез, созданный самими эльфами, без вмешательства нас, духов. Я не знаю как им это удалось, ведь меня там не было.

— Мой сын... он там?

— Нет. Его огонь угас, не успев разгореться. Он ни о чем не мечтал, а потому и в астрал попасть не мог. Но вы встретитесь с ним, когда придет время. Ведь в твоих мечтах он есть. Главное не торопись попасть туда раньше назначенного срока.

— Ты сказала, люди перерождаются в других мирах. Значит ли это, что Лаврен и Валсомир сейчас в Ваставе?

Анорсель улыбнулась, тепло, приветливо. Кивнула. И исчезла, оставив только запах душного лета, который совершенно не вязался с зимним садом.

— Вы напрасно отдалились друг от друга. — Вернул Мариэль в реальность голос Дельвина. — Дар Анорсель это конечно хорошо, но настоящий покой ты обретишь, только когда вы оба вспомните о том, как сильно друг друга любите.

— Ты как всегда прав. Я сейчас же...

— Госпожа Мариэль! Вас ждет советник Гаяс в своем кабинете. — Гонец, убедившись, что Мариэль получила его послание, тут же поспешил выполнять очередное задание. В кабинете Гаяаса он был не один. Мариэль с облегчением обнаружила там Вакрохалльского военачальника Анорзада. Обернувшись на звук открывшейся двери, он тепло поприветствовал ее:

— Лэш эфоко тогон тэйл! Рад вас видеть, госпожа Мариэль.

— Лэш эфоко тэйл эпримэ! Мы ожидали вас на два дня раньше. Что вас задержало?

— Снегопады. Если их можно таковыми назвать. В Вакрохалле нам приходилось разгребать сугробы, что бы войско могло пройти, но едва мы преодолели Медвежий перевал, дороги на нашем пути размыло нескончаемыми дождями.

— Погода, как ни странно, играет нам на руку. — Взял слово Гаяс. — Начинается сезон, когда осадки будут выпадать каждый день. Дороги станут совсем непроходимыми. Это задержит Черных ящеров на юге Джевелии как минимум еще на месяц. За это время мы успеем подготовиться. И лишь только дожди перестанут, нападём первыми. Но позвал я вас, госпожа Мариэль, вовсе не за этим. Нужно решить несколько вопросов. Для начала, нам нечем платить наемникам из Фрикарда...

Разрешение проблем затянулись на долгие часы. Мариэль знала, что дела монархов нудны и трудны, но подумать не могла, что на столько все плохо. Покончив наконец с самыми неотложными делами, она направилась в покои, надеясь найти там Фаолина. Однако мужа там не было. Совершенно обессиленная, Мариэль плюхнулась на кровать, не снимая сапоги.

— Тебя заставит улыбнуться мысль о том, что мы уже близко? — раздался бархатистый голос Малвеля. Мариэль вздрогнула от неожиданности. Повернула голову к зеркалу, встретившись взглядом с другом. Он ободряюще улыбался, от чего уголки губ Мариэль сами поползли вверх.

— Через пару дней минует Медвежий перевал. — Продолжал весело рассуждать эльф. — Холод тут собачий, дорогу всю снегом замело. Если и дальше так сыпать будет, боюсь к Билиан-Нуа не успеем. А у вас как с погодой?

— Сыро, холодно и серо. — Ответила Мариэль, поднимаясь с кровати и подходя к зеркалу. — Зато есть вероятность, что до Билиан-Нуа оживем без битв.

— Представляешь, видел сегодня бельчат и они...

Малвель развлекал Мариэль как только мог, не затрагивая тем, которые могли бы ее расстроить. Они разговаривали долго, и даже не заметили, как быстро пролетело время.

— А где Лафитлин? — Спросила она, удивленная тем, что подруга даже не подошла поздороваться.

— Она... — Малвель осекся, впрочем тут же ответил. — уже спит.

По шее Мариэль пробежали мурашки... Улыбку словно сорвали с ее лица.

— Ты сам учил меня лугс энемором ротсмар, а теперь лжешь в глаза и не краснеешь! — Малвель стыдливо отвел взгляд. — Что произошло? Не бойся говорить, если она решила вернуться домой. Мне приятна забота вас обоих, но в Вакрохалле безопаснее. Мне было бы спокойнее, останьтесь вы дома.

— Ты никогда не умела принимать помощь. — Усмехнулся Малвель, но как-то грустно.

— А ты как всегда заговариваешь мне зубы! Ответь на вопрос! Где Лафитлин? — Мариэль заговорила так строго, как даже с проказничающей Дэйли не разговаривала.

— Я...я не знаю. — Сдался Малвель. Не дожидаясь пока Мариэль силой начнет вытягивать из него сведения, Малвель сам все рассказал. — Трактирщик видел, как она садилась с тем незнакомцем на пегаса. То, что это был именно пегас, я понял потому, что никак не смог его отследить. Подозреваю, что тот мужчина — шпион Черных ящеров, выкрал принцессу Вакрохалла, что бы Анорзад не посмел вести против них свое войско.

— Ты сказал, что она сама ушла вместе с ним.

— Так сказал мне трактирщик... Сам я ничего не видел. А тот человек мог не так понять или придумать... Ее могли околдовать, или завладеть ее разумом. Барьер у нее не самый прочный.

— Мы найдем ее. — С уверенностью сказала Мариэль. — Дэйли уже ищет Иналию с помощью путевого гранита Тасфиака. Как только они вернутся, мы так же найдем и Лафитлин. А ты езжай в Малат, а не в школу.

Малвель кивнул. Оба молчали, пока кто-то из-за спины Малвеля не позвал его.

— До скорой встречи, Мариэль.

— До скорой встречи. — Эхом ответила Мариэль.

Изображение в зеркале погасло. В его серебристой поверхности отразилась Мариэль. Потерянная, испуганная. Еще одной проблемой прибавилось. Будто мало было того, что ее сын умер, а дочь сбежала и теперь неизвестно где подвергает свою жизнь опасности. Что с Фаолином они снова как чужие, Иналия пропала, Джевелия охвачена пожаром войны, сильные и мудрые правители мертвы, а новый король людей — праздный невежа.

Она мерила шагами комнату, не зная как поступить. Нельзя просто сидеть и ждать, когда Дэйли принесет ей гранит. Внезапная мысль — а знает ли о пропажи дочери король Элеот? — заставил Мариэль остановиться посередине комнаты. Скорее всего Малвель ему не сказал. А стоит ли говорить ей? Конечно! Нужно обязательно сообщить. Лафитлин надо найти и как можно скорее, а помощь короля Вакрохалла этому только поспособствует!

Не исключено, что он и вся королевская семья, включая Элеота, возненавидят Мариэль. Ведь именно из-за нее Лафитлин покинула безопасные стены Эфелона. И пусть! Пусть все они обозлятся на нее, но предпримут все, что в их силах, что бы найти и спасти Лафитлин.

Мариэль ринулась в сад, где в этот час гулял Анорзад. Тревожить короля по рубину

связи она не решилась. Письмо будет идти слишком долго. Зато ей было известно, что военачальник каждые два дня связывается с королем. И завтра как раз был такой день. Она надеялась, что Анорзад передаст ее послание и снимет с нее тем самым часть ответственности.

Анорзад встретил ее снисходительной улыбкой. Однако, выслушав Мариэль, тут же посерьезнел. Никаких других эмоций он не выразил ни мимикой, ни словом.

— Завтра утром король уже будет оповещен. А я сейчас же отправлю сыщиков.

— Спасибо. И извините, что...

— Мариэль. — перебил ее эльф. — Тебе не за что извиняться. И еще кое-что, — сказал он, когда Мариэль уже развернулась и собиралась уходить. — Любая рана рано или поздно затягивается. И всякий знает, что вслед за дождем на небе появляется солнце. Каждое утро напоминает нам о том, что после темноты становится светло. Тьма позволяет свету сиять ярче. Помни об этом.

Анорзад исчез на извилистых дорожках зимнего сада. Мариэль осталась на месте, глядя на мокрый гравий под ее ногами. С неба сыпались мокрые хлопья снега, тут же тая, упав на землю.

Вспомнив, что собиралась поговорить с Фаолином, Мариэль достала из кармана зеркальце.

— Над но энос тиарли Фаолин.

Она увидела его. Он стоял на склоне горы, натягивая тетиву. Свист, хруст. Стрела вонзилась в сухой ствол корявой ели, на столько старой, что все ветки с нее давно осыпались, не говоря уж об иголках.

— Не приходи. — Сказал Фаолин железным тоном, почувствовав, что Мариэль за ним наблюдает.

Мариэль закончила действие заклинания. Но мужа не послушала.

— Ага, как же! Так я и сделаю! — проворчала она и направилась к Золотой горе. Словно зная куда идти, ноги сами вели ее. Хватит Фаолину пребывать в одиночестве. У нее, Мариэль, есть друзья, которые пересекут горы и нырнут на дно океана ради нее. Неужто она не сделает то же самое ради любимого?

Когда она услышала свист стрел, уже совсем стемнело. Снего-дождь все никак не прекращался. У обрыва перед старой трухлявой елью стоял Фаолин. Казалось он и не менял позу с того момента, как Мариэль выдела его в зеркале.

— Я просил не приходите.

Свист. Треск. Фаолин потянулся за очередной стрелой. Последней.

— Уже поздно. Идем д... в цитадель. — Почти шепотом, нежно позвала его Мариэль. Он не ответил. Дождь усиливался. Фаолин весь промок. Он был без плаща. В одной куртке уже тяжелой от впитавшейся в нее воды. Мариэль подошла ближе. Но Фаолин отстранился. Дошел до ели, выдернул из нее свои стрелы и вернулся в исходное положение. Не в силах больше сдерживаться, Мариэль в одно мгновение преодолела расстояние между ними и обвила его крепкую грудь руками. Она сжимала кольцо объятий так крепко, будто хотела протиснуть его в свое сердце и заточить там навсегда.

— Возвращайся в цитадель. — Так же сухо ответил Фаолин, заставив ее отстраниться. Только теперь она поняла, что он не обнимал ее в ответ. Даже позы не сменил, а так и остался стоять, как статуя. — Уходи.

— Нет. Ты пойдешь со мной. В ином случае я остаюсь здесь. С тобой!

Она зажгла шарик света, осветивший склон. Фаолин пожал плечами, отвернулся и вновь наложил стрелу на тетиву. Снова точное попадание.

— Теперь я.

Мариэль не была намерена сидеть и ждать. Отобрав лук у мужа, она выпустила стрелу. Она вонзилась в такой близости от стрелы Фаолина, что между ними не протиснулся бы и комар. Довольная собой, она протянула лук Фаолину. Так по очереди они выпустили весь колчан. А потом вместе собрали стрелы.

— Ты промокла. — Впервые за долгое время в голосе Фаолина послышалась обеспокоенность.

— Ты себя-то видел? — улыбнулась в ответ Мариэль.

— Идем. Уже поздно.

Фаолин обнял Мариэль за талию и повел ее вниз по склону. Камни были мокрыми. Поддерживая друг друга, они спустились. И вместе вернулись в цитадель.

Со дня встречи с Мариэль, Фаолин вдруг почувствовал резкую потребность в одиночестве. Всякий, кто пытался нарушить его покой, вызывал в нем только злость и раздражение. Ему было трудно скрывать злость хотя бы за равнодушием. Поэтому, избегая каких-либо встреч, он уходил на склон Золотой горы. Там он нашел старую трухлявую ель на краю обрыва, которая стала мишенью для его стрел.

Стреляя, он задавал себе вопросы и искал на них ответы: Почему Мариэль так равнодушна к смерти сына? Почему он за это на нее злится?

Сейчас она как никогда напоминала ему мать, королеву Элейс. Она тоже в трудные минуты не позволяла ни себе ни детям опускать руки. Всегда шла вперед с поднятой головой, словно ничего и не случилось. Фаолина всегда раздражала эта бесчувственность, бессердечность. А теперь такой стала его жена. Этот факт не давал ему покоя.

Возвращаясь в тот вечер в цитадель, он встретил Дэйли, выходящую из ворот города.

— Куда это ты собралась?

— Отец, я найду Иналию. И ты меня не остановишь!

Фаолин оценил снаряжение дочери взглядом. Она взяла пегаса Лиру и его, Фаолина, короткий клинок.

— Она же твоя сестра, я вообще удивлена, что ты сам не...

— Будь осторожна. — Фаолин прижал дочь к груди.

— Как... ты не собираешься меня останавливать?

— Нет. Езжай, найди Иналию. И будь осторожна.

— Буду.

Дэйли вскочила на пегаса и поскакала быстрее ветра.

Следующим утром Фаолин снова отправился на склон. И весь день провел, стреляя в трухлявое дерево, вернувшись только под вечер. Однако, как он ни старался избежать лишних встреч, ему не удалось. У входа в цитадель его поджидал Златоэорис.

— Ваше высочество! Простите, что отнимаю время. Но я видел сегодня Мариэль. И ее настроение мне не понравилась. Она говорила с вами?

— Да. Утром. Боюсь, я мог ее обидеть.

— Это уже не впервые. — Скрестив руки на груди, заявил Златоэорис. — Она любит вас, и в жизни вам грубого слова не говорила. А вы с ней так поступаете!

Парень угрожающе надвигался на эльфийского принца.

"Златоэорис, прекрати!" — вмешалась Либрэ, но он и не подумал останавливаться.

— Как вы не понимаете: ей тяжело, больно... Она потеряла дитя. Но держится и даже улыбается. Потому что знает, что жизнь не окончена. В отличие от вас! Вы ведете себя ужасно по отношению к ней. Она такого не заслуживает!

— Ты прав. Я хочу это исправить. Как раз направляюсь к ней, что бы извиниться.

— Так я и знал. — Самодовольно ухмыльнулся Златоэорис. — Я вас проверял. Если бы вы сорвались на меня, я и близко вас к Мариэль не подпустил.

— Спасибо. — Выдержав паузу, сказал Фаолин.

Войдя в покои он обнаружил Мариэль спящей. Причем в весьма необычной позе. И ей явно снился кошмар. Прогнувшись в пояснице, Мариэль свешивалась в края кровати и касаясь головой и одной рукой пола. Изредка вскрикивая сквозь сон, она хмурилась и жмурилась, словно пытаясь отогнать неприятное видение.

Фаолин подскочил к ней, приподнял ее, уложив головой на подушку. Опустился рядом на колени. И, поглаживая ее волосы, нашептывал ей на ухо:

— Следуй за моим голосом, Нойа Лемавэ. Тьма отступает, а перед собой ты видишь море и наш дом. Вдалеке кричат чайки и ветер несет тучки золотого песка. Я рядом и все хорошо.

Его слова явно помогали. Мариэль перестала сжимать в кулаках простынь и лицо ее вновь стало спокойным и умиротворенным. Дыхание выровнялось. Фаолин лег рядом, не переставая гладить ее по волосам. Как же он мог злиться на нее?

И все же утром он снова отправился на склон горы. Так он проводил каждый день. Утром уходил, пока Мариэль еще была в постели, вечером возвращался в цитадель, когда Мариэль уже спала. Видя ее спящей, он вспоминал те далекие времена, когда в покое он наблюдал за ней ночами напролет. Лишь во сне она оставалась неизменной. Но что бы принять ее перемены, ему требовалось время. Поэтому он и прятался на склоне, пока она сама не нашла его убежище.

В тот вечер он убедился, что, если Мариэль и изменилась, то только в лучшую сторону. И кое-что все же осталось в ней от той Мариэль, которую он полюбил. В цитадель они вернулись вместе. По дороге он просил прощения за свои слова. А она смеялась и называла его дураком.

Этой ночью он наконец уснул спокойно. Обнимая Мариэль, пристроившую голову у него на груди. И на этот раз проснулся к обеду. Мариэль уже не было. Решив, что пора бы вернуться к своим обязанностям, Фаолин принялся за уже привычные, но не самые приятные дела. Однако, куда бы он ни пришел, за что бы ни взялся, все уже было сделано и решено без него.

— Кажется, из Мариэль выйдет не плохая королева. — Посмеялся Кирби, когда Фаолин выразил ему свое недоумение. — А ты думал кто всем теперь занимается? Наш Ларимарчик без дела не сидит.

Глава 17. Союзник

Золотая гора задрожала, побеспокоенная фанфарами труб. Жители столицы, привыкшие к подобному приветствию членов королевской семьи, вышли на улицы, высунули головы из окон, провожая взглядами и громкими радостными криками пятерку всадников на четырех конях. Все они были эльфами, за исключением того, чьи руки были связаны.

— Да здравствует принцесса Иналия! Да здравствует принцесса Дэйелис! Хвала Игереду и Агнару! — Раздавались многоголосые кличи со всех сторон.

— Глянь, дружище, — расхохотался Игеред, — Мы знамениты!

На террасе цитадели собралась вся знать. По длинной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, бежал Фаолин. За ним, подобрав подол и стуча каблуками, спешила Мариэль. Радость на их лицах сменилась смятением, когда они увидели Дэйелис, поддерживающую. Объятую сном Иналию. Однако Фаолин не замедлился ни на мгновение. Он спустил сестру с пегаса, подхватив ее на руки. Он с замиранием сердца всматривался в ее бледное лицо, ловил слабое дыхание. И, словно она ничего не весит, с той же прытью понес Иналию в цитадель.

Мариэль же бросилась к дочери. Едва ноги Дэйли коснулись земли, она угодила в нежные объятия матери.

— Ты не ранена? — Мариэль крепко сжала плечи Дэйли, оглядывая ее со всех сторон. Не обнаружив на дочери ни ран, ни ссадин, она с облегчением вздохнула.

— Иналии нужно противоядие. — Проговорила Дэйелис

— Мы найдем листья Триагаша.

— Они ей не помогут. — обратил на себя внимание пятый всадник. Увидев его, рука Мариэль сама легла на рукоять ножа.

— В темницу его! — крикнула она. Стража тут же подчинилась. Ко всеобщему удивлению Фулдур не стал сопротивляться.

— Я ожидал больше благодарности за спасение принцессы. — Только и хмыкнул он. — Я явился к вам по доброй воле.

— По доброй воле, что называется веревкой. — Мариэль покосилась на его связанные руки. — Уведите его, поговорим с ним позже.

Стража послушалась незамедлительно. Мариэль предупредила их быть на чеку, и поспешила за Фаолином. Дэйелис и оба рыжих эльфа не отставали.

В покоях над Иналией склонился один из лучших эльфийских врачей. Фаолин в ожидании заламывал руки. Мариэль поддерживающе обняла его со спины. Дэйли крепко сжала руку отца. Агнар и Игеред тактично остались за дверью.

— Госпожа Иналия на половине пути в астрал. — Заговорил наконец врач. — Ее дух сломлен, а тело отравлено. Это странный яд, я таких еще не встречал.

— Эмолит. — Сказала Дэйелис. — Он расслабляет и рассеивает мысли. В больших количествах делает из человека безвольную куклу. Листья триагаша перед ним бессильны, ибо это не яд, а лекарство.

— Откуда тебе известно? — Удивился врач. Мариэль и Фаолин тоже с недоумением глядели на дочь.

— Фулдур рассказал. У него было противоядие, но его не хватило, что бы удержать Иналию в сознании на долго.

— Значит он знает из чего его можно сделать. — догадалась Мариэль. — Я узнаю рецепт.

Она уже направилась к выходу, как в покои ворвалась Максин.

— Отойдите. Дайте же пройти! — Чародейка вихрем пронеслась к кровати и оттолкнула лекаря. Фаолин хотел схватить нахапку и выгнать вон, но Мариэль удержала его. — У меня есть противоядие.

Светловолосая девушка вынула из широкого рукава маленькую склянку, подняв ее так, что бы каждый мог увидеть.

— Мой господин, — целитель преградил Максин подход к спящей принцессе, — вы верите этой... шарлатанке?

Мариэль обернулась на звук скрипнувшей двери, встретившись с синими глазами. Дельвин деликатно прикрыл за собой дверь и почти бесшумно подошел ближе. Едва заметно улыбнувшись, он кивнул Посланице Солнца, и это был не знак приветствия.

— Моя магия ничем не отличается от твоей, эльф. — Прошипела Максин, взмахнув руками, словно хотела отмахнуться от лекаря, как от назойливой мухи.

— Пусть делает, что считает нужным. — Переглянувшись с Мариэль, приказал Фаолин.

— Как скажете, владыка. — Смирненно склонился целитель и удалился. Однако на лице его все еще читалось недовольство.

— Помогите мне, ваше высочество. — попросила Максин.

Фаолин придержал голову сестры, пока чародейка поила ее противоядием. То, как она обращалась в тот момент с принцессой, никак не вязалось с ее обыкновенной шумной и слегка небрежной манерой. Максин прикасалась к рыжеволосой эльфийке очень осторожно, словно та была хрустальной.

— Ни в коем случае нельзя ее будить, как шумом, так и магией. — почти шепотом говорила чародейка. — В астрале ей хорошо, если при пробуждении она испытает стресс, уйдет в небытие навсегда. Отваром нужно будет поить каждый час, пока не очнется.

— Ты займешься этим? — с мольбой обратилась к подруге Мариэль.

— Кто, если не я. — хмыкнула Максин. — А теперь все на выход!

Строгий взгляд девушки заставил всех повиноваться беспрекословно. Только Фаолин остался еще на минуту. Максин с пониманием кивнула. Она была слишком преданна себе, что бы в ее синих очах можно было заметить сочувствие. Но в глубине души она разделяла переживания принца. И не потому, что Иналия была ей близка — их вообще ничего не связывало — а от того, что Максин могла себе представить, что испытывала бы, окажись на месте эльфийки Дельвин.

— Только не на долго, ваше высочество. — Сухо проговорила она и тихонько прикрыла за собой дверь.

Сейчас, когда младшая сестра наконец рядом, Фаолин не хотел отходить от нее ни на шаг. Они оба потеряли мать и отца в один день. Ему казалось, что он потерял и ее, но вот она — перед ним. Наконец-то рядом. У него есть жена и дочь, что не дадут кануть во тьму скорби. Но Иналия одна. Кто утешит ее? Прижмет к плечу, сотрет слезу с щеки? Фаолин единственный родной человек для нее. Он сделает все, чтобы Иналия легче перенесла гибель родителей. Что бы она не почувствовала себя одинокой.

Сжав ладошку сестры, он коснулся ее холодных пальчиков губами. Поправил прядь огненно-рыжих волос. В сердце вспыхнула злость, стоило ему заметить тонкие ниточки седины в локонах еще слишком юной для этого сестры. Одному Минвэ известно, какие

страдания выпали на ее долю. Он успеет поквитаться с виновниками, а пока, преодолев желание остаться, Фаолин вышел из покоев принцессы.

Почти не осознавая себя, Фаолин пришел в тронный зал. Там за длинным столом, предназначенным для собраний и обедов, сидели Мариэль, Дэйли, Максин и Дельвин. Ждали его. Когда Фаолин присоединился к ним, Дэйелис начала свой рассказ. Он был не долгим. Никаких выдающихся приключений в их походе не было, чем девушка была немного расстроена. Обхватив плечи, Дэйелис рассказала о погоне за Фулдуром и о том и долгожданной встрече с Иналией. Пересказала то немногое, что узнала о заключении и побеге. С сомнением отозвалась о роли громовержца в освобождении принцессы. Выделила то, что бессмертный почти не противился пленению, и в пути совсем не доставлял хлопот, а напротив, даже помогал.

— Я думала, этот мерзавец мертв. — Скрестив руки на груди, проговорила Максил, как только Дэйли завершила повествование.

— Все мы так считали. — Отозвалась Дэйли. — Я не раз слышала рассказы с сокрушительной победе мамы над ним. От тебя самой и отца, — девушка по очереди посмотрела на мать и отца, — и из других источниках. Конечно, слухи подвергались искажениям и преувеличениям. Но суть была одна. Все говорили о том, что Посланница Солнца убила его.

— И никто не говорил о том, как я тысячу раз пожалела, что не похоронила его в каменном саркофаге собственноручно. — Глядя в огонь огромного камина, ответила Мариэль.

— Ты знала, что он возродится? — Спросил Фаолин.

— Догадывалась. Однажды он уже выжил после укола ножом в глотку. Во время нашего поединка в холмах Смараг-Моунд. У меня оставались подозрения, что и обезглавить его мало.

— Я не помню, что бы ты поделилась своими подозрениями.

— Не было необходимости. Первое время все и так были, как на иголках. Своими теориями я бы только нагнетала. Спустя несколько месяцев мирной жизни меня бы слушать не стали, ибо мои предположения были построены на смутном предчувствии. А потом я и сама об этом думать перестала.

— Мне могла бы сказать.

— И что бы изменилось?

— Мариэль права. — Подал голос Дельвин. — Что мы будем делать с ним сейчас?

— Задам этот вопрос на совете. — решительно сказала Мариэль. — Может вместе мы пойдем что делать.

— Когда он соберется? — Измотанная путешествием Дэйелис вдруг оживилась, снова выпрямившись, словно ее привязали к стержню.

— Через несколько минут. — Ответил Фаолин.

— Я хочу принять присутствовать. Клянусь, я и слова не скажу, пока меня не спросят. — Дэйли затараторила, словно боялась, что ей откажут, не выслушав. — Я никому не помешаю. Арагнаст брал меня на собрания, но то было мирное время. Я хотела бы продолжить обучение. Где еще я научусь править, как не у старших мудрых правителей.

— А девочка то целеустремленная. — Усмехнулась Максин. — В кого, интересно, это у нее? Помню, ты Мариэль, с самого начала советы терпеть не могла.

— Ты безусловно права, Дэйли. — Ласково заговорила Мариэль. — Но ты только с

дороги. Отдохни сегодня.

Девушка не выдала своего огорчения. Улыбнувшись одними лишь уголками губ, она смахнула с лица, выбившуюся, прядку волос, и, кивнув, направилась к выходу. Под сводом входной арки она пересеклась в короле Зигмундом. Они обменялись приветствиями и Дэйли скрылась в коридоре. А светловолосый парень прошел в глубь тронного зала.

Повисло неловкое молчание. Дельвин и Максин встали со своих мест, поклонившись королю. Мариэль с Фаолином сидя следили за новоиспеченным монархом. Ему явно не нравилось, что эльфы не оказали ему почтения, что в принципе и не требовалось. Они уже виделись сегодня и выполнили надлежащие формальности. Второй раз за день этого не требовалось.

— Позвольте выразить, как я рад, — Ни в интонации, ни в мимике молодого короля не было ни толики радости. Казалось, он говорит через силу, словно его кто-то заставил, — что принцесса Иналия цела и... почти невредима.

Максин не сдержалась, негромко хмыкнув в кулак. Однако это не осталось незамеченным. Людской король сердито надулся. Наверное по его мнению он выглядел грозно, глядя на девушку исподлобья, да к тому же снизу вверх. На этот раз Максин едва сдержала смех, но ехидная улыбка все равно растянулась на ее лице. Она честно пыталась держать лицо, даже поджала и закусил губы. Но вид краснеющего от ярости мальчишки никак не способствовал сохранению серьезности.

— Тебе здесь нечего делать, ведьма. — Наконец, выдавил из себя король Зигмунд. Казалось еще чуть-чуть и из ушей его повалит пар.

— О, не беспокойтесь, ваше превосходительство. — Напрочь лишенным почтения тоном, ответила Чародейка. — Я не позволю оскорбиться вашей компанией.

Зигмунд позеленел, сжал кулаки и хотел уже закричать, но Максин поправила:

— То есть я хотела сказать: не смею оскорблять вас своим присутствием. — В словах волшебницы так и сквозил сарказм.

Присев в неглубоком поклоне, она быстрым шагом направилась к выходу. А как только ее фигура исчезла за поворотом, по цитадели эхом разнесся безудержный хохот. Мариэль, обескураженная поведением подруги, продолжала наблюдать за оскорбленным подростком. Впрочем, ей самой рассмеяться не позволял только многолетний опыт держать лицо.

Король Зигмунд вплотную подошел к Дельвину, ткнув пальцем в его грудь. Прорицатель не шелохнулся. Он выглядел отстраненным, словно происходящее никак его не касалось. Он смотрел в глаза королю совершенно бесстрастно, чуть склонив голову набок. Парнишка в короне встал на носочки, и все равно был значительно ниже пророка. Нахмурившись, от уставился в синие глаза однорукого и прошипел:

— Если эта девка еще раз позволит себе что-то подобное, я... велю ее сжечь.

— Люди исполняют приказы только тех королей, чей голос могут услышать. — Так же отстраненно ответил Дельвин. Слова будто сами вырывались из его рта. Мариэль даже на мгновение показалось, что за ее друга говорит кто-то другой. Пророк еще раз сдержанно поклонился и удалился вслед за сестрой.

— Что этот болван тут наплел? — в недоумении Зигмунд уставился на Мариэль и Фаолина.

— Он ясновидец. — Пожал плечами Фаолин. Похоже, что и эльфийскому принцу было не чуждо потешиться над избалованным мальчишкой. Однако, в отличие от Максина, он весьма искусно скрыл сарказм. — Возможно, он только что предсказал, что рано или поздно

вы сорвете голос, повелевая казнить каждую, нагрубившую вам ведьму.

Серьезный тон эльфийского принца сбил с толку коронованного парня. И, похоже, даже заставил задуматься. Зигмунд прочистил горло, будто решил, что прямо сейчас лишился голоса.

Неловкому молчанию не дано было продлиться долго. В зал стали стягиваться члены совета, наполнив помещение шумом голосов. Всегда пунктуальные Гаяс, военачальник Анорзад и старейшина ордена Гарьэль появились первыми. Советник погибшего эльфийского короля занял место рядом с принцем Фаолином. Гарьэль устроился напротив. Приятели не переставали что-то тихо обсуждать. Мариэль не вслушивалась в их слова. Да и к тому же почти сразу это стало невозможным. О чем-то шумно споря, прибыли советник Дугласа и старший сын короля Бивис. Златоэорис влетел в арку, словно куда-то безнадежно опаздывал. Однако, увидев, что не все еще в сборе, отряхнулся, поправил жилет и, борясь с отдышкой, прошел на свое место рядом со старейшиной ордена. Мариэль улыбнулась ему в знак приветствия, он в ответ задорно подмигнул.

При появлении короля гномов все разговоры разом стихли. Он тяжелой походкой прошел к трону. А за ним, шурша чешуей, вошел Модобад. Дракону пришлось сильно пригнуться к земле, что бы протиснуться через арку, которая до этого казалась Мариэль невообразимо огромной. Тронный зал был настолько огромен, что даже с наикрупнейшим драконом внутри оставался просторным. И так, все заняли свои места, кроме Зигмунда, который так и продолжал стоять на месте. То ли вид громадного «чудища» заставил его остолбенеть, то ли он не мог решить, какое занять место, чтобы подчеркнуть свою важность. Все взоры усталились на него. Никто не начинал говорить, ожидая, когда же он наконец сядет.

В этой звенящей тишине вдруг зашуршала чешуя. Подкошенный ударом Зигмунд, налетел на стул, а хвост Молдобада медленно пополз обратно. Возмущенный подросток хотел было что-то сказать, но, встретившись с грозным взглядом бриллиантового глаза, передумал. Поправив свои одежды, он спешно приземлился на стул. И еще долго ерзал на нем, но на это уже никто внимания не обращал.

— Начнем, пожалуй. — Хлопнув в ладоши, произнес король Дуглас. — Во-первых, сообщу для тех, кто еще не знает — хотя, вряд ли здесь такие найдутся — принцесса Иналия снова с нами. По ее выздоровлению мы проведем выборы владыки эльфов. Другие претенденты так же прибыли в город.

Во-вторых, войсто Черных Ящеров из трех тысяч воинов, что двигалось по берегу Джует, разбило лагерь из-за непогоды. Думаю, им придется там и оставаться до конца зимы. Это дает нам время подготовиться. Нанести удар по ним мы не можем по той же причине. Все дороги превратились в реки грязи, по которым и одному всаднику пройти нелегко, что уж говорить о войске. Необходимо спланировать наши действия.

И третий вопрос, который мы сегодня рассмотрим, это возвращение Фулдурра бессмертного. Наверное с этого мы и начнем.

— Ха, а я то думал наша прелестная Посланница Солнца избавилась от него. — Хмыкнул Зигмунд, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. На его лице играла неприятная ухмылка. — Выходит, все ваши подвиги ничего не стоят, госпожа Мариэль.

— Вполне возможно. — сухо ответила Мариэль. — В те времена мне некому было подсказать, как поступить с бессмертным. Но теперь у нас есть вы. Думаю, мы все можем быть спокойны, потому что вы разберетесь с Фулдуром раз и навсегда.

— Тут и думать нечего. — Усмехнулся заносчивый подросток, словно до него никто об этом додуматься не мог. — Повесить его на глазах у всего народа.

«Фулдур бессмертен, — пророкотал Молдобад. — Он будет целыми днями и ночами болтаться в петле, распугивая народ демоническим хохотом. А когда ему надоест так веселиться, мы обнаружим пустую виселицу. И Фулдур снова окажется на свободе.»

— Я не пойму, ты тоже будущее предсказываешь, что ли? — проговорил Зигмунд.

«Я знаю с кем имею дело и потому могу просчитать его шаги»

— Не бывает бессмертных людей. — С видом упрямого знатока ответил Зигмунд.

— Фулдур не человек. — Перебила его Мариэль. Она обвела всех присутствующих взглядом. Если до этого кто-то и не проявлял интереса к их спору, то теперь каждый наострил уши. — Фулдур из древнего народа, населявшего земли Джевелии тысячи лет назад. Это была отдельная раса, среди которых рождались бессмертные.

— Откуда вам это известно? — Гарьэль чуть не захлебнулся воздухом Он выглядел так, будто Мариэль опередила его в важнейшем исследовании его жизни.

— Прочитала об этом в библиотеке Лэ-Мюйафа.

— Орден годами изучал реликвии древних. Ничего столь познавательного мы не нашли.

— Наверное всему виной мой интерес, из-за которого я раньше наткнулась на единственный в своем роде словарь. С помощью него я смогла расшифровать те свитки, что были написаны на их языке.

— И что с того? — не выдержал Зигмунд. — Делать-то с этим древним что?

— Это вы нам скажите. — Пробасил король Дуглас. — Я согласен с госпожой Мариэль. Это дело мы поручим вам. Только будьте предельно осторожны. Фулдур владеет стихийной магией, которую практически невозможно блокировать.

— Кроме того, — добавила Мариэль, — он утверждает, будто по собственной воле пришел в Малат. Могу предположить, что у него есть что нам предложить. Предлагаю сначала выяснить это. Расскажите нам на следующем совете.

— А вот это мало вероятно. — Заявил Зигмунд, зевая. — Я без труда могу выяснить у этого вашего Фулдур все, что требуется. Но следующий совет вы проведете без меня. Как и множество других.

— Потому что не переживете беседы с заключенным? — прошептал Златоэорис, спрятав улыбку в кулак. Его слышали разве что только Гарьэль и Мариэль.

— У меня есть планы, которые нужно воплотить в жизнь до конца зимы.

— Не хотите поделиться ими с советом? — Голос короля Дугласа стал еще на несколько тонов ниже. Из-под косматых бровей сверкнули сердитые черные глаза.

— Отчего же не хочу? С радостью сообщаю вам, что покидаю Малат, дабы сыграть свадьбу в Деградаре.

Несколько минут в зале царила тишина. Присутствующие обменивались недоуменными взглядами.

— Прошу прощения... — прочистив горло, сказал Златоэорис. Гарьэль одернул мужчину, зная что способен выкинуть его подопечный, но его суровый взгляд не заставил стража молчать. — Ваше величество, вы сошли с ума?

— Кто же ваша избранница? — тут же спросил Дуглас, что бы на словах Златоэориса никто не заиклился вниманием.

— О, я не знаю. Моя матушка созвала в замок всех достойных дев королевства. Мне предстоит выбрать одну из них. — Самодовольно промурлыкал король Зигмунд. Поскольку

все в недоумении молчали, он продолжил. — Как вы понимаете, такое мероприятие требует не малых вложений. В связи с этим у меня не останется средств, что бы поддерживать армию.

— Вам не кажется, что сейчас не лучшее время для пышных празднеств? — Возмутился Фаолин.

— Это было запланировано очень давно. Я не собираюсь отменять такое важное дело из-за каких-то бесполезных советов.

— Поразительная безответственность. — в пол голоса заключил Анорзад. Не смотря на тихий тон, слова эльфа эхом разнеслись по залу.

«Другого я и не ожидал»- отозвался Молдобад.

— В таком случае, — пробасил король Дуглас, сплетя пальцы на животе, — не стоило вам задерживаться из-за этого бесполезного совета. Отправляйтесь в Деградар прямо сейчас, пока не поднялась метель.

Зигмунд замешкался. Он уже понял, что ляпнул глупость, чем разозлил всех членов совета. И теперь разрывался между лихорадочным соображением как бы исправить ситуацию и мыслью о том, что покинуть совет прямо сейчас действительно неплохая идея.

— Убирайтесь! Немедленно! — Король гномов до последнего держал деловой тон. Но, похоже, мальчишка доконал своими выходками и его.

Зигмунд, может и ответил бы что-то на подобии «Как вы смеете!», но голос перестал его слушаться. К горлу подкатил тугой ком, а руки затряслись от страха. Он бросил взгляд, полный ненависти на каждого, на который все ответили покойным ожиданием, а Молдобад утробно рыкнул и выпустил из ноздрей тоненькие язычки пламени. Молодой король вздрогнул, соскочил с места и быстрым неровным шагом направился к выходу.

Никто не решался произнести и звука, пока шаги людского короля не стихли в коридоре.

— Вернемся к насущным проблемам. — Уже более спокойно объявил король Дуглас. Поднявшись с места, он стал расхаживать по залу, скрепив руки за спиной.

— Господин Гарьэль, как справляется орден с преступниками?

— Ваш приказ был немедленно воплощен в действие. — Тут же ответил худощавый эльф. — На данный момент поймано свыше сотни мелких разбойников и десятков опасных банд. Все стражи и некоторые следопыты продолжают умножать эти числа. Трудности возникли только с одной неуловимой бандой Сорок. Тех, что уже пойманы, согнали в отдельный лагерь недалеко от Илгарда, где их приучают к дисциплине самые строгие из генералов.

— Хорошо. В чем состоят трудности с Сороками?

— Они каждый раз ускользают от нас. Но это не самая опасная банда. Они не убийцы, всего лишь воры. В некоторых деревнях поговаривают, что Сороки помогают простым людям. И все же долго им скрываться не удастся.

— Ваш лагерь нуждается в чем-либо?

— Еды поставляемой фермером Диланом едва на всех хватает, в остальном полный достаток.

- Летом до меня дошли слухи, что у некого фермера Шорта этот год выдался как никогда урожайным. Выкупите у него треть урожая.

Король Дуглас положил на стол перед старейшиной увесистый мешочек. Он приоткрылся и Мариэль разглядела внутри сапфиры.

— Готовьте этих разбойников к битве. Они выступят в разгроме лагеря Черных Ящеров, о котором уже шла речь сегодня.

— У вас есть план? — Осторожно поинтересовалась Мариэль.

— Нет. Пока что я не представляю как добраться до них. Готов выслушать соображения каждого по этому поводу.

— По тракту пройти нельзя, — протянул Златозорис, — почему бы не сделать это по воде? На кораблях по реке Джует.

— Но по Джует ходят разве что рыбацкие шлюпы. — Осадил стража Гарьэль.

— Как и небольшие торговые суда. — Оживившись, сказала Мариэль. — Джует достаточно широкая и полноводная река. По ней с легкостью пройдут два судна борт к борту. Златозорис прав, нам нужны только снаряженные для такого плаванья корабли.

— Среди эльфов есть умелые корабли. — Взял слово Фаолин.

Сомнение на лице Дугласа сменилось задумчивостью.

— Что по этому поводу скажете вы? — Он обратился к главному военачальнику Вакрохалла.

— Идея юного стража ордена определенно имеет смысл. — Отозвался эльф, устремив одобрительный взгляд на Златозориса. Похоже прямо сейчас он осознавал, что не зря сохранил когда-то мальчишке жизнь.

— Значит решено. Пусть ваши корабли немедленно займутся строительством. Гномы подготовят вооружение. Обстреливать врага с судна куда сподручнее. Бивис сейчас же отправься к оружейникам, пусть спроектируют такое оружие, которое можно разместить на палубе корабля.

— Гаяс, отправляйся к кораблям. — приказал Фаолин. Советник кивнул и, шурша одеянием, поспешил повиноваться.

— С этим решено. Кому-нибудь есть что еще сказать?

— Ваша светлость. — Мариэль сжала полы платья, да так, что костяшки пальцев побелели. Сердце вдруг заколотилось где-то в горле. — Я прошу вашего позволения отправиться на поиски принцессы Лафитлин. Как вам известно, она была похищена и никто не может найти ее следов. С помощью камня, что привел мою дочь к принцессе Иналии, я могу отыскать Лафитлин.

— Почему вы спрашиваете моего позволения? — Черные глаза, полные непонимания, уставились на Мариэль.

— Я прошу позволения у совета. Быть может вы решите, что я пригожусь здесь. В таком случае я найду другой способ решения проблемы.

«Вы вольны в своих действиях. — сказал Молдобад. — Таково было условие вашей присяги. Никто из нас не забыл об этом»

— И все же, госпожа Мариэль, вы являетесь претендентом на эльфийский трон. А все претенденты должны быть в городе, пока не проведутся выборы.

— Мое место на троне только рядом с моим супругом. Если таковы будут результаты выборов, я приступлю к своим обязанностям сразу по возвращению.

— Дело даже не в этом. — продолжал стоять на своем узколицый эльф. — Поиски пропавшей принцессы опасны. Мы не можем рисковать вами.

— Риск это не то, перед чем я готова отступить.

— Ваши доводы убедительны. — Король Дуглас пресек возражения старейшины, соглашаясь с Посланицей Солнца. — Совет отпускает вас. Постарайтесь только вернуться к

тому времени, как мы закончим строительство кораблей. Но прежде чем вы покинете город, прошу, побеседуйте с Фулдуром.

— Прости, что сначала не посоветовалась с тобой. — Виновато опустив в пол глаза, промолвила Мариэль, взяв под руку Фаолина.

— О чем ты?

— О Лафитлин. Я должна была в первую очередь спросить у тебя.

— Я не хочу что бы ты уезжала. — честно признался Фаолин. — Но разве же тебя удержишь? Ты приведешь тысячу доводов и неоспоримых фактов, что самый стойкий сдастся.

Он говорил это с улыбкой, но в голосе пробивались едва уловимые нотки печали. Фаолин нежно сжимал руку любимой, наслаждаясь каждой минутой, проведенной с ней.

— Куда ты? — Удивилась Мариэль, когда Фаолин вместе с ней прошел мимо лестнице, ведущей к ним в покои.

— С тобой, допрашивать Фулдур. — Фаолин ответил настолько буднично, словно это было что-то само-собой разумеющееся.

— Не нужно. Я справлюсь.

— Я думал...

— Доверься мне. Отдохни пока, поужинай.

— На ужин мы с Дэйли тебя подождем.

— Не мори дочь голодом. Я постараюсь разобраться с этим как можно скорее.

Мариэль обняла мужа и направилась к темнице, цокая каблуками. Почему-то она ожидала увидеть там вскрытую камеру и разбросанных стражей с шрамами от молний. Но, вопреки ее предчувствию, вместо криков и отголосков бойни она услышала веселое насвистывание. Она решила, что так стражи коротают скучные часы дежурства. Она ошиблась. Свист доносился из камеры. Фулдур, развалившись на холодной лежанке, закинув ногу на ногу и подложив под голову руку, свистел насвистывал какую-то едва узнаваемую мелодию.

Страж открыл дверь и Мариэль вошла внутрь. Странно, но она не ощущала ни толики страха, оказавшись лицом к лицу со злейшим врагом, против которого боролась несколько десятков лет назад. Она сама себе удивлялась, почему сердце не колотится и дыхание не замирает, как это было раньше при встрече с тем, кто держал ее в плену, серьезно ранил и был виновным в смерти Лаврена и Финли. Даже злости за все эти деяния она как таковой не испытывала. Возможно года притупили эти чувства. А быть может так действовал на Мариэль дар Анорсель. Тем не менее она стояла перед тем, кто в свое время заставил ее страдать, и не испытывала ничего, кроме превосходства.

— Чем обязан такому визиту? — Усмехнулся Фулдур словно ему было все равно, что с ним будет.

— Хотела задать тебе тот же вопрос.

— Заглянул в гости к старым друзьям.

Что-то в нем все-таки настораживало Мариэль. Он изменился. Раньше был суровым немногословным и излишне пафосным. А теперь...

— Уютно тут у вас. Только кормят плохо. И стража, кстати, у вас халтурит. Если бы я захотел, мог бы сбежать, не напрягаясь.

— Но ты этого не сделал. Есть что предложить? — Мариэль скрестила руки на груди и

продолжила изучать пленника взглядом.

— Союз. Я помогу вам избавиться от Хапойтритов. — Мариэль выразила вопрос взглядом. Фулдур закатил глаза, разочарованно вздохнув, и принялся объяснять. Правда ответил он не на тот вопрос, который хотела задать Мариэль. — Узнаю старых добрых Джевелиян. Не понимаю, как можно воевать и не знать своего врага? Меня за Старика Стернадора приняли. Самого Стернадора тысячу лет назад разгневанным духом считали. А Хапойтритов Черными Ящерами назвали. Кто вообще придумал это нелепое название?

— Ближе к делу. — Прервала его тираду Мариэль. — Союз. А что взамен?

— Вы позволите мне и моим людям жить в Джевелии.

— Принять мальтифадов, как шестую расу?

— Именно.

— Почему я должна верить тебе? Как я могу быть уверена, что ты не попытаешься захватить власть, когда все закончится? Странно, что потомок Ниледерфа, который поддерживал Стернадора, а потом семь лет устраивал набеги на города и деревни Джевелии, вдруг предлагает помощь. Что послужило мотивом для такого шага?

— Мне так захотелось. — Фулдур наконец удосужился встать и принялся расхаживать по тесной камере. — Шестьдесят лет изгнания заставили меня пересмотреть свои взгляды. Я вдруг понял, что не такие вы, Джевелияне, и плохие.

— Это не аргумент. Убеди меня поверить тебе.

— Разве ты не обладаешь техникой распознавания лжи?

— Я обладаю сведениями о способности малтифадов беспрепятственно проникать в мысли и контролировать их. Странно только то, что ты не воспользовался этим, что бы подчинить меня себе тогда, шестьдесят лет назад, вместо того, что бы силой захватывать в плен и везти куда-то в клетке.

— Считаю это... омерзительным. Все эти копания в сознании человека, в его памяти. Помимо того, что сам контроль над личностью мне кажется противным, в чужих мыслях такие мерзости можно найти, что аж наизнанку выворачивает. — Фулдур поморщился и вздрогнул всем телом. Раньше Мариэль и представить не могла Фулдур с любым другим выражением лица, кроме обычно нахмуренных бровей или гаденькой ухмылки. Наблюдать за таким спектром его эмоций было не привычно.

— Не мог не заметить твою осведомленность. Это рушит некоторые мои планы, но в целом это даже хорошо. Мне не придется тратить время на объяснения. Раз уж ты добралась до трудов Сереареля... Не делай такие глаза, никто в наше время не занимался такой ерундой, как описание наций, кроме этого дурня. Так вот. Ты должна знать что есть способ убить бессмертного малтифада. — Мариэль, нахмурившись, кивнула. — Помнишь что спасло тебя, когда ты попыталась сбежать от меня? Ты воткнула мне нож прямо под подбородок. — Фулдур остановился перед Мариэль и задрал голову, показывая шрам. — Выбила лезвием зуб, который вы называете зубом мудрости, мы же зовем его зубом бессмертия. С тех пор на моем теле остаются шрамы. С тех пор я не могу перемещаться в пространстве без риска. С тех пор я чувствую боль. Вот гарантия моей верности.

Мужчина раскрыл перед Мариэль ладонь, на которой лежал зуб. Она взяла его. Стоило ей дотронуться, как перед глазами пронеслись моменты его прошлого. Она увидела, как Фулдур в гневе сжимает выбитый зуб в ладони, а изо рта его течет кровь. Увидела, как он тщательно о нем заботился. Как бессмертный пугался, когда не мог найти зуб в кармане. И как с облегчением вздыхал, когда он находился в другом.

— Вот залог моей верности Джewelьянам. В твоих руках моя жизнь и смерть.

— Этого достаточно, что бы я тебе поверила. — После недолгого молчания ответила Мариэль, пряча бессмертие бывшего врага в бездонный мешочек. — Посмотрим, что скажут на это остальные.

И с этими словами она вышла из камеры. Дверь за ней тут же запер страж. На выходе из тюрьмы Мариэль столкнулась со Златоэорисом.

— Не мог больше ждать, подумал, с тобой что-то случилось. Но вижу, ты уже справилась.

Мариэль вкратце рассказала приятелю суть допроса по дороге в цитадель.

— Не доверяю я ему. — Проговорил Златоэорис.

— С этим совету еще предстоит разобраться.

— Когда ты отправишься на поиски Лафитлин?

— Завтра утром.

— Я с тобой. Лафитлин была и моей подругой.

— Не была, а есть и будет. — Разозлилась Мариэль, но пара глубоких вдохов и выдохов всновь привели ее в чувства.

— Да, конечно...

— А как же твоя служба?

— Гарьэль отдал приказ. Теперь я полностью во власти эльфийской королевской семьи.

— Это хорошо. Значит, ты присмотришь за Дэйли. Прошу тебя.

Добравшись наконец до заветной двери, Мариэль вдохнула аромат любимого чая и вкусного ужина. В покоях ее уже ждали два самых близких эльфа. За трапезой она рассказала все, что узнала от Фулдура и положила в середину стола зуб бессмертия.

— Он, как и любой малтифад, может управлять разумом любого. Поэтому я пошла одна. Дэйли провела в обществе Фулдура много дней и могла попасть под его влияние. Меня он тоже мог взять под контроль во время допроса. А ты, Фаолин, чист от его воздействия. То, что я рассказала тебе правда?

— Я не почувствовал подвоха. — Ответил эльфийский принц. — И зуб точно его, не подделка и не чужой. Все это похоже на правду.

— Значит перескажешь все это совету, пока меня не будет.

Глава 18. Пропасть, что бы найти себя

Эскорт из двадцати пеших копейщиков столпился вокруг кареты. Общих усилий двух десятков крепких мужчин не хватало, чтобы вытащить, увязшую в мокрой глине, дорогую

крытую повозку. Поверхность лужи была покрыта тонкой корочкой льда, от чего возник и не заподозрил ловушки. Но стоило четверке лошадей ступить туда, как лед треснул и весь экипаж провалился в вязкую массу, не успевшую застыть. Людям удалось выволить испуганных животных на твердую почву, но карета никак не поддавалась, и за

пол часа стараний, казалось, не сдвинулась ни на дюйм. Ко всему прочему начиналась метель и все говорило о том, что быстро она не закончится. Нарастающий вой ветра мешался с раздражающим и не желающим уступить ему брюзжанием короля Зигмунда. И только четкий, поставленный командный голос главнокомандующего не давал солдатам воли разбежаться, зажав ладонями уши.

— Раз! Два! Толкай! — Чеканя каждое слово, выкрикивал начальник королевской стражи.

Казалось, даже начинающаяся вьюга не смела свистеть громче него. Конечно же это было

лишь иллюзией, представленной солдатам, у которых не было иного выбора, кроме как сосредоточиться на голосе командира. Ветер становился все сильнее. Он подхватывал снег швырял его в разные стороны. То, что падало с неба нельзя было отличить от поднятого с земли. Колючие снежинки носились в невообразимом хаосе, больно врезаясь в открытые участки кожи. Скоро голоса короля и главнокомандующего потонули

в неистовом вое вьюги.

— Ваше величество! — Отчаялся командир. По колено в жидкой глине, с инеем на ресницах

и бровях, дрожа и стуча зубами от холода, он пробрался к дверце повозки и заглянул внутрь.

Король Зигмунд, кутаясь в свой плащ с воротником из лисьей шубы, произнес синими, как сапфир в его короне, губами:

— Вы никчемные верзилы! Сколько можно возиться? — Из-за охрипшего голоса его слова не

произвели ожидаемого впечатления. Не в силах что либо еще высказать, парень вжался сильнее в мягкую обивку сиденья.

— Ваше величество. — Повторил командир. — Вам нужно выйти из повозки.

— Безмозглый ты болван! — Запротестовал Зигмунд, стукнув командира стражи кулаком по

шлему, и тут же зашипев от боли, потрясая ушибленный кулак. — Дверь закрой, тепло выпускаешь!

— Вечереет. Станет еще холоднее. — стоял на своем главнокомандующий. — Надо найти

укрытие.

— Я никуда отсюда не выйду! Там кругом одна... жижа.

— Я помогу вам. Мы проезжали мимо постоянного двора. Нужно вернуться. Это нбс
дальше,

чем в миле от нас.

— Хочешь, чтобы король ночевал в том гадюшнике? От него несет свиным пометом и
отходами.

— Там тепло и сухо. И, сдаётся мне, у них найдётся приличный уголок для вашего
величества. Переждем непогоду, а потом вернемся за каретой.

Зигмунд с сомнением окинул взглядом свою промерзшую повозку. Выглянул наружу.

— Ладно, уговорил. — Нехотя ответил он.

— Забирайтесь ко мне на спину.

Сгорая от стыда, Зигмунд уцепился руками за шею капитана, а ногами обвил его торс.

Тот

без усилий подхватил его и, хлюпая по луже, перенес короля на твердую поверхность.

— Никому об этом ни слова! — Краснея, крикнул Зигмунд. — Узнаю — все пойдете на

корм

свиньям!

Еще какое-то время потребовалось, чтобы усадить непривычного к верховой езде на

одну

из лошадей. И наступлением темноты они добрались до постоянного двора с

почерневшей

от старости табличкой «Ребро дракона».

Название этого места ни коим образом не касалось традиционной охоты на драконов,
заведенной гномами в первые годы становления Джевелии, когда из трофеев — чешуи и
костей — делали диковинные предметы быта и декора. Это не касалось драконов
вообще.

Так уж получилось, что «Ребром дракона» называется игра, появившаяся сравнительно
недавно и набравшая популярность среди гномов и людей. Никому точно не известно
почему игра названа именно так. Возможно, какой-нибудь неосведомленный товарищ,
считающий, что, когда дракон выдыхает пламя, оно каким-то невообразимым образом
касается его ребер, прозвал ее так. Или, что больше похоже на правду, название следует
из

немудреных правил игры: несколько игроков должны держать руку ребром ладони над
пламенем свечи. Следовательно, кто дольше продержится — тот и победитель.

В таверне, о которой идет речь, нечем было заняться. Она находилась посреди тракта,
одинаково далеко от всех городов и поселков. И случалось даже такое, что хозяин не

мог

предложить гостям выпивку, потому что она закончилась, а новую еще не привезли. Так
что гости коротали вечера за игрой в «Ребро дракона», от чего заведение так и
прозвали.

Зигмунд об этом ничего не знал. Поэтому, входя, пробурчал что-то про Молдобада и как
бы его это разозлило.

— Эй ты! — Главнокомандующий не торопился распорядиться трактирщиком, так что
король заговорил сам, обратившись к, потерявшему дар речи, трактирщику. —

Подготовь

мне лучшие покои, какие найдутся в этом гадюшнике. Мне нужна горячая ванна и ужин. Ну и для этих. — Зигмунд кивнул на стражу, что только что вошли.

— Д-да, мой король! Будет сделано, сир! — Заикаясь, засуетился хозяин. Это был гном, довольно высокий для своей расы. В нем угадывался бывший воин. Однако несколько лет

оседлой жизни почти сделали из него обычного трактирщика. — Гудви, дочка, зови сестер.

Некогда спать! К нам сам король пожаловал!

Девушка, похожая на своего отца бровями и ростом, завидев короля, испуганно присела в реверансе, и убежала.

— Позвольте предложить, сир, для сугрева, особое вино. Его нам привезли с виноградников айнхольта.

— Не болтай, а делай! — Рывкнул Зигмунд, проходя вглубь зала.

Он остановился перед столом, что был расположен рядом с камином. Стол был занят. Но

при виде короля и его свиты, четверо эльфов, поклонившись, ушли за другой стол.

— Сядьте уже! — Недовольно махнул рукой король. Не понятно было к кому он обращался, к

своим солдатам или к застывшим в поклоне гостям заведения. — Стоите, как истуканы с тупыми лицами.

Послушались все. Кроме двоих стражников, что встали по обе стороны от короля за его спиной. Разносчица — одна из дочерей трактирщика — принесла бутылку вина и кубок из почерневшего серебра. Мило улыбаясь, она налила королю Зигмунду вино и поймала его взгляд, полный презрения. Смутившись, она поспешила отойти, и услышала его замечание:

— Гадкое пойло.

Однако, не смотря на всю гадкость пойла, довольно скоро вся бутылка была опустошена.

А разругавшийся король, закинув ноги на стол, во всю ругал постоялый двор. Хозяин трактира с виноватым лицом выслушивал сравнения его хозяйства с заброшенным полусгнившим сараем, где регулярно справляют нужду пьяные конюхи и свинопасы. Он ничего не мог сказать и на слова короля о том, что его дочери уродливее жирных мух, лениво кружащих над отходами. Эта тема плавно перетекла в рассуждение о невесте.

— Никогда бы не женился на гномихе. — Покачиваясь на стуле, говорил Зигмунд. — Все они похожи на мужиков. Грубые, волосатые... брр... Что хорошего в жене, у которой мускул

больше, чем у тебя самого? А, Рэй?

— Вы несомненно правы, ваше величество. — Ответил главнокомандующий холодным тоном. И, как-бы извиняясь, поглядел на трактирщика.

— Я вот так дорогой матушке и сказал. Если она пригласит на парад невест хоть одну гномиху... или эльфийку! — резко сменил тему Зигмунд. И пусть эти эльфийки красавицы

все до единой. Они старухи в юных телах. К тому же каждая из них колдунья! Ведьмы! Тирада прекратилась так же внезапно, как и началась. Короля стало клонить в сон.

Добросовестные тражники, не позволившие себе выпить и капли, дотащили Зигмунда до его покоев, и

встали на пост у его дверей. Через несколько часов их сменила другая пара солдат.

Никто

из них не заметил ничего подозрительного.

На утро через день в Малат примчался один из свиты короля. Он принес весть. Такую же

через три дня получила мать Зигмунда в Деградаре. Весть гласила:

«Король Зигмунд убит. Его искалеченное тело было найдено в номере постоянного двора «Ребро дракона». Хозяин трактира, оказавшийся под подозрением, взят под стражу.»

До Посланицы Солнца никакие новости не доходили. Следуя за путеводным камнем, она уходила все дальше к Белым Горам. И компанию ей составляла разве что Лира.

Мариэль решила, что временная изоляция пойдет ей на пользу. Поход в одиночестве, преследование определенной цели и мысли, занятые надеждой на благополучие подруги, теплым ночлегом и убывающими припасами, оказались неплохим средством против скорби по сыну и других переживаний. Но дар Анорсель и все попытки отвлечься не могли унять всю ту боль, что таилась в сердце Мариэль. Она не представляла что с ней было бы, не одари Анорсель ее покоем. Наверное, в лучшем случае, она не нашла бы в себе сил что либо делать, а в худшем — жить.

Первое время, взяв на себя дела Фаолина, Мариэль могла бороться с апатией. Но стены столицы стали давить на нее и лишь сильнее наводить тоску. Смена обстановки, как Мариэль и рассчитывала, помогла.

Это путешествие напомнило ей о славных временах, когда они всемером пробирались в Эфелон. Знакомые пейзажи, которые она видела с высоты драконьего полета, снова проносились перед глазами. Теперь они уже стали не просто знакомыми, а родными. Мариэль давно сбилась со счета сколько раз она ездила этой дорогой.

“Я тоже помню те славные дни,”- Отозвалась на воспоминания Мариэль Лира. — “Ни один пегас не познал столько приключений, сколько я, служа тебе. Я рада разделить их с тобой.”

— А я рада, что рядом со мной именно ты, Лира. Для меня ты не просто скакун, но близкая подруга.

“Счастлива это слышать”

Лира довольно фыркнула, устроив голову на коленях Мариэль, которая сидела, опершись на бок пегаса. Рядом трещал костер, прикрытый от ветра корнями поваленной елки. Мариэль прикрыла глаза. За долгую жизнь среди эльфов она научилась спать так же чутко. Она не только слышала все, что происходило вокруг, но и сохраняла чувство времени, чтобы не проспать дольше положенного.

Так не ритмичное потрескивание огня, дыхание пегаса и завывание ветра слились в единую мелодию, вплетаясь в ее сон.

Это продолжалось добрых два часа, пока вдруг не пробился сквозь вой ветра стук копыт. Мариэль насторожилась, но не торопилась хвататься за оружие. Вскоре она уже различала двух лошадей и голоса всадников. А через минуту уже слышала отдельные фразы.

— ...прекрати! — Раздраженно прозвучал мужской голос.

— Я всего лишь... — Оправдался женский.

— Смотри! Огонь. — Лошади остановились в нескольких метрах от ночлега Мариэль.

— Что там? Посмотрим? — Предложила женщина. — Я, честно говоря устала и не отказалась бы от передышки.

— Так и быть. — Снисходительно ответил мужчина, и Мариэль услышала, как они двинулись в ее сторону.

Мариэль распахнула глаза, выбираясь из объятий пегаса. Правая рука привычно легла на рукоять Тайвосо, но, подумав, она не стала вынимать его из ножен. Вместо этого схватила лук и молниеносно наложила стрелу. Тетиву решила не натягивать, пока не увидит незваных гостей. И как только всадники обогнули булыжник, за которым она укрылась, лук и стрела упали на землю.

— Пусть земля уйдет у меня из под ног, если глаза обманывают меня! — Воскликнул Малвель.

— Разве так приветствуют старых друзей? — С улыбкой бросаясь эльфу в объятия, ответила Мариэль.

— Лэш эфоко тогон теил, Мариэль. — Спустившись с коня, Малвель бросился в раскрытые объятия подруги. — Лэш эфоко теил эприме. — Нежно промурлыкала Мариэль, прижимаясь к широкой груди эльфа. Она совсем не ожидала встретить его в этом походе, но радость встрече от того была только сильнее. Не позволяя себе слишком долго оставаться в объятиях друга, Мариэль обратилась ко второй гостье. — Нганэ ирмутве лаофим окритве галамрэст реквил. — На правах хозяйки костра, первой поприветствовала она женщину. — Ргэгэт тукренит лаорэ мотун, умод этишлсу этом азорг. — То ли плохо скрывая неприязнь, то ли с нетерпением поскорей отогреться у костра, ответила спутница Малвеля. — Мариэль, это Лавелия, моя мать. — Представил эльф. — Мама, позволь представить тебе мою подругу Мариэль, Посланницу Солнца, принцессу Джewelии, мою лучшую ученицу магии и боевого искусства и по совместительству первого в этой эпохе учителя намариона. — Наслышана о вас. — Проговорила Лавелия с напускной любезностью. — Прошу к моему костру. Нынче зима холодная. Вы должно быть замерзли и проголодались. — Ты права. А ты воистину так мила, как о тебе говорят. — Благодарю. — Не стоит, это вовсе не комплимент. Мариэль, несколько обескураженная враждебностью, с которой смотрела на нее Лавелия, достала из своего бездонного мешка припасы и предложила их гостям. — Ищешь Лиф в одиночку? Даже не сообщила. Есть причина? — без упрёка в голосе спросил Малвель. — Знала, что увяжешься за мной. — Сберегая припасы, Мариэль не стала ужинать вместе с гостями. Она уже ела перед сном, так что сейчас сидела, обхватив колени руками и опустив на них подбородок. В отличие от нее, Лавелия ела, не обращая ни на что внимания. — Маленькая глупышка, что собираешься делать, если Лафитлин охраняет целое войско? Или хочешь стать очередной пропавшей принцессой? Не понимаю, как Фаолин допустил, чтобы ты ехала одна. — Одной по такой погоде пробраться гораздо проще, чем целым эскортом месить грязь на дороге. — И то верно. Хорошо, что мы с тобой встретились. Я-то тебя одну не оставлю. И не вздумай возражать. Я ехал к тебе, а не просто посетить столицу соседнего королевства. Тем более это я не уследил за Лиф. — Это не так, ты не виноват. — Только не нужно снова начинать! — внезапно встряла в разговор Лавелия. — Малвель и так мне плешь проел, что если бы не я, ничего такого не произошло бы. — Я ни разу тебе такого не сказал. — Обманчиво спокойным тоном возразил эльф. — Зато смотрел так, что несложно

было догадаться о чём думаешь. Вообще-то, если бы не ты, достопочтенная Мариэль, бедная девочка была бы сейчас дома. В тепле и уюте. Как и мой сын. — Прекрати! — Рассердившись, Малвель бросил в костер веточку, которую все это время вертел в руках. В воздух с шипением взвился сноп красных искр. — Немедленно возьми свои слова обратно и извинись! — И не подумаю! Не принято просить прощения за правду. — Ты ведешь себя ужасно. Если тебя не останавливает тот факт, что Мариэль моя подруга, хотя бы проявляй к ней должное уважение, как к члену королевской семьи! — Малвель, — мягко окликнула его Мариэль. — Не сердись на нее. Лучше расскажи, как поживает Резхарас? — По-прежнему. — Немного успокоившись, сказал бывший учитель Посланицы Солнца. — Он, похоже, единственный, кто с годами не меняется. Последний раз, когда я его видел, он был очень расстроен. Просил передать тебе свои соболезнования. И хотел, чтобы ты не оставалась одна. — Спасибо. — Слегка охрипшим от, вновь нахлынувшей тоски, голосом сказала Мариэль. Малвель, почувствовав смену настроения, придвинулся к ней ближе и приобнял за плечи. Они просидели так с четверть часа. Мариэль не отстранилась, принимая поддержку близкого друга. Но усталость всё-таки взяла свое. Мариэль окунулась в чуткий осознанный сон.

Почувствовав рассвет, она с готовностью двигаться дальше раскрыла глаза. Разбудила друга. От их сборов и перешептываний проснулась и Лавелия. Она тепло поприветствовала сына, а Мариэль смерила тем же неприязненным взглядом. Мариэль искренне не понимала чем заслужила такое отношение, но спрашивать или упрекать в этом никого не стала.

Все разъяснения с Лавелией Малвель взял на себя. — Мы идем искать Лафитлин. Ты верно не захочешь с нами. — Не спросил, а с полной уверенностью отметил он, будто надеясь, что это окажется правдой. — Лафитлин милая девочка, — Ответила Лавелия, словно оправдываясь. — И я очень переживаю за нее. Но у меня своя дорога. Малвель едва заметно вздохнул с облегчением. Но от Мариэль не укрылось, как он расслабил мышцы и разжал кулаки, от чего побелевшие костяшки его пальцев в миг налились краской. — Значит своя дорога. Даже не скажешь свою цель? — Только ради твоего спокойствия, сын мой. — Лавелия понизила голос, словно опасаясь, что их могут подслушать, но чуткий слух Мариэль все равно уловил ее слова. — Так же, как и ты я еду к подруге. Зачем не скажу. Это не моя тайна. — Будь осторожна. — Малвель пожелал это как-то механически. В его голосе не было той искренней заботы, с которой он сказал бы те же самые слова Мариэль. Лавелия покинула стоянку раньше них. Малвель провожал ее взглядом, пока ее силуэт не растворился в тумане. Он смотрел так, словно хотел разгадать ее загадку. Словно вся она была одной сплошной загадкой для него. Собравшись и заметя следы лагеря, Мариэль окликнула эльфа. Он словно ожил. На его лице появилась улыбка. Малвель запрыгнул на своего коня и они отправились в путь, следуя за даром Тасфиака. — Как себя чувствует Иналия? — Поинтересовался Малвель, не зная, как начать разговор. — Все еще без сознания. Ее сильно отравили. — Надеюсь, она скоро поправится. В недолгом молчании Мариэль почуяла что-то неладное. Разговор не клеился, да и Малвель как-то странно себя вел. Изучал ее пристальным взглядом, когда думал, что она не видит, неловко прочищал горло, словно хотел что-то сказать, но не решался. — В чем дело? — Не выдержав, спросила Мариэль. — О чем ты? — Ты знаешь. Прекрати валять дурака. — Я... — Начал было Малвель, но, поймав внимательный взгляд Мариэль, осекся и обреченно вздохнул. Мариэль одним лишь взглядом могла заставить его говорить правду. Ему это не нравилось, но в то же время он чувствовал гордость, ведь это он обучил ее этому. — Я зол, Мариэль. — На что? Или кого? — Малвель

молчал, не желая отвечать на вопрос. — Ты злишься на Лавелию? Я не знаю что между вами произошло. Это потому что из-за нее пропала Лафитлин? — Нет. Не только... Ты совсем недавно лишилась сына, а ведешь себя так, будто ничего не было. — Мариэль не перебивала. Слушала, чуть сторбившись в седле. — Когда я узнал, подумал — тебе нужна поддержка. Готовился быть с тобой рядом сутки на пролет. Но вот я пришел, а на твоём лице нет и тени печали. — Кому, как не тебе, знать, что лицо не является зеркалом души эльфа. — Убедившись, что Малвель договорил, ответила Мариэль. Тихим, чуть не срывающимся голосом. — Ты никогда не считала себя эльфом. И не забывала об этом напоминать. Я не узнаю тебя, Мариэль. — Малвель.... — Мариэль захлебнулась от переполняющих ее чувств. — Мне приятна твоя поддержка. Более того, я нуждаюсь в ней. Но разве я могу позволить себе отдаться безнадежным страданиям и влачить свою долю во мраке, пока моему королевству грозит опасность? Ничто не умалит горечь моей утраты. Поэтому я бесконечно благодарна тебе, Лафитлин и всем, кто рядом. После этих слов воцарилась тягостная тишина, в которой были слышны только хруст снега под копытами Лиры и коня Малвеля. — Прости меня. — Раскаялся Малвель, опустив взгляд на гриву своего скакуна. — Я не должен был говорить все это. — Ты можешь говорить мне все, о чем думаешь. Мариэль притормозила Лиру на входе в ущелье. С деревьев на склонах гор сорвалась стайка воронов. С громким карканьем они унеслись ввысь, стряхнув с веток снег. — Никогда здесь не была. — Прошептала Мариэль. Для нее было странно оказаться в незнакомом месте в стране, которую исследовала вдоль и поперек несколько десятков лет. — Что это за ущелье? — Судя по картам, коридор Сатира. — Ответил Малвель, обводя цепким взглядом горы и тропу, ведущую между ними. — Сатира? Они существуют? — Только один. Порождение духа Жаман. Раньше он был добрым хранителем этого ущелья. — Что случилось потом? — Согласно легендам, гномы покусились на сокровища этого места. С тех пор сатир никого сюда не пускает. Но это всего лишь легенды. Мариэль не была уверена в этом так же, как Малвель. Она не могла отвести взгляд от пересохшего русла речки и следов копыт на его дне. Это, конечно, могли быть и олени следы, однако воображение уже рисовало человекоподобное существо с копытами и рогами. — Гранит ведет прямо сюда. Что еще говорится в легендах? Эльфы двинулись вперед, переговариваясь почти шёпотом. От этого места становилось не по себе. Эта тишина была какой-то болезненной, даже мертвой. А неприятное ощущение подпитывали виды искореженных деревьев и замшелых, припорошенных снегом, валунов. — В конце коридора стоит древний замок. Еще со времен, когда в Джевелии жил другой народ. — Ниледерфы. — Поправила Мариэль. Рассказчик растерялся на мгновение, но вспомнив, о чем говорила подруга через волшебное зеркало, кивнул. — Никто из Джевельян никогда не видел тот замок вблизи. Его видно из высокогорной деревушки гномов, название которой я запомнил. Малвель поднял глаза к склонам гор, словно пытаясь разглядеть там селение. Мариэль поглядела в противоположную сторону. Как раз вовремя, чтобы увернуться от бесшумно летящего в нее камня. Лошади занервничали, в кармане Мариэль задрезжал один из даров Тасфиака. Эльфы спешили. В этот же миг на Мариэль налетел ураган из слежавшейся шерсти и острых когтей. Что-то твердое ударило ей в колено, а в лицо впились когти. Однако, они не могли преодолеть магический щит, обеспеченный астрофицитом — еще одним подарком духа каменной долины. Одним легким заклинанием Мариэль отбросила существо. Малвель тут же среагировал, прижав оглушенное нечто к земле руками и коленом. — Отпусти, противное эльфье отродье! — Заверещал сатир женским голосом. Она тщетно была

копытами по земле и отчаянно выкрикивала непристойные ругательства.

Теперь, когда Мариэль видела своего противника, она в который раз убедилась в том, как мифы приукрашивают реальность. Перед ней был вовсе не грозный хранитель, а обычный сатир. Свирепый и опасный, но не настолько, чтобы справиться с двумя эльфами.

Мариэль со звоном вынула Тайвос из ножен и кивнула Малвелю. Тот понял без лишних слов и, скрепив руки за спиной, поднял хранительницу ущелья.

— Кто ты такая? — Потребовала ответа Мариэль, направив острие меча на противницу.

Полностью черные, лишённые белков, глаза сатира сузились, а бледные узкие губы искривились в усмешке, обнажая клыки. Она мотнула головой, целясь винтовым рогом в Малвеля. Мариэль пресекла попытку, ударив по рогу плоской стороной Тайвоса. Из рукава Посланницы Солнца выползла Рогнильда, с шипением поползла по голубому лезвию и щелкнула зубами у самого носа сатира.

— Э-э-э, уберите это от меня! Терпеть не могу этих гадов.

— В моей стране принято знакомиться прежде чем решать кто станет врагом, а кто другом.

— А еще в твоей стране, наверное, принято врываться в чужие дома. Это ущелье — мой дом и, как хозяйка, я в праве считать врагами тех, кто пришел без приглашения. — Прошипела хранительница, показывая пожелтевшие клыки.

— Я Мариэль, Посланница Солнца и принцесса эльфов Джевелии. Никакой закон не запрещает мне находиться здесь.

— Принцесса Джевелии, но не Джевелийка... В сопровождении Ваккрохальского воина. Телохранитель?

На этот вопрос Мариэль и Малвель ответили одновременно:

— С чего ты взяла, что мне нужен телохранитель?

— Что-то вроде того.

— Ха, кажется я поторопилась с выводами, — рассмеялась рогатая женщина, заправляя прядь кудрявых черных волос за рог. Она словно больше не обращала внимания на клинок, приставленный к ее горлу, змею, шипящую прямо перед ее лицом и Малвеля, держащего ее руки так, чтобы она не могла пошевелиться. — Вы больше похожи на скрывающихся любовников.

Ни один мускул на лице Мариэль не дернулся. Малвель тоже никак не отреагировал на подначивание сатира.

— В чьи чертоги нас привела нить судьбы? Назовись! — Твердым решительным тоном потребовала Мариэль.

— Мое имя Муйзди. — Горделиво подняв подбородок, сказала сатир. — Дочь пещерного духа Жаман. Хранительница этого ущелья. Пока ум мой ясен, а руки способны держать посох, никто не пройдет сюда.

Даже с мечом у горла Музди сохраняла достоинство и выглядела угрожающе. Но Мариэль, которая в жизни своей встречала и более страшных существ, не дрогнула. Казалось, после того, как в первый свой поход она осталась одна и встретила лицом к лицу с жаждущими отмщения драконами, ее больше никто напугать не был способен.

— Мы пройдем. — Ответила она стальным голосом. — И меня не будет заботить, придется тебя убить или ты сама нас пропустишь. Могу лишь заверить, что мы заберем только свое.

— Свое? Здесь нет ничего вашего! Это ущелье мое! И все в этом ущелье мое! Мое!

Муызди дернулась, воздух пошел рябью, словно сатира выплюнула вместе со своей неистовой злостью какую-то невидимую, но очень ощутимую силу. Малвеля отбросило на несколько шагов от нее. Мариэль тоже опрокинуло на спину. Тайвос вылетел из рук и воткнулся в сугроб в нескольких метрах позади нее. Муызди же поправила волосы слишком высокомерным для дикарки жестом. Протянула руку над землей и из-под снега вырвался посох, привычно ложась ей в руку. В один прыжок преодолев расстояние между ними, Муызди оказалась перед Мариэль, нацелив на эльфийку острый металлический наконечник своего деревянного посоха. Мариэль не двигалась, игнорируя оружие у своего горла, она бесстрастно смотрела хранительнице в глаза.

— Что вам нужно? — Прокричала Муызди.

— Мы пришли за подругой. Она попала в беду. — Таким же бесстрастным, как взгляд, голосом ответила Мариэль.

— И что вы готовы мне дать за то, чтобы я вас пропустила.

— Что угодно, что не повредило бы моим близким и моему народу. — не колеблясь проговорила Мариэль, краем глаза заметив, как Малвель поднялся и уже подкрадывается к сатиру со спины.

Однако она недооценила противницу. Муызди одним движением руки раскрутила посох так, что его траекторию было сложно проследить даже эльфийским обостренным зрением. Малвель снова упал, удар пришелся ему под колени.

— погоди мальчик, видишь взрослые разговаривают. — Даже не удостоив его взглядом, проговорила дикарка и снова нацелила на Мариэль посох. Но теперь уже не острым концом, а загнутым в форму полумесяца, к которому были привязаны всякое тряпье, клочки мха и амулеты. Глаза, лишённые белков подобтели, лицо дочери Жаман стало доброжелательнее. Мариэль схватила древко посоха и Муызди вытянула эльфийку из сугроба.

— Что ты хочешь за право прохода по ущелью? — Спросила Мариэль, помогая Малвелью подняться.

— Дайте подумать... Я загадаю два желания, поскольку вас двое.

— Твое право. — Согласилась Мариэль, понимая, что здесь торговаться не получится.

— Меня заинтересовала эта ваша безделушка, которая привела вас сюда.

— О чем ты? — Мариэль сжала в кармане дар Тасфиака, не желая расставаться с такой полезной вещью.

— О камушке дядюшки Тасфиака. Давно просила у него какой-нибудь из его волшебных камней, но он такой жадный. Не понимаю только чем ты их заслужила. Он ни с кем не делится, даже с родной племянницей. — Муызди обиженно надула губки, от чего ее грубые черты лица тут же стали по-детски наивными. — Дай мне его и можешь пройти.

Мариэль колебалась с ответом. Ей нужен был этот камень. С ним она чувствовала себя куда увереннее. И если сейчас ей придется его отдать, Мариэль останется без опоры. Он уже дважды выручал ее из, казалось бы безвыходных ситуаций.

— Я могу оказать более выгодную для тебя услугу. — Решила все-таки попробовать заставить Муызди передумать Мариэль. — Я принцесса Джевелии и имею весомый голос в Совете. Ты можешь стать полноправной владелицей этих земель, стать графиней и тогда люди станут уважать тебя, а не бояться.

— Я наполовину дух, мне чужды все эти титулы, права владения. Ты как никто другой должна меня понять.

— О чем ты?

— О том, что без путеводного гранита я тебя не пропущу.

Сатир скрестила руки на груди, прожигая Посланницу Солнца испытующим взглядом. Мариэль, ожидая подсказки или хотя бы поддержки поглядела на Малвеля, который все так же молча стоял за спиной Муызди. Но он тоже не знал как поступить, поэтому лишь дал понять, что готов действовать, если она вдруг решит не церемониться с дикаркой.

— Подумай. — Стояла на своем Мариэль, стараясь оставаться хозяином ситуации. — Ты ведь можешь пожелать чего-то действительно полезного. Тебе, как хранителю этого ущелья, ни к чему путеводный камень. Только если ты не хочешь, чтобы в твое отсутствие чужаки проникли в твой дом и учинили в нем беспорядок.

— Не твоя забота, как я распоряжаюсь своими желаниями. Либо давай камень, либо уходи.

На пальцах Муызди заплясали язычки пламени, угрожая разрастись в целый пожар. Мариэль это не спугнуло, однако она все же сдалась. Пусть она лучше останется без надежного указателя верной дороги, чем с Лафитлин что-то случится, пока она торгуется с дикаркой.

Она протянула руку и раскрыла ладонь. Муызди одним быстрым движением смахнула подношение с ее ладони и обернулась к Малвелю. Она оглядела эльфа придирчивым взглядом и брезгливо произнесла:

— У тебя из ценного только оружие. Но мне оно уж точно ни к чему. Что ты можешь мне предложить?

Она принялась обходить Малвеля, как дикая кошка добычу. Малвель не отвечал, следя за сатиром и не оставляя ее за спиной. Мариэль погладила Лиру по носу, успокаивая пегаса, и взяла под уздцы коня Малвеля и стала пристально следить за действиями сатира.

— Ну так что? — С издевкой спросила Муызди. — Чем ты оплатишь проход?

— У меня есть деньги. — Бесцветным голосом сказал Малвель, даже не шелохнувшись.

— В этих горах столько золота, сколько тебе и не снилось. Еще предложения?

— Можешь забрать мою душу, но только после того, как я найду Лафитлин.

— Заманчиво, тем более если учесть, что у тебя она кристальна, как вода в горных ручьях. Но души я тоже не коллекционирую. Не умею ими пользоваться. Вот если бы ты наткнулся на Гардона, он бы принял предложение без колебаний. Так что впредь будь осторожнее с такими заявлениями, мальчик. Ладно, останешься мне должен. — Ухмыльнулась Муызди, подбросив в руке путеводный гранит. — Я знаю как тебя найти. Только для начала дай клятву.

Малвелю не нравилось все это, но он повиновался под одобрительным взглядом Мариэль. Когда он договорил последнее слово, Муызди сатир взмахнула руками, вокруг нее засверкал воздух тысячами огненных искорок, которым она наконец дала волю.

— Ну все, кыш отсюда, пока я не передумала!

Мариэль уже была в седле, все так же держа на поводу коня Малвеля. Эльф хмурый, как осеннее небо, молча оседлал и пришпорил коня.

Мариэль тоже не сказала сатиру ничего на прощание. На языке вертелись только ругательства и проклятия. Путники так и молчали, пока перед ними не вырос замок. Остроконечные башни его казалось упирались в низко нависшее пасмурное небо. Над полуразрушенными стенами кружили вороны. Огромные ворота подмывала мутная вода озера, разлившегося, как в чаше, от одного склона до другого. К нему через еловый лес вело пересохшее русло, вдоль которого и ехали Мариэль и Малвель. Еще через некоторое время

они узнали причину, по которой ручей высох. Похоже когда-то давно тут сошла лавина и перекрыла сток, из-за чего и образовалось озеро. Мариэль прыгнула с Лиры и вскарабкалась по камням, чтобы взглянуть на замок, задней своей частью прислонившийся к телу горы. Ни в одном из окон не горел свет. Он выглядел совершенно безлюдным.

— Оставим здесь все лишнее. — Сказала Мариэль, спустившись обратно в лес. — Озеро перелетим на Лире. Коня привяжи так, чтобы он не потерялся, но и чтобы можно было в любой момент сорваться с места.

— Не нравится мне это. Перелетим озеро, ворвемся в замок, дальше что? Пока лететь будем уже привлечем внимание.

— Есть план лучше?

— Дождемся, когда стемнеет. Там где будут люди зажгутся факелы. Узнаем сколько их там и с какой стороны можно попасть внутрь, чтобы остаться незамеченными. Перелетим озеро, когда его накроет тень.

Мариэль перевела взгляд на замок. Хоть его стены и были разрушены беспощадным течением времени, он все равно выглядел внушительно и даже пугающе. Воображение живо и в красках нарисовало томящуюся внутри Лафитлин.

— Пусть будет так. — Согласилась она, отгоняя мрачные мысли.

Они расседлали лошадей и устроились под покровом высоких елей на подстилке из иголок. колючий ветер забирался под одежду и кусал щеки. Мариэль села, прислонившись спиной к шершавому стволу ели. Малвель сел напротив нее на колени. Взял ее замерзшие руки в свои. Мариэль начала шептать согревающее заклинание, но Малвель прервал ее.

— Позволь мне согреть тебя. Я так скучаю по тем временам, когда ты впервые оказалась в Вакрохалле. Я люблю вспоминать нашу первую встречу. Ты, как растерянный птенец стояла посреди двора нашего дома. Вооруженная до зубов, как будто на войну собралась, а не на знакомство с учителями. Не понимающая для чего ты здесь. Наивная, хоть и куражилась. Это не могло не умилять.

— Ты позабыл наш танец во время пира в честь моего прибытия во дворце короля Элеота. Там мы впервые увиделись.

— И правда. Ты тогда поразила меня своими движениями. Они были неземными, никто не умел так танцевать. Теперь ты всему научилась, — голос Малвеля резко погрузнел, эльф отпустил ее руки и отвел взгляд в сторону. — В тебе почти не осталось ничего, что делало тебя пришелеццей из другого мира. Неужели ты его забыла?

С лица Мариэль тоже сошла улыбка. Она задумалась, от чего ответила не сразу.

— Нет. Конечно нет! Я помню...

— Тебе не хочется вернуться? Оказаться там хотя бы на день?

— Это невозможно. Есть правила. Год там — здесь несколько десятилетий. И, что бы переместиться нужен определенный день. Возможно он уже прошел и следующий наступит только через шестьдесят лет, а может он вот-вот наступит. Но в любом случае здесь моя семья, мои друзья, мой народ. Я не смогу бросить все это.

— А если бы была возможность уйти и вернуться в любой момент?

— Все равно нет. Не сейчас. Не тогда, когда всему, что я люблю грозит опасность.

— А если бы узнала, что твоим близким, оставшимся в том мире, грозит опасность?

Малвель тут же пожалел об этом. Его вопрос Мариэль оставила без ответа. Она на долгие и глубоко задумалась, сама не в силах найти на него ответ.

— Я не помню их лиц. — Спустя несколько минут прошептала Мариэль. — Остались

лишь размытые образы родителей и братьев. Я не помню звучания их голосов. В памяти не осталось ни подруг, ни соседей... никого. Та жизнь теперь кажется сном.

Малвель прикусил язык, опасаясь снова сказать что-то лишнее. Лишь придвинулся к подруге и обнял ее, приковав взгляд к высоким башням.

Темнело очень быстро. Когда остроконечные крыши башен хватались за последние лучики зимнего солнца, озеро уже накрыла тень. А когда небо окончательно почернело по земле расстелился туман. В окошке одной из башен зажегся свет. Сначала робкий мерцающий огонек, но вскоре он стал ровным и ярким. В глухой ночи он выглядел, как маяк. Мариэль с Малвель, ведя Лиру под уздцы, забрались на платину, образовавшуюся сошедшей лавиной. Весь остальной замок оставался во тьме. Будто никого в нем больше и не было. Над озером туман сгущался сильнее, полностью скрывая водную гладь белой дымкой.

— Как ты думаешь, они могли узнать о том, что мы здесь? — Спросила Мариэль, задумчиво глядя на пустынный пейзаж.

— Хотел спросить у тебя то же самое.

Без лишних слов они забрались на пегаса и взлетели. Мариэль держала Лиру ближе к воде, разумно рассчитывая, что из замка их не увидят. В белом облаке не было видно ничего дальше кончика своего носа. И только тонюсенький лучик света из окошка в башне направлял их. Он не давал потеряться в пространстве. Светил в этой тьме ярче солнца. Звал громче фанфарных труб.

Лири скользила над озером словно по льду, иногда рассекая копытцем водную гладь. Как вдруг нечто резко и с такой силой дернуло ее за ногу, что не пристегнутые как раз на такой случай эльфы, перелетели через голову пегаса. Ледяная вода вышибла воздух из легких. Со всех сторон к ним потянулись тощие сморщенные пальцы. Они хватали, щипали, тянули и дергали за волосы. Лири отчаянно била копытами и крыльями, только чтобы остаться над водой. Никсы, визжа, хватали ее за ноги. Два мага света не растерялись, быстро сообразив в чем дело. Оба ярко засияли, режущим глаза чудовищ светом. Истошно крича, никсы кинулись в разные стороны. Мариэль и Малвеля отнесло друг от друга образовавшимся течением. Лиру чуть не утащили под воду. Если бы Малвель вовремя не заметил этого и не бросил в их сторону шар яркого света, у пегаса не осталось бы шансов. Но освободившись, Лири взмахнула крыльями и взмыла в небо, скрывшись в тумане.

Мариэль отчаянно гребла к берегу. Ей приходилось отбиваться от особо смелых уродцев, которые с невыносимым визгом, не смотря на свет, набрасывались на Посланицу Солнца. Извернувшись в воде, Мариэль достала из голенища сапога кинжал. С ним дело пошло споро. Не без труда, но она добралась до берега. В небе она увидела кружащую Лиру. В озере сквозь туман она видела свет Малвеля. Сама она все еще испускала свечение. Она понимала, что если кто-то и был в замке, и наверняка заметил эту светомузыку. Так что прекращать действие магии она не стала. Ей было известно, что никсы и на сушу за добычей выбирают. Свет обеспечивал ей безопасность.

Мариэль послала мысленный импульс Малвелю с вопросом. Он ответил в тот же миг:

“Иди в замок, я догоню. Не спорь.”

Мариэль доверилась другу и кинулась к воротам. Морозный ветер обдувал ее со всех сторон, пробираясь под мокрую одежду, заставляя тело окоченеть. Пальцы на руках и ногах тут же онемели. Мариэль едва могла шевелить ими. Но, не смотря на это, она бежала к замку. Тяжелые ворота с грохотом, подобным грому, распахнулись прямо перед ней. Готовая сражаться с целой армией, Мариэль замерла на месте. Дрожащая от холода рука сомкнулась

на синей, как кожа на пальцах, рукояти Тайвосо. Увиденное ввело Мариэль в замешательство. К ней на встречу вышло не войско и даже не отряд тюремщиков. В арке врат стояла Лафитлин и широко улыбалась. Она раскинула руки, словно приглашая в объятия. Девушка выглядела совершенно счастливой, словно Мариэль заглянула к ней в гости, а не из плена примчалась вызволять. Первой мыслью оказалась — а не андар ли перед ней? Мариэль коснулась разума Лафитлин и это оказалась и правда ее подруга.

— Мариэль, я так рада тебя видеть! — Воскликнула Лафитлин, бросаясь на шею Посланницы Солнца.

— Что происходит, Лиф? — Заподозрив что-то неладное, спросила Мариэль. Внимательно вглядываясь в темноту прохода, она завела подругу за спину.

— Я не знаю, ты мне скажи. — Удивленно ответила Лафитлин. — Зачем вы пришли за мной? Я же оставила Малвелю записку у трактирщика, где все объяснила.

— Ни о какой записке он мне не говорил. И к чему вообще записки?

— Пойми, — Лафитлин погрузилась, стыдливо опустив глаза к земле. — Я не могла сказать ему... и тебе лично. Мне так стыдно, что я бросаю вас. Но я поняла, что все это время я... жила не своей жизнью. Мне ее навязывали... родители, сестры, братья... Эдолас... Разве плохо, что я хочу пожить немного для себя?

— Ты должна знать... — Мариэль положила руки на плечи подруги, тем самым вынудив смотреть ей в глаза. — Твои близкие всегда поддержать тебя во всем, что бы ты ни решила. Тебе лишь нужно сказать о том, что хочешь. Мы все очень переживали за тебя. Эдолас сходит с ума, твой отец выслал с десятков поисковых отрядов.

— Не моя вина, что трактирщик не передал письмо.

— Я не узнаю тебя, Лиф.

— Прости, я и правда должна была сказать тебе лично.

Мариэль все еще надеялась найти здесь какой-то подвох. Она очень хотела, что бы все, что говорит Лафитлин оказалось неправдой. Мариэль аккуратно проникла в сознание подруги, но ничего явного не увидела. Да и лугс энемором ротсмар говорил об отсутствии лжи. Однако, заглянув глубже в сознание Лафитлин, Мариэль все же нашла что искала. Кто-то воздействовал на ее подругу, почти незаметно подталкивая ее к тем действиям, которые она хотела, но совершить сама никогда бы не решилась. И в тот момент, когда Мариэль хотела уже начать сражение за сознание Лиф, из темной пасти входа в замок вышел человек, ведя двух пегасов под уздцы. Его лицо нельзя было разглядеть под широкими полями шляпы, но Мариэль узнала в нем Мальтифада. Какие-то неуловимые черты, делающие его не похожим ни на человека, ни на эльфа, ни на гнома. В нем больше было схожести с Фулдуром, но то определенно был не он. Фигуру Чекнутого Зевса Мариэль узнала бы даже в кромешной тьме. А сейчас она сама же светила на незнакомца своей магией. Мариэль так же поняла, что именно он управляет сознанием Лафитлин.

— Мариэль, познакомься, это Рокас, он мой проводник. Вместе с ним я увижу все самые необычные места в мире.

— Значит Рокас... — недовольно прошипела Мариэль, снова пряча подругу себе за спину и держа ее за руку, то ли из страха, что она уйдет, то ли для поддержки. — Освободи ее! — Потребовала она, обращаясь к мужчине.

— Это ты ее держишь а не я.

— Ты знаешь о чем я.

— Хорошо. Следи внимательно.

Мариэль проследила за тем, чтобы Рокас отпустил сознание Лафитлин, и задала вопрос: — Чего требует твое сердце?

— Я хочу пойти с ним, Мариэль, прости. — Ответила Лафитлин, высвободив свою руку.

Она подошла к Рокасу, забралась на одного из пегасов.

— Если я тебе понадобится, — напоследок сказала разочарованная Мариэль, — ты знаешь что делать.

Лафитлин кивнула, грустно улыбнувшись, и взлетела, тут же скрывшись в тумане.

— Иногда случается и такое. — Проговорил мужчина, тоже забираясь на пегаса. — И у самых близких оказывается есть свое мнение и свои планы на жизнь.

— Ты воздействовал на нее! — Не в силах поверить в поступок подруги, воскликнула Мариэль.

— Всего лишь помог ей сделать то, чего она сама хотела. — Подняв пегаса в воздух, сказал Рокас.

К тому моменту Малвель наконец выбрался на берег. Он тяжело дышал и не мог подняться на ноги. Эльф лежал на камнях, тяжело дыша. Он прошептал дрожащими губами несколько заклинаний, которые вытянули из него много сил. Зато его одежда теперь была сухой и теплой и конечностям не грозило обморожение. Что не скажешь о Мариэль, которая, забыв о травмах, призвала Лиру, вскочила на нее и помчалась за Рокасом. Но уставшая и раненная Лира никак не могла угнаться за невредимым и полным сил пегасом обманщика в шляпе.

— Что ты собираешься делать, принцесса? — Крикнул ей Рокас. — Разве ты не желаешь своей подруге счастья? Заключение ее в золотую клетку под предлогом безопасности?

Не слушая его, Мариэль метнула в него магический заряд, который должен был сбить его. Но Рокас увернулся и в ответ махнул рукой в ее сторону. Воздух позади него заискрился шипящими молниями. В попытках увернуться, Лира потеряла равновесие. Потoki воздуха кружили и переворачивали пегаса. Мариэль не удержалась в седле. Падение было недолгим. Посланица Солнца ударилась о крышу одной из башен. И покатила по скату, загребая снег, в попытках хоть за что-нибудь ухватиться. Но скользкая крыша не оставляла шансов. Мало того, потревоженная снежная шапка двинулась с места и устремилась к земле вместе с Мариэль.

Глухой удар при приземлении в сугроб раскатился гулким эхом по ущелью. А сразу за ним рокот, как от оползня. На Мариэль обрушилась снежная лавина с крыши башни, накрыв ее с головой.

— Мариэль! Нет! — Только что пришедший в себя, Малвель не решился крикнуть во все горло, чтобы не потревожить горы. Лира, которую отбросило в другую сторону предприняла попытку подняться, но все равно рухнула наземь.

Эльф, собрав все свои последние силы, бросился к снежной горе, под которой покоилась Мариэль. Голыми руками он принялся откидывать снежные комья. Глаза застилала пелена слез от мысли, что такое падение для его подруги могло оказаться смертельным. Даже, когда пальцы онемели, а кожа на них покраснела, он не прекратил попыток. И вот из под снега, словно первый весенний цветок, появилась рука девушки. Это открыло эльфу второе дыхание. Он с двойным остервенением начал сгребать снег, пока Мариэль полностью не оказалась на поверхности. Он вызволил Мариэль и прижал ее голову к своей груди. Окоченевшими пальцами он нащупал пульс. Ее сердце билось. Очень слабо, но билось. Девушка была холодна, как лед. Малвель с трудом поднял казалось бы легкую

Мариэль. И поплелся внутрь замка. Все-таки нашедшая в себе силы встать Лира, поковыляла за ним.

Первое же помещение, в которое они попали, было похоже на сторожку — место, где отдыхали привратные стражи. Там был камин и несколько коек. Малвель опустил Мариэль на ближнюю к камину постель. Лира легла рядом.

Чтобы разжечь огонь в камине пришлось не мало потрудиться. Дров не было, поэтому Малвель разломал одну из коек и поджег ее. А потом принялся осматривать Мариэль. Сил на магию у него больше не было. Он едва держался на ногах. Но Мариэль отморозила себе пальцы и тянуть с лечением было нельзя.

Капающая откуда-то вода привлекла внимание Малвеля. В другом углу сторожки с потолка текла вода. А на старом столе стоял старый глиняный кувшин. Набрав в него воды, Малвель принялся поливать руки и ноги Мариэль, предварительно освободив ее от плаща и ботинок. Сначала холодной водой, потом он стал подогревать ее у камина. В конце концов на руки и ноги Мариэль лилась почти горячая вода, от чего ее пальцы начали потихоньку шевелиться. Совсем выбившийся из сил Малвель укрыл подругу высохшим уже плащом, подбросил в камин обломков койки и сам завалился на одну из них.

Два эльфа и раненный пегас в огромном старинном замке выглядели чрезмерно одиноко и незащищенно. Если бы кто-то вздумал напасть на них прямо сейчас, у Мариэль и Малвеля не осталось бы шансов.

Глава 19. Из огня в полымя

Это не было похоже на пробуждение ото сна. Она чувствовала себя так, будто и не спала вовсе. Словно после падения прошел всего миг. Она проснулась от боли, острыми иглами пронизывающей все ее тело. Мариэль едва могла пошевелить пальцами, чувствуя, как бугрится волдырями ее кожа от обморожения. Каждый вдох давался с трудом и вспышками и такой мучительной боли, что, казалось, проще было не дышать. В ушах стоял звон, от чего голова казалась хрустальным сосудом, который вот-вот расколется от такого напора. Мышцы налились свинцом и нестерпимо ныли. Сломанные кости впивались в мягкую плоть изнутри и скребли друг друга при малейшем движении. Натянутые, как тетива, нервы лопнули. Из глаз бурным горным потоком брызнули слезы, а из горла вырвались неконтролируемые рыдания. Боль заполнила ее всю, вытеснив голос рассудка, способность к рациональному анализу ситуации и действиям, а вместе с ними и покой, дарованный Анорсель. В этот момент она даже не помнила кто она, не знала где находится и это ее никак не заботило. Все, чего она хотела, это чтобы все скорее закончилось. Только что бы ее мучениям пришел конец. Даже, если нет другого способа, кроме смерти.

Ее плач напоминал скулеж раненного зверя. Тихий, потому что на большее не хватало сил, но полный страданий. Неконтролируемые эмоции открыли выход магии — мощной силе, что таилась внутри долгое время. И магия эта приобретала суть под стать энергии хозяйки. Никто не смог бы остаться равнодушным, услышав ее плач.

Истощенный Малвель не был исключением. Из почти мертвого сна его вынули не тихие всхлипывания подруги, а ее магия. Он направил последние крупницы своих сил на то, чтобы хоть как-то облегчить мучения той, что была ему дорога. И рухнул на колени перед ее ложем, уронив безвольные руки на ее живот. От осознания собственной беспомощности и бессилия перед наступающей смертью, скрипели зубы.

Мариэль лишь ненадолго притихла. И снова разразилась рыданиями.

Малвель попытался подняться. Что-то мягкое, но сильное помогло ему это сделать, поднырнув ему под локоть. Лира, раненная в борьбе с никсами и молнией Рокаса, поддерживала шатающегося эльфа. Рваные мысли пегаса пробились в сознание эльфа: "Возьми мои силы... их не достаточно, что бы я... дотянула до утра, но хватит, чтобы Посланица Солнца... исполнила свое пред...назначение."

Малвель вздрогнул так сильно, что чуть не упал. Он отшатнулся от пегаса, словно та встала на дыбы и грозила угодить ему копытом меж глаз

— Нет! — Прохрипел он. — Мариэль мне этого вовек не простит.

Должно же быть хоть что-то, что поможет! Не может быть, чтобы выход был только один.

Малвель прижал длинные пальцы к вискам, пытаясь сосредоточиться. Придумать хоть что-то!

Его медальон! Малвель веками копил энергию в обсидиановом медальоне! Там должно быть столько энергии, что можно было взорвать этот замок или долететь до луны.

Рука взметнулась к груди... но пальцы не нащупали привычного холодного камня. Теперь уже обе руки лихорадочно блуждали по шее эльфа, но цепочки, обычно висящей на шее, не было. Его нет! Нет!

Он точно помнил, что медальон был при нем, когда они с Мариэль разбили лагерь у

озера. Неужели эти проклятые никсы сорвали его и теперь самая дорогая вещь погреблена на дне мертвого озера? Или цепочка порвалась, когда Малвель раскапывал Мариэль? Это уже не важно. Он пропал. А с ним пропала и всякая надежда...

Как вдруг в пульсирующую болью голову эльфа пробилось воспоминание о далеком прошлом:

— Ширилла училась магии. Сила, что хранится в камнях пояса — ее энергия. — вымолвила Мариэль, рассматривая сияющие камни в поясе, подаренном королем Дугласом.

— В таком случае, она очень поможет тебе в борьбе со Стернадором.

А ведь она там и свои силы копила! Эта мысль открыла эльфу второе дыхание. Непослушными пальцами он сорвал плащ, которым была укрыта девушка. Пояса на ней не было. Тогда, снова укрыв ее, Малвель принялся осматривать все вещи. Но нет! Его нигде не было! Пытался вспомнить, был ли яркий драгоценный ремень на Мариэль во время их совместного путешествия, но, как ни пытался, не мог.

“Смерть уже здесь — Прозвучал печальный голос Лиры в голове Малвеля. — Я вижу ее... У нее черная грива и золотой рог — ключ от врат вечно зеленого луга. У нее добрые грустные глаза. Она... не беспощадная злодейка, какой привыкли считать ее двуногие. Она не забирает, а лишь провожает тех, кому пришел час пройти последнюю дорогу. Что бы им не было в том пути одиноко и страшно. Она уже здесь... а значит с рассветом кто-то пойдет с ней. В твоих силах удержать одну из нас рядом с собой. Я всего лишь старая лошадь. Даже для пегаса я живу уже очень долго. Спаси мою всадницу. Это самое большее, что я смогу дать ей.”

Поставленный перед труднейшим выбором в его жизни, Малвель долго колебался. Он смотрел в серые глаза пегаса и ему казалось, что в них дрожат слезы. В конце концов очередной жалобный восклик Мариэль побудил его к действию.

— Ты лучший скакун из всех, кого мне довелось знать. — Прошептал он, положив ладонь на мягкий нос, истекающей кровью, кобылицы.

“Я уйду спокойно, зная, что рядом с моей наездницей остался такой верный друг”

Малвель, с мокрым от слез лицом, в последний раз погладил Лиру, вкладывая в этот жест всю благодарность и печаль, которые не мог выразить словами.

Снова опустился на колени, одну руку все так же держа на носу пегаса, а другой стиснув пальцы Мариэль.

Медленно, чтобы не навредить себе и не причинить еще больше боли раненной кобылице, он начал вытягивать из нее силы. Потрескавшиеся губы его шептали слова всеисцеляющего заклинания.

Мариэль закричала громче. Но даже ее крик не мог перекрыть влажные хрусты вправляющихся и срастающихся костей. Все раны стали медленно затягиваться. Кожа на обмороженных ладонях лопалась, высвобождая сукровицу, и тут же заживала.

Лири, быстро теряющая жизненную энергию, тихо, но протяжно и печально заржала. По телу ее прошли судороги, она медленно опускала голову. И вот, когда до пола оставалось всего пара сантиметров, ее голова безвольно упала. Большие серые глаза задрожали мелкой дрожью и навеки замерли. Она в последний раз всхрапнула и обмякла.

Все стихло. словно все звуки разом исчезли. Малвелю даже показалось, что он оглох.

Но он вдруг понял, что шуметь больше просто некому.

Безжизненное тело пегаса лежало у его ног. Казалось даже кровь прекратила течь из ее ран.

А Мариэль, освободившись от терзающих болей, снова провалилась в беспамятство.

Малвеля не отпускало не знакомое противное чувство. К горлу подкатил тугой ком вместе с осознанием чудовищного поступка: он убил! И убил не просто какое-то глупое животное или кровожадное чудище на подобии никса. А Пегаса — волшебного зверя, на столько же сознательного, как и он сам. Он убил умного верного друга. Мариэль никогда не простит ему этого. А если и найдет в себе силы, то он сам всю оставшуюся жизнь будет корить себя за то, что не нашел другого выхода.

Малвель рыдал, не отдавая себе в этом отчета, все так же стоя на коленях перед спящей Мариэль. Опершись локтями в матрас около подруги, он спрятал лицо в ладони и долго, протяжно закричал.

Крик разнесся по всему замку, эхо ответило каменным хором, в сто крат приумножая все переживания эльфа.

Силы покинули его раньше, чем оборвался его вопль. Он так и уснул между спасенной Мариэль и убитой им Лирой.

Проснулся он, обнаружив себя лежащим полностью на кровати и заботливо укрытым двумя одеялами. В единственное узкое окошко пробивался тусклый дневной свет и снопы снежинок, которые беспокойно кружась, укрывали подоконник пышным белым одеялом. В камине мирно потрескивал огонь, придавая ощущение уюта даже этому запустелому, разрушенному временем месту.

Малвель огляделся. Ни Мариэль, ни тела Лиры нигде не было. В сердце закралось беспокойство, вытеснив сонливость и то утреннее умиротворение, когда только проснулся, и ещё не успел подумать обо всех неприятностях предстоящего дня.

Соскочив с места, он кинулся наружу. Солнце еще не выглянуло из-за горных вершин. В долине царили сумерки. Все окутывал белесый туман. Землю укрывал сухой снег. В могильной тишине было слышно, как он шуршит, приземляясь. Озёрная гладь была неподвижна и казалась мертвой.

Малвель вглядывался в этот удручающий пейзаж, пока не нашел в тумане одинокую фигуру.

Мариэль неподвижно стояла около странного холмика. Если бы не колышущие едва заметным ветерком волосы и лохмотья плаща, ее можно было бы принять за древнюю статую, охраняющую руины замка.

Подойдя ближе, Малвель смог разглядеть Пегаса, лежащего на земле. Он гордо изгибал шею, мирно сложив крылья. Это было изваяние из камня, удивительно точно передающее тончайшие изгибы и благородные черты Лир. Гриву, хвост и перья крыльев образовали потоки воды. Под статуей растекся пруд, создавая впечатление, будто пегас плывет, как лебедь.

Рядом с прудом лежал большой валун, на котором глубокими щербинами были выбиты слова:

"Здесь покоится верная спутница Посланницы Солнца, разделившая с ней все свои подвиги. Убитая трижды проклятыми никсами двадцать восьмого дня последнего месяца тысяча шестьдесят второго года второй эпохи."

Мариэль смотрела в ту сторону, где ночью скрылись Лафитлин и Рокас. Как только Малвель приблизился, она не оборачиваясь сказала:

— Идем. Меня ждут дома. — И решительно направилась к озеру.

— Мы что же, оставим Лафитлин?

— Ей не грозит опасность. — отстраненным, но все тем же решительным тоном ответила Мариэль. Словно она говорила больше не о своей подруге. — Она сама выбрала этот путь. И я не стану гоняться за ней по всему свету, когда она сама того не желает, а другим, при этом, нужна моя помощь.

— Что вчера произошло? Я видел молнию. На секунду мне показалось...

— Фулдур. — Закончила за него Мариэль, подтверждая его догадку. — Но я уверена, Фулдур не единственный маг молний. — Мариэль прошептала заклинание и вода озера слегка отступила, давая путникам обойти озеро по тонкой, шириной с одну ступню, полоске берега. Но Мариэль не торопилась заносить ногу над узкой тропкой, задумавшись. — Либо Фулдур весьма искусно заморочил всем голову. Но я не думаю, что он допустил бы такую оплошность. Если бы это был Фулдур, он не стал бы пользоваться стихией, чтобы не выдать себя.

Уверенно кивнув, она стремительно направилась вдоль кромки воды.

Малвеля сбило с толку поведение подруги. Мариэль за одну эту ночь изменилась так, что он едва узнавал ее. Та Мариэль, которую он впервые встретил на пиру в Вакрохалле не была такой закрытой... отстраненной и даже, наверное, черствой.

— Прочь! — Прошипела Мариэль, острым лучом света отбрасывая от себя никса.

Это заставило Малвеля опомниться и оглядеться. К нему уже тоже тянулась черная морщинистая костлявая рука противного склизкого существа с огромными желтыми глазищами.

Он отмахнулся от него сгустком света, так же неторопливо следуя за Мариэль.

Где-то там, в глубине озера лежал его медальон, который позволил бы спасти и Мариэль и Лиру. Он чувствовал его, чувствовал сгусток колоссальной энергии, покоящийся на дне. И чувствовал невообразимое множество мерзких тварей, снующих вокруг его сокровища.

С такими думами они добрались до того места, где спокойно пасся конь Малвеля.

— Счастливый ты. — Прошептал ему на ухо эльф. — Хотел бы я, как и ты, не знать ничего о минувшей ночи.

Гнедой жеребец покосился на хозяина, пережевывая сухую траву.

Перекусив всухомятку, они поспешили убраться из этого места. Шагали пешком, Мариэль даже не глядела на коня. Видимо мысли о том, что ей придется ехать верхом на ком-то другом, а не на Лире, раскаленной иглой вонзились в ее разум. Она гордо шла впереди, а Малвель следовал за ней, ведя жеребца под уздцы.

— Расскажи что произошло там на берегу. — Попросил он. — О чем вы говорили с Лафитлин?

Мариэль ответила не сразу. Малвель уж подумал, она и вовсе не ответит, но эльфийка вдруг заговорила:

— Произошло то, чего я в тайне боялась... — Она пересказала все. Тон ее был сух и безэмоционален, но слова ее были злыми и выдавали безмерную раздражительность, что скопилась в ней. — Все, что я поняла — Рокас не желает ей зла. — Мягче добавила она. — Мне этого достаточно, что бы не беспокоиться за нее.

— Ты говорила мальтифады превосходные телепаты и перевоплощаются по щелчку пальцев.

— Да, но если верить Фулдуру... — Она осеклась, а потом из уст ее вырвался истеричный смешок. — Ха! Никогда бы не подумала, что скажу такое. В общем, если он не врет, то мальтифады хотят союза с Джевелией. Им не выгодно похищать принцессу наших союзников.

— Но ты сказала что Рокас — мальтифад.

— Да, а еще я сказала, что не почувствовала угрозы. — Мариэль сжала в кармане коматит, который с момента нападения никсов ни разу не дрогнул. Если мальтифады и могут одурманить ее, то вряд ли они способны обмануть единственный в своем роде волшебный камень из долины Тасфиака.

— А если за Фулдуrom идут не все мальтифады? Или у него какой-то сложный многогранный план?

— Нет резона гадать об этом сейчас. — Твердо ответила Мариэль, пресекая дальнейшие попытки диалога.

Малвель глубоко задумался, ведя под уздцы своего коня. Мариэль шла впереди него, словно не замечая холодного пронизывающего ветра. Он кутался в свой изорванный плащ с удивлением глядя на свою подругу, которая даже не обращала внимания на то, что за спиной у нее вместо теплого плаща колышутся лохмотья. Как даже не пытается привести в порядок растрепанные волосы. Не смотрит на то, что подошва левого сапога вот-вот отвалится. И вопреки всему этому выглядит благороднее напомаженных аристократок и даже царственнее несравненной королевы Аргары. По ней было видно, что она приняла какое-то судьбоносное решение. Эта решительность и создавала вокруг нее ореол величия.

Сам же Малвель чувствовал себя хуже попрошайки с улицы. Он совершенно не привык к такому образу жизни, когда буквально некогда помыться и причесаться. Не говоря уже о том, чтобы найти чистую теплую одежду.

Помимо этого давило тяжелое чувство, которого он не испытывал никогда прежде. Эльфы в Эфелоне редко становятся свидетелями смерти. Конечно он не раз проходил мимо кладбища около людской деревни, да и в лесу находил трупы белок или зайцев. Но никогда... никогда он не убивал никого сам. Сегодняшней ночью он не просто убил Лиру, он пережил ее смерть вместе с ней. Какая-то часть него умерла вместе с пегасом. Словно разрушился один из несущих кирпичиков его сознания, из-за чего все остальные кирпичи в любой момент могут рухнуть и рассыпаться.

Размышления в тишине не шли ему на пользу. Копаясь в себе, он внезапно обнаружил, что в нем начинает зарождаться ненависть к Лафитлин. Если ее предательство и уход с незнакомцем неизвестно куда еще можно оправдать тем, что на ее сознание оказали влияние, то, что она позволила своему спутнику напасть на Мариэль... И не вернулась даже тогда, когда ее подруга оказалась похороненной под снегом. Это вызывало бесконечную злобу. Малвель внезапно почувствовал острую потребность с размаху впечатать кулак в кору ближайшего дерева и закричать. Но не успел он и замахнуться, как заметил, что Мариэль остановилась.

— Что случилось?

— Надо найти Муйзди. — Кратко пояснила она, взглядываясь в склоны гор.

— Зачем?

— Хочу попробовать вернуть путеводный гранит. Он еще понадобится мне, чтобы

найти Лафитлин.

— Ты все-таки намерена ее разыскать? — На мгновение в груди Малвеля зажегся огонек радости. То ли от того, что Мариэль еще не до конца потеряла надежду на сохранение дружбы с Лафитлин. То ли от того, что с путеводным камнем он сможет взглянуть в глаза той, кто предала их.

— Не сама. — Отозвалась Мариэль. — Отдам камень Эдоласу. Я считаю, он имеет право знать где и с кем его жена.

— Резонно. А Фаолин знает где ты и с кем? — Малвель не знал почему задал этот вопрос.

— Мы разговаривали с ним утром. — На удивление спокойно ответила Мариэль. — Я никогда не оставлю его в неведении.

Щемящее чувство, которое он старался в себе подавить вспыхнуло, словно желая напомнить о себе. Как бы Малвель ни хотел назвать его по другому, это была ревность. Смотреть с какой любовью Мариэль говорит о Фаолине, с какой строгостью не позволяет кому либо усомниться в их верности друг другу, было не приятно.

Пока эльф старался совладать с нахлынувшими эмоциями, Мариэль моментально переключилась на дело и громко позвала сатира.

Никто не ответил.

Мариэль позвала снова — громче.

И в этот раз ответом ей была тишина.

Посланница Солнца хотела уже крикнуть еще громче, но Малвель остановил ее, опасаясь схода лавины.

— По всей вероятности хранитель покинул свой пост. Как думаешь? — Сказал он, придержав Мариэль за локоть.

— Я конечно думала, что именно путеводный гранит она выбрала не просто так. Однако рассчитывала, что она не покинет дом так скоро.

— Видно, не так уж она любит это место.

Задумавшись, Мариэль оглядела склоны гор, усыпанные белым снегом. У нее и самой уже на плечах и капюшоне образовалась снежная шапка. Но ей было не до этого. Факт того, что все идет не так, и любое дело за которое она бы ни взялась оборачивается чуть ли не катастрофой, выводил ее из себя. Пришлось приложить все свои усилия, что бы сдержаться. От гнева и отчаяния она чуть ли не тряслась крупной дрожью. Задержав дыхание на несколько минут, она подняла взор к горным вершинам, а потом глубоко вдохнула, чувствуя, как морозный горный воздух подавляет пожар злости внутри нее. От еще нескольких глубоких вдохов в горле запершило и подступил кашель. Но Мариэль сдержала и его.

Убедившись в том, что в состоянии трезво мыслить и резонно действовать, она зашагала дальше. Ей до дрожи в коленках не хотелось раскисать перед Малвелем. Ей казалось, что именно упадок духом он и ожидает сейчас от нее, и за это ей было ужасно стыдно.

Малвель же молча последовал за ней. Он понимал, что любое сказанное им слово может вывести ее из того шаткого равновесия, в котором находился и он сам. Он вел под уздцы своего коня и старался не думать о том, что им придется провести весь путь до Малата пешком. Он знал, что предложи он Мариэль ехать верхом, она воспримет это, как оскорбление, ровно как и если он сам поедет верхом, а она будет пешей.

Двоих его конь долго не выдержит. Это был старый скакун не самой выносливой породы. Живя в Эфелоне, Малвель даже не задумывался о том, что ему нужен свой хороший

конь. Он ведь и представить не мог, что ему понадобится куда-то уезжать. Отец как-то давно предлагал ему приручить пегаса или хотя бы ахатлинса — скакуна благородной эльфийкой породы, дикие табуны которой пасутся в полях ахатлин неподалеку от Эфелона. Но Малвель упирался, ссылаясь на то, что предпочитает передвигаться на своих ногах. Как же сейчас он жалел, что не последовал совету отца.

От размышлений его отвлекла Мариэль, коснувшись его плеча. Оказалось они уже вышли из ущелья и шли по тропе меж невысоких холмов.

— Что..?

— Ш-ш-ш! — Призывая его к молчанию, зашипела Мариэль, приложив указательный палец к губам. Убедившись, что эльф будет вести себя тихо, она указала куда-то меж холмов. Приглядевшись, ему удалось различить нескольких людей, облаченных в бело-серые одежды, благодаря чему они почти сливались с окружающими камнями и сугробами. Мариэль кивнула в другую сторону. Там, держа импровизированное оружие наготове, широким кольцом их окружали еще несколько человек в таких же одеждах. А затем перевела взгляд на ближайший холм, на вершине которого был всадник. Лишь только Малвель его увидел, всадник прищпорил коня и вихрем помчался прямо на них. Одновременно с этим, пришли в движение и люди, окружившие их. Все разом кинулись на них.

Мариэль выпрямилась и, не шевелясь, смотрела на всадника. Она даже не притронулась ни к Тайвосу, ни к луку. Малвель же ее примеру не последовал и обнажил свой меч.

— Мариэль, в сторону! — Крикнул он, опасаясь, что несущийся галопом всадник, собьет ее. Но Мариэль, похоже не слышала его, не двигаясь с места. Тогда он схватил ее за руку и дернул на себя со всей силы, и был ошарашен тем, что и сейчас она осталась стоять, как стояла. Словно она корнями вросла в землю. Он чуть не упал по инерции, воткнув меч в землю, чтобы удержать равновесие. Когда он вновь обернулся к Мариэль, прямо перед ней уже резко затормозил конь. Из под копыт его в разные стороны полетели комья стылой земли и снега. Часть попала на Мариэль, но она не заметила и их, гневно глядя в глаза всадника исподлобья. Через пару мгновений их уже окружили плотным кольцом дюжина людей, наставляя на эльфов пики, сабли, секиры и ножи. Только теперь рука Мариэль плавно легла на рукоять Тайвоса.

— Гляньте-ка, парни! Какой улов! — Гаркнул коренастый широкоплечий мужчина со светлыми, явно давно не выдавшими мыла волосами, собранными в хвост и темной бородой, заплетенной сложными косами, сидящий в седле. — Брось железку, милашка, а то поранишься. — Ослабил он гнилыми зубами, обращаясь к Малвелю. Эльф не шевельнулся. — И что это две прекрасные дамы делают одни в горах?

Говорящий спешил и приблизился к Мариэль, которая молча внимательно следила за каждым его действием. Теперь уже ему пришлось высоко задрать голову, чтобы смотреть ей в лицо, так как ростом он был чуть выше среднего гнома. Сама же Мариэль глядела на него свысока, от чего губы ее тронула надменная ухмылка.

— Хороша... — Протянул он, грязными пальцами своими пытаясь дотронуться до ее щек. Движение Мариэль было столь быстрым, что никто не успел заметить его. Всадник дернулся только когда увидел нож, приставленный к своему животу.

— Советую тебе развернуться, забрать свой сброд и убраться подальше, иначе...

— Иначе что, милашка? — Перебил он ее, облизнув обветренные, покрытые гнойными язвами губы.

— Иначе я потешу себя и твоих дружков потрясающим зрелищем, как ты поломанными

руками будешь собирать свои зубы. — Прошипела она, наклонившись так, чтобы ее потрескавшиеся губы оказались у его уха. И голос ее прозвучал даже более угрожающе, чем раскат грома.

Как вдруг она вскрикнула, выронив нож. С недоумением она переводила взгляд с раскаленной до красна рукоятки, вокруг которой вмиг растаял снег, на обожженную левую ладонь. А потом быстро и цепко оглядела окружающих. Среди них она нашла того, кто сделал это. Колдуна. Его было несложно вычислить по странному амулету на шее и совиным перьям, вплетенным в волосы.

Мысленно укорив себя в таком упущении, она развернулась к колдуну всем телом. Малвель перевел внимание на главаря, не переставая следить за каждым из разбойников.

— Не советую, лапуля. — Мерзко ухмыльнулся коренастый человек, которого Мариэль мысленно прозвала атаманом. — Благодаря Цвойкеру мы продали в рабство десяток эльфов. И вы пополните этот список сегодня.

Работорговля? Мариэль пришла в ярость. Нет, не потому что ее рассматривают, как раба. Не потому что этот мерзкий слизняк постоянно называет ее милашкой, от чего ее тошнило. И даже не из-за собственной невнимательности, из-за которой она не заметила мага.

В ее стране чинят беспорядки работорговцы! В ее королевстве, для защиты и процветания которого она сделала так много, сколько ни один король не сделал. Эта ярость смешалась со всеми переживаниями дня, завертевшись вихрем в ее душе, требуя выхода. И она дала выход этой буре. Выбросив руки вперед, она прокричала заклинание, которое должно было в миг убить колдуна. Но тот, оправдывая слова атамана, оказался по настоящему сильным противником, легко заблокировав ее выпад. Он что-то пропел, это не было похоже на привычную ей эльфийскую магию. Было в его пении что-то дикое, первобытное и устрашающее. Из под земли вырвались щупальца, напоминающие корни деревьев. Мариэль отскочила, но они устремились за ней, стремясь обвить ее ноги, обездвижить.

Краем глаза Мариэль заметила, как Малвель уже дерется с несколькими работорговцами. Атаман же с предвкушающей улыбкой наблюдал за всем этим действием со стороны.

Одно щупальце подобралось слишком близко, и уже обвилось вокруг щиколотки эльфийки. Мариэль со звоном вынула клинок из ножен и тот засверкал чистой голубизной. Им она разрубила корень и снова отскочила в сторону, налетев на какого-то работорговца. Но из под ее ног снова вырвалась копна щупалец. Одно тут же “схватило” ее за левую руку, другое перехватило правую, когда Мариэль замахнулась, чтобы перерубить первое. Ноги безнадежно увязли в рыхлой почве и их тоже стали окутывать тугие корни, поднимаясь все выше. Вот они добрались до талии, вот уже стянули грудь, подобно корсету. И замерли. Мариэль не могла пошевелиться. Она оказалась лицом к лицу с колдуном, чьи глаза сверкали недобрыми желтыми огнями, походящими на совиные. Он смотрел на нее, но казалось ее не видел. Цвойкер перестроился на другой лад, запел совершенно другую песню, махая руками перед собой. Это было похоже на гипноз. Нет, это и бы гипноз! Мариэль больше ничего перед собой не видела. Только его желтые глаза. Ничего не слышала, только его монотонное пение. Ни о чем не думала, только о приближающемся конце.

Никто, ни один человек, обладающий магией, еще не был способен одолеть эльфа.

Кроме Цвойкера. Его имя будут воспевать в балладах. Он будет известен, как человек, одолевший Посланицу Солнца. Вот так закончится ее славная история. В горах, вдали от дома, от рук мага-работорговца.

Эти мысли лениво ворочались у нее в голове. Как вдруг голову пронзила острая боль, словно в мозг вонзились тысячи раскаленных ножей. В ушах зазвенела сталь, перекрывая пение шамана. И все в миг прояснилось.

Это Малвель сумел таки подобраться к нему и рассек своим мечом Цвойкеру руку. На эльфа тут же накинудся один из рядовых работорговцев. Мариэль воспользовалась моментом, прибегнув к магии. Она не успела оформить ее во фразу и даже не представила, какой эффект она должна возыметь. Яркий свет вырвался, казалось, изнутри, раскрошив стиснувшие ее путы. Снова зная как дышать, она уверенно направилась к колдуну, уже приходящему в себя. Но она не дала ему опомниться. Теперь уже она шептала парализующие заклинание, не оставляя Цвойкеру шанса на спасение. Она сделала так, чтобы он не мог закрыть глаза. А сама не прекращала светиться, светом своим выжигая из него суть магии. И остановилась только когда он кулем повалился наземь.

Оглядевшись, она встретилась взглядом с атаманом. Тот, похоже был разочарован или скорее напуган.

Несколько его людей были убиты. Хотя Малвель очень старался наносить не смертельные удары. Он продолжал драться с работорговцами, больше пользуясь кулаками или рукоятью меча, выбивал зубы, ломал руки, наносил неглубокие ранения мечом в ноги, щадя своих врагов. Только самых настырных он убивал. Мариэль прочитала трубы. Четверо. Колдун был ещё жив, она знала. Он просто был без сознания. И без магии. Несколько работорговцев лежали на земле не изъявляя желания вступить в бой.

Мариэль подобрала Тайвос и направилась напрямиком к атаману. Тот испугался, но, к чести своей, не отступил. А вынул свою кривую саблю и приготовился к бою. Но Мариэль надоели честные поединки. Произнесла заклятие и атаман с воплем отшвырнул оружие, опустив обожженную руку в снег. Мариэль стремительно приблизилась к нему и с размаху ударила рукоятью Тайвоса атаману в челюсть. С ещё более громким воплем тот выплюнул пару зубов. Мариэль продолжала, пока он откроется кровью и нанесла новый удар. Ногой по его предплечью. Раздался противный чавкающий звук ломающихся костей. Только вчера она слышала такой, когда ломались ее кости. Снова крик. И снова удар в челюсть. Ещё один зуб покинул свое привычное место, оказавшись на земле в луже крови. И ещё очередь ударов. Руки, челюсть, снова руки, и опять челюсть, вот ступня эльфийки раздавила пальцы бедолаги, и тут же носок другой ноги врезался в подбородок.

Она избивала его, пока вся ярость не испарилась. К тому моменту коренастый противный мужчина охрип, руки его были до такой степени изломаны, что выглядели, как мешки с дровами. И все тридцать два гнилых зуба валялись в луже крови. Все лицо атамана было одним сплошным красным мессивом. Он открыл рот в беззубом беззвучном крике. А Мариэль возвышалась над ним, как ангел возмездия.

Вокруг все замерли. Работорговцы не решались ни помочь своему предводителю, ни сбежать. А Малвель с ужасом смотрел на жестокости, что творит его подруга.

— Я всегда выполняю данные обещания. Прошипела она, воткнув Тайвос в землю прямо перед лицом атамана.

Она долго смотрела на хнычащего, теперь уже не столь мерзкого, а жалкого человека. Долго наблюдала за тем как он ползает по земле, шаря переломанными во многих местах

руками в мессиве собственной крови, слизи и то и дело натываясь на собственные зубы. Долго стояла прямая, как стержень, внушая страх пробитым работорговцам и другу. Пока огонь в ее глазах не потух, а спина не сгорбилась под тяжестью собственных деяний. На миг она испугалась саму себя. Но поздно было жалеть. Выдернув Тайвос из земли, она размахнулась и одним махом снесла голову калеке.

— Зачем ты убила его? — закричал Малвель, бросив свой меч и вихрем подлетев к ней. Он схватил ее за руку и отвел в сторону.

— Он это заслужил.

— Он был безоружен, побит и уже не опасен.

— Он был работорговцем. Он подал в рабство множество людей и не одного эльфа. Иной участи он не был достоин.

— Мариэль, ты...

— Кто? Чудовище? Убийца? Если ты ещё не знаешь, то за свою жизнь я убивала сотни раз. И не все из тех, кого я убила были в чем-то виноваты. Вина многих была лишь в том, что они выполняли чьи-то приказы. А этот человек отдавал приказы. И он сам выбрал свою судьбу. И подумай еще вот о чем: откуда в Джевелии Работорговцы?

— Как Орден это допустил? — Опешив, задумался Малвель. А Мариэль тем временем уже направилась к покалеченным людям, которые были не в силах убежать. Она схватила за грудку приходящего в себя Цвойкера. Он не мог видеть, но лишь услышав приближающиеся шаги затрясся и что-то испуганно запричитал.

К ее удивлению, даже лишившись магии, Цаювойкер весьма успешно защищал свои мысли от проникновения. Как она ни старалась, побить его ментальную броню она не смогла.

— Кому вы продавали людей? Откуда вы взялись?

Цвойкер настойчиво сжал губы, не желая ничего говорить. Тогда Мариэль встряхнула его, явно потревожив его раненную руку.

— Я лишила тебя магии. Не заставляй лишать тебя еще и жизни.

— Ведьма! — Он плюнул ей в лицо. Точнее целился в лицо, но промазал.

— Серьезно? Так мне повторить вопрос, или не тратить на тебя свое время?

Она поднесла к его шее нож, одной рукой удерживая его за ворот рубашки. Вместо ответа Цвойкер грязно выругался, чем только сильнее разозлил Мариэль. К его счастью рядом весьма вовремя оказался Малвель.

Он ловко выхватил нож из руки подруги, умудрившись никого не поранить.

— Не советую тебе злить ее. Отвечай.

Цвойкер, все еще безвольной куклой висящий в железной хватке Мариэль, молчал. Она злилась. — Оставь его. Любой из них тебе ответит.

Мариэль, оглянувшись, увидела приходящих в себя работорговцев. Они поднимались на ноги и собирались в кучку, но, удивительно, никто из них не бежал, даже не пытался спастись.

В этот момент улыбка эльфийки показалась Малвелю в высшей степени неприятной. Никогда еще ему не доводилось видеть Мариэль такой... сумасшедшей..?

Она с позицией королевы, выносящей приговор преступникам, подошла к шайке побитых и запуганных людей.

— Кто из вас скажет мне кому вы продавали рабов, заслужит мое милосердие.

Некоторое время все молчали, переглядываясь, уставившись под ноги или со страхом

глядя на Мариэль. Она ждала. Знала, что кто-нибудь обязательно расколется. И она не ошиблась.

— М-мы из Фриккарда.. — Дрожащим голосом, заикаясь, ответил один из них. Он был щуплым, но далеко не дряхлым. Порванные куртка и рубашка открывали змеящиеся по тонкому телу мышцы. Он явно меньше всех ел, но работал наравне со своими соратниками, если не больше. Правой рукой он зажимал глубокую рану на левом плече.

— Уже хорошо. И что же, работорговля во Фриккарде законна?

— Уже пять лет как, госпожа. — Потупив взор, отвечал все тот же худощавый работорговец. Стоящий рядом с ним, пострадавший меньше всех, попытался одернуть товарища, но тот отмахнулся от него.

— Если ты думаешь, что эта ведьма тебя вылечит, ты дурень, каких мало. — Различила Мариэль его злобное шипение.

— Ты знал что-нибудь об этом? — Почти шепотом спросила она, обращаясь к Малвелю. Тот покачал головой. — Это очень странно. Фаолин должен был знать.

— Он мог укрыть от тебя.

— Не мог. — Мариэль так резко оборвала предположение Малвеля, что тут же засомневалась в собственных словах. Нет, он никогда от нее ничего не скрывает! Или ей просто не хочется верить в то, что у него есть от нее секреты? Всем сердцем надеясь, что ее сомнения безосновательны, она направилась к коню предводителя работорговцев.

— Какой план?

— Хочу поболтать с королем Хрутом.

Больше не говоря ни слова и никого не слушая, Мариэль повела пленников вдоль Белых гор в сторону реки Драхе. Она знала, что там ближайший переход через горы во Фриккард.

К вечеру она так устала, что то ли забыла, то ли не хотела связываться с Фаолином. Внутри бушевало столько эмоций, что она сама уже не знала, она не связывается с ним потому что не хочет рассказывать о решении идти во Фриккард, потому что боится, что не хватит сил на беседу с ним или потому что обижена на то, что он ничего не рассказал о работорговле в соседнем королевстве, хотя наверняка об этом знал.

Они остановились на ночлег среди холмов. Мариэль расположилась под большим валуном, полностью покрытым коркой льда, образованной частыми осадками и ночными морозами.

Сон не шел, но ей и нельзя было спать. Любой из бывших работорговцев мог попытаться сбежать.

— Думал ты уже спишь. — Раздался нежный голос Фаолина. Мариэль подняла взгляд к обледеневшему валуну. — Хочешь я выйду тебе навстречу?

— Бросишь все? Иналию, строительство кораблей, подготовку армии, коронацию?

— Все не важно, если я нужен тебе.

— Я... пока не иду домой...

И она рассказала все о том, что случилось сегодня.

— В твоём сердце поселилась злоба. — Печально заговорил Фаолин, когда она закончила. — Оставь эту затею, возвращайся домой. Возвращайся ко мне

— Я не могу. — Прошептала она, отводя глаза. Глубокий вдох словно придал ей сил и она заговорила громче. — Меньшее преступление этих людей в том, что они продавали людей. Но они сами себя приговорили, когда решили, что "охота" в Джевелии сойдёт им с рук. Подумай вот о чём, свет моей души, если я не разберусь с этим сейчас, начнут

пропадать наши подданные. Их настигнет судьба раба, обреченно но вечно исполнять прихоти хозяев. Этого ты желаешь своему народу, как будущий король?

— Мы можем отправить посла разобраться с этим.

— Но уж нет. Сейчас мне до Фрикарда гораздо ближе чем до Малата. Чем скорее мы с этим покончим — тем лучше.

— Я должен был давно уже привыкнуть, что тебя не переубедить, если ты что-то решила. Будь осторожна, Нойа Лемавэ.

Разговор с Фаолином заставил Мариэль сильно скучать. Она хотела поскорее покончить с этим грязным делом чтобы вернуться к нему и Дэйли.

Ни одного дня она не могла прожить, не поговорив с ним. Но и каждая "встреча" терзала ей сердце невозможностью дотронуться, обнять.

На переход через горы у них ушло четыре дня. Они шли по узкой тропе вырубленной в горной породе гномами. По ней бок о бок могли проехать не более трёх всадников. Она была специально сделана для Купцов и странников, так как другие дороги предполагали неудобные для повозок подъёмы и петляния по серпантину. Горных троп готов до Фрикарда было много, и только самые крупные из них сохранились. Тогда как сквозной проход был всего один и вдоль него круглосуточно дежурили гномы вооружённые пиками луками и секирами. У самого же входа во Фрикард стояла их стража.

На посту подозрительной процессией естественно заинтересовались. Но убедившись, что перед ними Джевелийская принцесса гномы пропустили их. Стражу Фрикарда правда пришлось убеждать и даже немного угрожать.

Ещё через день они добрались до какого-то небольшого селения, где решили заpastись провизией и немного отдохнуть. Но останавливаться в самом селении не решились а разбили лагерь на подступах. Мариэль намеренно не повела своих пленников в Бриг на берегу реки Эмлан, где по их словам был рынок рабов. Там их наверняка узнали бы и нашлись бы такие смельчаки кто захотел бы помочь им сбежать. Поэтому и в это селение Мариэль вошла одна. Оставив Малвеля охранять бывших работорговцев, она отправилась за продовольствием. Однако для начала решила сменить свои лохмотья на более тёплую для здешней зимы одежду. В деревне был всего один портной. Односельчане его расхваливали так, будто он для самого короля шьёт.

Не привыкшие к эльфам жители с опаской поглядывая на Мариэль и Тайвос, что неизменно висел у неё на поясе. Она же в свою очередь с хорошо скрываемым любопытством разглядывала их.

Во Фрикарде она была единожды — на коронации нынешнего конунга, как они называют своего предводителя, Хрута.

Мариэль разглядывала приземистые домишки с двускатными крышами, большие похожие на землянки или сараи. Ни один домик не был выше одного этажа зато все были в длину не меньше ста метров. На заборах были растянуты шкуры животных для просушки. Хорошо подумала Мариэль что она, а не Малвель, пошла сюда. Он не принимает ничьей смерти, а уж такое обращение с живым существом, как освежение, и вовсе для него неприемлемо. К тому же тот из каждого дома пахло вареным мясом.

Найдя дом портного, Мариэль постучала. Ей пришлось долго ждать, пока ей откроют. Стоя на пороге, она продолжала изучать обитателей суровой страны. Люди здесь были под стать своему королевству — смурные, хмурые, ворчливые. Она не раз видела воинов Фрикарда в деле. Больших широкоплечих мужчин и стройных мускулистых женщин,

которые в бою свирепы, как дикие звери. Не могла, что такими окажутся все жители Фрикарда. Видимо эта холодная и скупая на полезные ископаемые земля не позволяла своим обитателям быть слабыми.

Тут даже дети были крепкими и серьезными, не говоря уж о женщинах. Каждый из них совершенно точно умел охотиться и в совершенстве владел как минимум одним видом оружия.

Наконец дверь со скрипом отворилась и навстречу Мариэль вышел седой морщинистый мужчина, всё ещё не утратившие телосложение воина.

— Мне нужен портной. — осведомилась Мариэль, не успев тот и слова сказать.

— Я вижу. — головой усмехнулся мужчина.

— Проходите, подберем для вас что-нибудь, госпожа.

Шагнула внутрь, снимая капюшон.

— О, так в эльф? Боюсь вся моя одежда из шкур животных. Слышал ваш народ в такое не носит.

— Ничего, сейчас важнее не замерзнуть, чем брезговать носить на себе шкуру животного, которому она уже не пригодится. — Мариэль будто говорила это оставшемуся в лагере Малвелю, ведь и для него тоже она собиралась взять одежду.

— В таком случае, — хлопнув большими ладонями пробасил с улыбкой мужчина, — добро пожаловать в мою мастерскую! Меня зовут Морн. У меня есть пара потрясающих платьев на вас...

Я бы предпочла что-нибудь более практичное. Для езды верхом и, возможно, драк.

Задумчиво поскребя подбородок, Морн ответил:

— Наши женщины носят штаны и рубахи, Но для тепла поверх надевают длинные камзолы. Перед дракой его можно быстро снять, обеспечив себе свободу движения и сохранив камзолу чистый и опрятный вид. А для езды верхом по бокам до самого бедра разрезы.

— Прекрасно. У вас такой найдется?

— Естественно. И штаны из бараньей шерсти... Вам бы ещё сапожки новые, но это вам к Бертю. Хотя знаете, я пошлю к нему сына, он принесет лучшую пару, какая у него найдется.

— Две пары.

— Как пожелаете. А... деньги-то у вас есть?

— Разумеется. — Мариэль вынула из кошелька золотую монету.

— Жевелийские деньги...

— Вы такие принимаете?

— Золото, как золото. — Пожал плечами Морн и стал рыться в сундуке, подыскивая подходящий наряд. Мариэль особо не обращала внимание на тряпки, попадающие ему в руки, но одну странноватого вида тунику из эльфийской ткани.

— Что это? — Спросила Мариэль, когда Морн попытался со стыдливым взглядом спрятать ее.

— Не обращайтесь внимания, госпожа.

— Я настаиваю, покажи.

— Да вот купил той весной, когда купцы приезжали, эльфийскую ткань. Знаете, наверное, в которой в холода тепло, а в жару прохладно. Хотел вышить из нее что-то эдакое, а только такую хорошую ткань загубил. Брюки из нее еще не плохо вышли, а вот туника — сплошное уродство.

— Могу я взглянуть?

Мариэль мягко забрала из рук портного тунику, не дожидаясь ответа. В целом она выглядела не плохо, за исключением слишком глубокого выреза и разной длины рукавов. — Я возьму ее. Какова ее цена?

— Издеваетесь? Я собирался ее выкинуть. Я бы ни в коем случае не хотел бы даже показывать ее эльфам.

— За какую цену вы взяли ткань?

Морн долго колебался, но в конце концов назвал цену. И тут же, чтобы скрыть покрасневшие уши, принялся перебирать готовые камзолы, брюки, куртки и плащи.

— Часто бываете во Фрикарде?

— Нет. Последний раз была лет десять назад. С тех пор много что изменилось.

— Это правда, с тех пор много что изменилось.

— По пути сюда я встретила странную процессию. Люди были закованы в кандалы, а те, что их вели не были похожи на солдат.

— А, работорговцы. — Беззаботно ответил Морн, будто его это ни капли не волновало.

— Где они берут людей на продажу?

— В большинстве своем это воры или другие не особо опасные преступники, которых наказать надо, но казнить не обязательно. Конунг решил, что темницы для более опасных преступников и нечего камеры такими отбросами занимать, так еще и харчи казенные на них тратить. Так вот пусть прощение перед Свардом в служении людям отработывают. А работорговцы быстро просекли, что, если отлавливать таких негодяев, то за это и вознаграждение получить можно. Так это должно было работать в совершенстве. — Добавил Морн печально.

— Что пошло не так?

— Теперь на рынок может попасть кто угодно. Фермер, у которого не уродился урожай и ему нечем платить налоги, сироты, до которых дела нет, одинокий странник, попавшийся работорговцам. Нынче на дорогах опасно одному. Так что вы правильно делаете, что меч-то при себе держите. Вот, мне кажется вам это подойдет.

Он протянул Мариэль красно-черный камзол до пят, обитый изнутри шерстью, черную рубаху и черные кожаные брюки.

Она зашла за ширму и переоделась. Признаться, камзол и правда был весьма удобен. Он надевался как халат и застегивался на множество железных застёжек. Надевать его было не дольше, чем завязывать корсет, зато снять его можно было одним рывком.

Вскоре вернулся сын портного с двумя парами высоких сапог. Одни — черные с красной шнуровкой — она надела на себя. Другие — коричневые — взяла для Малвеля. Так же у Морна она взяла еще два плаща с меховыми воротниками. Для друга она купила ту самую кривую тунику и брюки из той же ткани. На всякий случай взяла еще пару рубах и куртку.

Выйдя из прилавка, она пожалела, что пошла одна. Всю эту кучу свертков ей пришлось тащить в лагерь самой. Ко всему прочему, помимо одежды она закупила и едой. Всю эту ораву все-таки надо кормить.

В лагерь она вернулась, когда солнце уже полностью скрылось за горизонтом. Как и ожидалось, Малвель был очень недоволен плащом с лисьим воротником и сапогами из кожи. А из предложенных рубах, он выбрал именно неправильно сшитую. Куртку ему все-таки пришлось надеть, так как из-за глубокого выреза рубахи у него замерзла шея.

— Это ужасно. Столько животных погибают из-за людей. — Ворчал он. — И ты это поддерживаешь.

— Что ты от меня хочешь? Тут не Эфелонская ярмарка. И я вовсе не заставляю тебя носить это. Можешь снова переодеться в те лохмотья.

Недовольно фыркнув, Малвель плотнее укутался в плащ и отвернулся. Сердце Мариэль кольнула обида. Малвель никогда не отворачивался от нее. Всегда, с момента знакомства, она была уверена, что он ни в чем ее не упрекнет. Тем более, когда она так старалась угодить ему. В конце концов, сидел бы тогда в Эфелоне, как предыдущие семьсот лет. Не пришлось бы тогда носить лисий мех, убивать людей, и смотреть, как это делают другие. Сам решил идти с ней, она его не звала!

Беседа с Фаолином остудила пыл. И когда она пожелала любимому спокойной ночи, перепалка с Малвелем уже не казалась такой критичной.

Ее клонило в сон, но первую половину ночи нести дозор должна была она. Чтобы хоть как-то взбодриться, она принялась ходить вокруг лагеря. Почти все ее пленники спали. Остальные же кучковались у костров и вели себя тихо. Не было слышно никаких переговоров. Смирившиеся со своей участью, они думали только о том, чтобы не замерзнуть насмерть этой ночью. Двое из них уже скончались во время пути. Один от особо тяжелой раны, полученной во время нападения на Посланницу Солнца и ее друга. Другой уснул и не проснулся.

Мариэль села у костра и поворошила его длинным прутом. Как вдруг заметила, что Цвойкер так пристально смотрит на нее, будто пытается прожечь взглядом. Мариэль может и не обратила бы внимания, но его ухмылка ей не понравилась.

— Есть что сказать?

— Совсем скоро, ведьма. — Прошипел он, потирая рубец на руке.

Мариэль ждала продолжения, но его не последовало. Она понятия не имела, что этот безумец имеет в виду. А может он и вовсе не понимает о чем говорит. Раньше он был одним из самых сильных магов, каких ей только приходилось встречать. Не удивительно, что он сошел с ума, когда лишился магии.

— Даже быстрее, чем ты думаешь, ведьма.

— Почему ты зовешь меня ведьмой, если сам владел магией? — Не выдержала Мариэль. Вразумительного ответа она не получила, только безумный хохот.

— Мариэль! — Малвель вскочил с места, вглядываясь куда-то во мглу и прислушиваясь.

— Что там?

— Нас окружили. — Прошептал эльф, прищуриваясь.

Мариэль тоже пригляделась. Где-то вдалеке тьма беспокойно шевелилась. А через мгновение она услышала пока тихий перестук копыт. Не десятка и даже не двух десятков лошадей.

Смех Цвойкера нарастал, громовым раскатом пронзая тишину. Закованные в кандалы пленники заерзали, в ожидании неизвестного.

Мариэль обнажила Тайвос. В ту же секунду Малвель натянул стрелу. Они стояли спиной друг к другу, что бы держать в поле зрения всех врагов. Напряжение росло и становилось почти что осязаемым. Минуты тянулись, как часы. Мелькающие тени приобрели более четкие очертания. А топот копыт усиливался, как рокот морской волны. Нет, как приближающееся цунами. И вот уже эльфы окружены плотным кольцом всадников, а в лица им целются пики и наконечники стрел.

Руки Мариэль невольно опустились. Она конечно была непревзойденным бойцом и магом. Но против целой армии у неё шансов не было, даже с таким помощником как Малвель.

— Что привело эльфов в наши края? — раздался грубый мужской голос справа от Мариэль. — неужто работорговлей промышлять задумали? Продавать Фрикардцев Фрикардцам. Умно.

— Вы близки к истине, господин. — проговорила Мариэль громко, убирая Тайвос в ножны.

Тут боем дело не решится, поняла она. Нужно действовать осторожнее.

— В ваши края нас и правда привела работорговля. Но вовсе не выгода её, а напротив — бесчинства, ею творимые. Эти люди, — Мариэль махнула туда, где предположительно находились схваченные торговцы, отгороженные стеной всадников. — ввели охота на моей земле. За что и наказаны.

— Вашей земле? — удивился, судя по всему, предводитель этого отряда.

— Они пытались поработить нас на территории Джевелии. Я принцесса эльфов Джевелии, Посланница Солнца, веду этих преступников на суд их королю.

— Вон оно как. — хмыкнул человек. — Эти люди и правда преступники. Вот только вы теперь на нашей территории. Так что...Взять их!

Глава 20. Истории города под горой

— Этому городу совершенно не идет траур. — Проворчала Максин, хмуро оглядывая тихие улицы. На каждой двери колыхалась ветром черная лента. Редкие прохожие неизменно были облачены в темные одежды. Кружащие над городом вороны еще больше угнетали. И даже бесшумный танец снежинок в воздухе нагонял тоску. Сам город казался мертвым.

— Король умер. Подданные отдают дань уважения. — Пояснил Дельвин, будто до этого никто не догадывался, почему город держит траур. В целом он был с сестрой согласен.

— Король умер. — Усмехнулась колдунья. — Так радоваться надо. Хуже было бы, останься он на престоле. Джевелия пришла бы в упадок с таким королем. Людям очень повезло, что этот сопьяк не сможет спускать их налоги на пиры и праздную жизнь. Что, скажешь я не права?

Дельвин промолчал. Максин безусловно была права — тут и дара предвидения не надо, чтобы это понять, достаточно пообщаться с Зигмундом пару часов — но говорить ей об этом значило обречь себя на выслушивания хвалебной тирады в честь себя самой. А отрицать ее правоту — Дельвин давно успел в этом убедиться — опасно для здоровья.

— Как давно к тебе приходили видения? — Спросила вдруг ни с того ни с сего Максин.

— Давно не приходили.

— Эх, а я уж думала ты знаешь новых правителей.

— Кто бы ни был, на нашей судьбе это не отразится.

— И все же я бы предпочла, чтобы под короной были мозги, а не ослиный навоз.

Воцарилась тишина. Максин и Дельвин молча наблюдали за танцем снежной пыли.

— И все таки жаль, что королевский род угас вот так. Среди них были великие воины. Лаврен, Дерек, Микаэль, Криста. Только эти четверо чего стоят, не говорю уж об их великих предках. Быть может, если бы Лаврен не погиб, все было бы иначе.

— Ты обсуждаешь королей, но задумывалась ли ты, какой королевой стала бы ты?

— К чему пустые мечтания? Мне никогда не взойти на трон.

— И все же если подумать...

— К чему ты ведешь?

— Если бы Лаврен выжил, королевой стала бы ты.

— Что? — Удивленный восклик Максин, за которым последовали отборные ругательства, похоже услышал весь город. — Ты сейчас не шутишь?

— Нет. — Дельвин говорил серьезно, он не притворялся. Максин это знала.

— Ты мне это сказал, чтобы я еще больше жалела о его смерти?

— Хочешь корону?

— Сдалась мне эта корона! Мне нужно выпить.

Максин ударила ладонями по мраморным перилам и устремилась вниз по длинной лестнице. Она вихрем влетела в единственную, наверное, в этом городе дверь без черной ленты.

— Медовуху мне! — Заявила она на весь трактир и плюхнулась на высокий стул у стойки.

— В честь чего пьем, красотка? — Повернулся к ней уже подвыпивший усатый мужчина.

— Женщине нужна причина, чтобы набраться?

Перед Максин поставили пинту, которую она с трудом могла обхватить двумя руками.

Она ополовинила ее за раз.

— Вот это по нашему! — расхохотался мужчина. — Я Сэм. А ты кто будешь?

Максин смерила тунеядца взглядом, сделала еще пару глотков и, немного подумав, представилась.

— Какое имя-то у тебя красивое. Да и ты сама красивая, как... — Сым надолго задумался, прикрыв глаза. Возможно он даже уснул.

— Как что? — Медовуха уже начала действовать и Максин захотелось немного поиздеваться над очередным мужиком, пускающим на нее слюни.

— Как утрення заря. — Очнулся тот. — И глаза у тебя блестят, как...

— Как что? — Уже не сдерживая смешок, подначивала его Максин.

— Как... Эй, Шон, помогай. — Сым пихнул пьяного в дупель приятеля, засыпающего на стойке.

— Чего? — Простонал тот.

— Что блестит?

Шон разлепил воспаленные глаза и выпалил:

— Рыбья Чешуя.

— О! Да, как рыбья чешуя! — Развернувшись к девушке сказал Сэм с таким гордым видом, будто он только что сочинил поэму.

Хохот Максин разнесся по всему трактиру, заставив насторожиться праздных гуляк и с любопытством обернуться к ней.

— Эй, так это же та Ведьма! — Крикнул кто-то из пьянчуг. — ну которая ещё за запад воевала. Одна из четверых девиц, отвоевавших Лефнер. Ну про неё ещё Луи всё время поёт!

Трактир заполнился восклицаниями понимания. Многие равнодушно вернулись к своей выпивке. Но некоторые с улюлюканием начали пробираться к девушке.

— Отвоевала Левнерг говоришь? — почесал затылок Сэм. — Это тебе получается лет...

— Восемьдесят шесть. — Ухмыльнулась Максим, смахнув светлую прядь с лица.

— Да? А так и не скажешь. Да ты ещё любой эльфийке фору дашь.

Тут в толпа гуляк наконец-таки пробралась к ним и начался настоящий гвалд:

— А ты правда колдунья?

— Я магии в жизни своей не видел.

— А начуди что-нибудь эдакое?

— Потешь любопытство, душенька.

Максим насушила пену и встала, покачнувшись.

— Ну-ка, разойдись!

Она широко развела руки и растопырила пальцы для пущего эффекта. Под потолком образовалась тучка из которой посыпался снег. Снежинки исчезали, не касаясь пола. Толпа ахнула. Потом прямо там же вспыхнул огонь, но не успел никто испугаться как он взорвался искрами и из него вылетела стайка воробьёв.

— Эй ты! — развеселившаяся Максин ткнула пальцем в юнца, которого случайно выбрала из толпы. — Глянь-ка что у тебя в кружке.

Парнишка заглянул в кружку и оттуда выпрыгнула лягушка. А потом и у остальных из кружек повыскакивали лягушки совершенно разных размеров и оттенков. С влажным шлёпаньем они плюхались на пол, заполняя помещение кваканьем. А потом все в миг

исчезли, оставив после себя снопы затухающих разноцветных искр.

— Дай-ка мне это! — Максим вырвала у кого-то из рук трубку и глубоко затянулась. Дым который она выдохнула сформировался в барашка, который с громким влиянием пробежал под потолком по всему залу и превратился в кораблик с тремя мачтами. Пораженные пьянчуги выкрикивали свои пожелания и восхищённо вздыхали, когда видели их воплощения.

— Давай капитана! Чтобы на меня похож был!

— Пусть на флаге будет акула!

— Чайки! Пусть чайки вокруг летают!

Кораблик проделал несколько кругов по залу над головами людей точка и рассыпался, когда, пролетая перед дверью, та вдруг распахнулась. Гуляки разочарована завопили точка Максин, узнав вошедшего, развернулась к стойке.

— Всем выпивку за мой счёт! — Крикнула она. Снова поднялся гвалт. А вошедший прошёл к помосту, прихватив с собой табуретку. К облегчению Максим, он не заметил её точка достал лютню, настроил её и запел.

— Это было... волшебно! — Похвалил Сэм, икая. Он наклонился ближе к чародейке. — И сложно это? Колдовать.

— Вот твоё ремесло какое? — Спросила Максин.

— Камнетёс я.

— Трудно обрабатывать камни?

— На самом деле, камни для меня, как краски для художника, как струны для лютниста. У каждого камня есть свой голос...

Так Сэм окунулся в долгие рассуждения о своём ремесле. Максин кивала в перерывы, пока не пила. Изредка что-то ему отвечала. Часы длились незаметно. Лютнист перебрал весь свой репертуар и уже собирался уходить. Как вдруг заметил Максин.

— Надо же, а я тебя и не увидел! — радостно воскликнул он, подобравшись к девушке.

— О нет... — Простонала уже изрядно пьяная максим. — исчезни, Луи.

— На что я сделал, героиня моих баллад?

— Луи, я просила тебя заплыть... ик...забыть обо мне.

— Волшебством своим ты украли моё сердце, Максин. И заклятие это нерушимо. Никому не снять его.

— Чего в слове "исчезни" тебе непонятно? — рыкнул Сэм, поднимаясь с места.

— Не представишь меня своему другу, милая? — Не унимался Луи

— Я тебе не милая, а он мне не друг!

— Не портить настроение даме, певун. — Сэм весь покраснел, то ли от злости, то ли от выпивки.

— Где твой брат, Максин? Почему ты одна в таком месте?

— Луи, мальчик мой...ик...иди домой.

— Да ты пьяна, подруга. Давай я провожу тебя до дома. Не могу же я оставить тебя в компании неотёсанных мужланов!

Тут-то Сэм не выдержал и встал на ноги, расправив плечи. Камнетес горой возвышался над щуплым лютнистом, Но тот не отступился. Сэм схватил Луи за грудки, хорошенько встряхнул и оттолкнул. Бард не удержался на ногах и только в последний момент извернулся так, чтобы не упасть на лютню.

— Ты чего творишь, невежда! Это лютня уникальна, нигде больше такой не найдёшь!

— Так проваливай, глядишь и брынчалка твоя целёхонькой останется.

— Я без Максина никуда не уйду! — Луи встал и топнул ногой.

— Не уйдёшь, так я тебя выкину! — сэм схватил менестреля и потащил на улицу.

— Не трогай его! — крикнула Максина, подрываясь с места. От такого резкого движения у неё закружилась голова. Чародейка упала. Её обступили несколько человек. Кто-то стремился помочь девушке, другие же хотели быть свидетелями тому, как назойливого барда вышвырнут из трактира. Максина с трудом поднялась на ноги и, расталкивая всех на своём пути, выбежала вслед за зачинщиками потасовки.

Когда картинка окружающего мира сложилось из кружащихся размытых пятен в единое целое, Луи уже валялся на земле перед трактиром.

— Пойдём, малышка, — Пробасил над ухом Сэм, — он больше тебя не побеспокоит.

Максина, убедившись, что бард, кроме разодранного локтя больше не получил увечий, повернулась было обратно в бар. Как вдруг голову пронзил звон лопающихся струн, треск тонкого дерева и яростный вопль. Тут же кто-то сзади схватил её за локоть и дёрнул на себя. Но она не упала, а оказалось в чьих-то крепких объятиях. Понадобилось время, чтобы сообразить что произошло. Оказалось, Луи ударил Сэма первым попавшегося под руку предметом — лютней. Да так, что от инструмента остался только гриф, а остальное разлетелось в щепки. Пока пьяный ко мне тёз приходил в себя, бард выдернул Максина из его лап.

— Ах ты, щенок! — Взревел Сэм и лавиной понёсся на Луи.

Максина, у которой из-за страха немного прояснились мысли, заслонила собой Барда. Но ко мнетёса это не остановило. Он оттолкнул девушку и набросился на бедолагу с яростью дикого медведя. Он бил парня, не сдерживая силы. Остановился только из-за того, что ему показалось, будто небо падает. Сам он не понял как через мгновение оказался поваленным на спину, так ещё и пришибленным к земле когтями огромного чудища.

— И что это у нас тут происходит? — с белого дракона лихо спустился Златоэорис. — луи, ты что ли? Что на этот разстряслось?

"Похоже твой друг отстаивал честь вот этой молодой особы"-прокомментировала Либрэ

— Максина? И почему я не удивлён. Ладно, Либрэ, отпусти его, я думаю он готов решить проблему без кулаков.

Либрэ послушалась, но не упустила возможности утробно рыкнуть, оскалив зубы прямо над лицом Сэма.

— А теперь расскажите-ка, парни, чего это вы одну даму меж собой делить решили, у неё мнение не спросив?

— Так я же именно мнение дамы то этой и отстаивал! — Принялся объясняться Сэм. — Этот вон к ней лезть изволил. А мы, между прочим, мило общались уже который час. И от меня эта дама нос не воротила. А этот пришёл и прилип, как...

— Как что? — Хохотнула Максим невпопад и тут же покачнулась. Упасть ей не дала Либрэ, вовремя подставив свой мощный хвост.

— Да отстань ты уже, ведьма! Как что, как что! Как... — и Сэм грубо выругался, брыжа слюной.

— А ты, Луи, зачем к ним подошёл? — проигнорировав камнетёса, спросил Златоэорис.

— Поздороваться хотел. А потом смотрю, Максина...не в том состоянии, чтобы здраво рассуждать точка Но ты понимаешь. Вот я и предложил проводить её. А это чудище с кулаками кинулось. — луи дотронулся длинными пальцами разбитой губы и шмыгнул

сломанным носом, поморщившись от боли. Синяки быстро наливались цветом, искажая его тонкие благородные черты лица.

— Ну что ж...как страж ордена белых лилий я обязан рассудить по справедливости. — Златоэорис улыбнулся в сторону барда. — Луи, тебе придётся публично принести извинения Сэму и Максиму за причинённые неудобства.

Бард поражённо округлил глаза. Но Златоэорис успокоил его подбадривающей улыбкой. Максими выглядела слегка обескураженной, но в целом сейчас её больше волновало, как бы устоять на ногах. Сэм с победоносной улыбкой скрестил руки на груди и, гордо задрав подбородок смотрел на Луи. Вокруг них начали собираться любопытные зеваки. Луи чувствую себя самым униженным человеком в истории униженных людей, вышел в центр и обратил свой повреждённый лик к Максиму.

— Прости, душа моя, что не посчитался с твоим мнением и нарушил идиллию твоего утра. И ты извини, добрый человек, что своим появлением помешал твоим планам по соращению честной женщины.

— Ты чего, стихоплёт, напрашиваешься? — Взревел Сэм и двинулся было на Луи, как Златоэорис остановил его, преградив ему путь.

— Суд принимает изменения Барда. Теперь твоя очередь. Ты обвиняешься в умышленном нанесении тяжких повреждений здоровья лицу, несущему культурное просвещение королевства точка и в порче имущества.

"Смотрите на него, с каким важным лицом такой бред говорит" - усмехнулась Либрэ.

— Какого ещё имущества?

— Разбитая лютня не твоих рук дело? — Златоэорис едва заметно подмигнул Луи.

— Ложь! — крикнул камнетёс.

— Есть свидетели?

Люди собравшиеся вокруг растерянно замотали головами. Никто не успел увидеть, как Луи собственноручно разбил лютню а спину здоровяка. Максим тоже молчала. Она начинала трезветь, и в проясняющейся голове стали созревать мысли о том, что завтра она очень сильно бы жалела, если осталось Сэмом. А вместе с этим и понимание того, что ради неё Луи ввязался в драку с человеком, у которого кулак, как его голова. И не пожалел свою лютню, чтобы выдернуть её из рук Сэма. Хоть он и здорово надоел Максими своими нелепыми ухаживаем ниями. Сегодня он повёл себя, как настоящий герой. Слабоумный, но отважный герой.

— Раз никто не видел, думаю бард не стал бы сам разбивать такой дорогой для него инструмент. В виду ранее перечисленных преступлений, Сэм, ты приговариваешься к выплате штрафа суммой двадцать пять золотых монет.

— Грабёж! — возмутился Сэм, но тут к нему подошли, должно быть, его товарищей точка и, похоже, они были куда трезвее.

— Ладно, Сэм, заплати и пойдём. Это же страж из ордена, не перечь, а то хуже будет.

— Да нет у меня столько!

— Ты же сегодня жалование получил! Истратил всё? — они старались говорить тихо, но златоэорис всё слышал и старался сдерживать улыбку.

Товарищи Сэма стали хлопать по карманам, пытаясь собрать нужную сумму совместными усилиями. В конце концов, шатающийся Сэм подошёл к стражу и протянул ему мешочек с монетами. А Златоэорис передал его Луи.

— Всё, народ, расходимся! — крикнул кто-то и двор перед таверной быстро опустел.

— Тебя бы проводить, Максин. Ты как? Выдержишь полёт на драконе? — спросил Златоэорис.

— Я провожу её. — Как из ниоткуда появился Дельвин. Он взял сестру под руку. — Спасибо за то, что приглядели за ней. — Порицатель улыбнулся Златоэорису и задержал взгляд на Луи.

— Идём, гаремыка, надо показать тебя лекарю. — Златоэорис оценил тяжесть побоев, нанесенных Луи и вовремя подхватил барда, не дав ему потерять сознание. Закинув его руку себе на шею, он повёл избитого к лекарю. Либрэ взлетела в небо и пропала в низких тучах.

В доме городской целительницы стоял душный травяной запах, что было весьма необычно в середине зимы. А сама целительница — низкая коренастая женщина — была редкостной ворчуней. Хотя Златоэорис знал — она очень добрая женщина.

— Она никогда меня не полюбит! — лёжа на кушетке, вздохнул Луи.

— Брось, дружище, мы это уже обсуждали. Максин непостоянна. Ты видел, как она смотрела на тебя сегодня?

— Как на кусок...

— Да нет же точка она не ожидала, что ты за неё заступишься. Уверен, её мнение о тебе изменилось.

— Ага, теперь для неё я не кусок навоза, а полноценное го...

— Ну хватит, Луи.

— Она мне как-то сказала, что никогда не посмотрит на парня, у которого нет меча.

— Так купи себе меч! А я тебя драться научу! — Весело воскликнул Златоэорис, едва не подпрыгнув. Как раз в этот момент в комнату вошла целительница, растирая что-то в ступке.

— Сначала сам драться научись, тире прокряхтела она, — так чтобы мне не пришлось залатывать тебя каждый раз.

Целительница принялась мазать синяки и ссадины Луи массой из ступки. И, видимо, что-то за дело, потому что Луи зашипел сквозь зубы, а из глаз его брызнули слёзы.

— А ну не дёргайся, лежи, сказала. А ты чего встал столбом? Иди давай, не путайся под ногами.

И Златоэорис пошёл, оставив приятеля в надёжных руках. Вообще с Луи они недавно знакомы. Всего пару недель назад он отдыхал в таверне и заслушался его песнями. После своего выступления Луи решил выпить. И это было отличным предлогом заговорить. Златоэорису было любопытно о какой такой Чародейке пел бард. Каково же было его удивление когда он узнал что возлюбленная барда — это Максин.

Сначала он едва сдержал смех, но потом ему стало жалко парня. Уж о том, как Максим обращается со своими женихами, каждый в Джевелии знает.

Одному она велела взобраться на драконаву скалу и принести с самой её вершины камень. Другого — тоже мага — лишила собственной воли в магическом поединке. Правда потом вернула, но жених резко передумал звать в жёны ту, что с лёгкостью может подавить его волю. А третьего, слишком назойливого, Златоэорис, правда, не знал насколько этот слух прав, Максин превратила в осла и продала какому-то фермеру.

Вслед за жалостью пришло восхищение. Луи знал о всех тех ужасах, которые рассказывали о чародейке, но всё равно настойчивая всех заверял, что добьётся расположение красотки.

Потом в Златоэорис ещё несколько раз пересёкся с министерием. Они разговорились на разные темы. Златоэорис рассказал о своём знакомстве с Посланицей Солнца и о том,

как живёт со стражам Ордена Белых Лилий. Абарт поведал о том, как встретил Максин.

Оказывается он родился в её родной деревне — Аварте. Его отец фермер и поэтому дом их был на некотором отдалении от самой деревни. В тот день он пришёл туда на ярмарку. Был конец зимы и снега наконец-то растаяли. Люди праздновали наступление тепла. В тот день он влюбился дважды.

В лютню, которую выиграл в кости у странствующего барда. И в Максин.

Она приехала на праздник с братом-предсказателем. Дельвин весь день сидел в пёстром шатре и развлекал народ. А сама она продавала всякие обереги, зелья, талисманы и прочие магические безделушки. По словам Луи, он влюбился с первого взгляда.

Златоэорису не очень верится в такое стечение обстоятельств. По его мнению невозможно по-настоящему полюбить с первого взгляда. Двое должны хорошо узнать друг друга.

Но конечно он уважал чувства приятеля точка и не собирался читать ему нравоучения. У него были куда более важные дела. Посланица Солнца велела ему охранять эльфийскую принцессу. Только вот самой принцессе изрядно опротивила, что он всюду ходил за ней по пятам точка и сегодня она, воспользовавшись тем, что стража отвлёк Гарьель, сбежала от него подальше со своими друзьями. Как раз поэтому ему пришлось скитаться по городу, чтобы найти Дэйли.

Впрочем Либрэ справилась с этой задачей куда быстрее.

Оказалось, Дэйли была на набережной. И вместе с Игередом и Ангаром помогала корабелам строить драккары. Златоэорис поспешил туда. Он прекрасно понимал, что юной принцессе ничего угрожать не может. Рядом с ней всегда два сильных эльфа, которые никому не дадут в обиду свою подругу. Да и сама она не кисейная барышня. Но он обещал Мариэль, что будет охранять её дочь, пока она не вернётся.

На берегу реки Джует кипела работа. Никто не сидел без дела. Люди, гномы, эльфы — все слаженно работали. Даже сыновья короля Дугласа не чурались тяжёлые работы.

Дэйли прилаживала к мачте одного из дракаров парус. Игеред помогал ей с палубы. А Агнар пел заклинание для дерева и то выгибалась, превращаясь в петли для вёсел, не обращая внимания на перепалку этих двоих.

— А я говорю, надо поднять выше! Он возится по палубе! — кричал Игеред.

— Когда я закончу, он не будет возиться по палубе. Не мешай!

— Я ей не мешаю, а подсказываю.

— Ты ничего не смыслишь в кораблестроительстве. — воскликнула Дэйелис.

— Неправда! Я...

— Эй, успокойтесь! — попытался утихомирить их Златоэорис, поднявшись на палубу.

Не старайся точка-безучастно проговорил агнер, закончив петь точка за его спиной были изящно выполненные фальшборд и петли для вёсел. Такая работа могла быть выполнена только волшебным пением эльфов.

— Я пытался, Но они уже час ругаются.

— Это нормально?

— Пока что мелкие перепалки никому из нас не навредили.

Резкий порыв ветра в друг надул парус и Дэйли сорвалась мачты, но успела зацепиться за шкот и ловко забралась обратно. Несколькими ловкими движениями она закрепила парус наверху и спустилась вниз.

Это было так резко что Златоэорис подумал будто она падает. Он бросился было ловить

принцессу, но его ловкость сильно уступала эльфийской.

— Не обязательно всюду следовать за мной. — смахнув локон чёрных волос с лица, сказала Дэйелис.

— Это приказ госпожи Мариэль. Я не могу ослушаться.

Дэйелис удивлённо вскинула брови. А потом, прищурившись, стала медленно приближаться.

— А ты точно тот Златоэорис, о котором мне рассказывала мама? Тот Златоэорис, по её словам, мог ослушаться кого угодно без угрызений совести.

— Дэйли, пойми, я ни в коем случае не собираюсь ни в чём тебя ограничивать. Я пообещал твоей матери быть рядом, но не обещал быть строгим надзирателем. Мы можем стать с тобой друзьями.

— А ты хотел бы стать мне другом?

— Я не хотела бы стать тебе врагом.

— Да будет так восклицательный знак-торжественно заявила девушка. — нарекаю тебя, Златоэорис, страж Ордена Белых Лилий, драконий наездник, другом принцессы Дэйелис, дочери принца Фаолина, сына ныне покойного короля Арагнаста, и Мариэль, Посланницы Солнца.

— Почту за честь. — стараюсь держаться столь же торжественно, ответил Златоэорис.

В голубых глазах принцессы сверкнула озорная искра, и, словно это было сигналом, Игеред и Агнар звонко рассмеялись.

— Повезло тебе! — Игеред хлопнул Златоэориса по плечу. — Мы с Агнаром проходили суровые испытания, для того чтобы заслужить посвящение в друзья принцессы.

— Да, подхватил шутливо Агнар. — Нам даже пришлось стать одинаковыми с лица, потому что Елис пожелала видеть рядом с собой воинов, как на подбор.

— Слышал, что те, кто не прошёл испытания, больше никогда не удостоятся беседы с принцессой. — подначивал Игеред.

— Поразительно! — воскликнул Златоэорис.

— Это точно! Дэйелис у нас просто так к себе никого ещё не подпускала.

— Да я не об этом. — Златоэорис снял со своего плеча руку эльфа точка-вы так искусно шутите, что я не всегда различаю где в ваших устах и стена, а где забава.

— Потому что они не шутят. — Совершенно серьёзно Дэйелис.

Златоэорис вперил в неё растерянный взгляд. Спустя секунду его оглушил взрыв эльфийского хохота. Смеялись все трое, да так, что дракар раскачался и шкоты закрипели, будто присоединяюсь к общему веселью. Златоэорис тоже рассмеялся, сначала нервно, но совсем скоро его смех стал искренним.

— Эй, Елис, если будешь продолжать в том же духе, то дашь повод для сплетен королевского уровня! — смеялся Агнар.

— Ещё бы! — Подхватил Игеред. — принцесса пользуется популярностью среди мужчин!

— У дочери Посланницы Солнца нет ни одной подруги, но зато целых три друга! — перехватил Агнар

— Наследница престола окружает себя парнями!

— Довольно! — Дэйелис, ещё мгновение назад весело смеющаяся, вдруг стала серьёзной.

Могло показаться что шутки рыжих эльфов могли её оскорбить. Златоэорис решил, что

так оно и есть точка Но на самом же деле Дэйелис с радостью продолжила бы дурачиться, если бы не увидела приближающегося Фаолина.

Отец строго позвал её с берега, решив не подниматься на борт. Он выглядел измождённо. Фаолин осунулся, волосы всклокочены, хотя он и старался следить за внешним видом, но и одежда его немного истрепалась и собрала, оказалось, всю прибрежную пыль. Дэйли знала, что отец уже много дней почти не спал. Он всё время был занят самыми различными делами, ведь забота об эльфийском народе целиком и полностью легла на его плечи. В перерыве между переговорами, строительством кораблей и решением множества проблем он заботился об Иналии.

Давал ей зелье, которое по подтверждению Максин поможет ей. Нашептывал сестре на ухо о том, как скучает и ждёт её выздоровления. Следил за тем, чтобы в её покоях всегда было тепло.

Если эльфы не выберут его королём, они окажутся самой неблагодарной нацией, решила Дэйли. Ведь никто из прибывших в Малат кандидатов на трон не делает для народа столько, сколько Фаолин.

— С этим кораблём уже надо было закончить, Дэйли. — Упрекнул отец. — Нам нужны эльфы для следующего.

Мы уже закончили. — Промолвила она смиренно. — Я только задержалась проверить, всё ли сделано правильно.

— Поспеси. — Только и ответил Фолин. Развернувшись он пошёл по берегу против течения реки. Дэйли, близнецы и Златоэорис последовали за ним туда, где около двух дюжин эльфов уже произносили нараспев заклинания над высаженными в ряд деревьями.

Фаолин с дочерью и её друзьями присоединились к трудящимся. А Златоэорис остался наблюдать в стороне, чтобы не мешать. Правда долго стоять без дела ему не дали. Какое-то гном всучил ему в руки рубанок и, группа схватив за руку потащил в сторону.

Дэйли лишь краем глаза успела увидеть это и не сразу поняла, что это был Кирби, а не просто какой-то гном. Проследить куда уводят её новоиспечённого друга, она не смогла. Ей нужно было сосредоточиться на том, чтобы вырастить из этих деревьев корабль.

Это был куда более гуманный, быстрый и изящный способ построить судно. Для этого не нужно было вырубать леса, шлифовать доски и заниматься прочими неприятными и долгими делами. Этот способ позволял двум десяткам эльфов за день построить два драккара.

Сначала они высаживают в ряд семена деревьев. И начинают петь заклинанием, благодаря которым из семян вырастают крепкие деревья. Их стволы изгибаются у самого основания и сразу принимают нужную форму. Прямо сейчас Дэйелис с остальными работали над тем, чтобы сформировать киль точка ветви деревьев переплетались так плотно что меж ними не было ни одной микроскопической щёлочки. Стволы срастались друг с другом, становясь единым целым.

Час ушёл на сооружение дна. После небольшой передышки, эльфы продолжили точка они пели, а ветви деревьев, которые всё ещё держались корнями за земную твердь, переплетались между собой, обустроивали трюм. Сплетались в балки, решётки, трап, кормовой люк, небольшую каюту. После ещё одного перерыва эльфы соорудили палубу из центра её выросла мачта, а как продолжение одного из стволов точка нос вытянулся, плавно становясь бушпритом. Когда почти всё было сделано, корни деревьев стали вытягиваться из земли и, скручиваясь и извиваясь, образовали фальшборт, завершает творенье.

Оставались значительные, но не требующие магии и детали: паруса, вёсла и прочая атрибутика. Однако думать о ней Дэйли уже не могла. Солнце уже село. Поднималась метель. Многие рабочие уже разошлись по домам.

Дэйли огляделась по сторонам, надеясь найти Златоэориса, но нигде его не видела.

— Скорее всего он уже ушёл. — Зевнув, предположил Агнар.

— Да, все люди так делают. — поддержал друга Игеред, приняв эстафету зевоты.

— О чём это ты? — недоумённо спросила Дэйли.

— А ты разве не знаешь?

Дэйли хотела послушать что скажет её друг но к троицу подошёл Фаолин.

— Нужно возвращаться домой. — Сказал он.

— Как это, мы покинем Малат? — удивлённо спросила девушка.

— Нет, идём в цитадель.

— Это не наш дом. Наш дом наверняка уже разрушили Чёрные Ящеры. — тоскливо вздохнула она.

— Возможно. Поэтому мы должны сделать всё, чтобы победить. Иначе мы больше ничего не сможем называть домом.

Фаолин протянул руку дочери и ей стало легче. Они вошли в город и по пустынным улицам направились к замку.

— Ты разговаривал сегодня с мамой? — снова заговорила Дэйли. Ей не хватало общения с отцом. Он всё время был в делах и не успевал перекинуться с ней и парой слов. Она хотела взять из этого момента, когда они вместе возвращаются домой, всё. Потому что неизвестно когда ещё они смогут побыть вместе наедине.

— Утром.

— Есть новости?

— Не самые приятные.

— Не томи. — Дэйли волновалась, но была уверена если бы с мамой что-то случилось отец сразу бы ей рассказал.

— Вернее самые неприятные. Лира мертва.

На глаза Дэйли навернулись слёзы. Она полюбила пегаса. Чуть ли не больше самой Мариэль. Лира была для неё полноценным членом семьи. Поверить в то что её не стало было тяжело.

— Это всё? — Сдерживая дрожь в голосе спросила она.

— Лафтлин по собственной воле ушла с незнакомцем. Его зовут Рокас и он ниледерф. Мариэль сказала, что он всего лишь путешественник и пообещал Лафитлин показать ей мир. Убедившись, что ей не угрожает опасность, Мариэль возвращается сюда.

— Мама возвращается? — облегчённое и даже радостно вздохнула Дэйли.

Фаолин понимал, что этот вопрос не требует ответа, поэтому промолчал. Они вместе вернулись в цитадель. Но отправились не в свои покои, а решили навестить и Иналию. Дэйли очень устала, но она должна была быть рядом с тётёй. Это её долг. Только почувствовав близость любящих её людей, Иналия покинет астрал. Пусть даже ради этого придётся пожертвовать сном.

Часовые у входа в покое принцессы, вытянулись по струнке при виде идущих. Они отворили дверь и пропустили эльфов.

Едва ступил в за порог апочевальни, Фаолин выхватил из ножен свой меч. С него разом сошла вся усталость, оставив лишь ярость и решимость. Дэйлиис вскочила следом, готовясь

ударить магическим разрядом.

— Кажется я задержался здесь. — Приподнявшись с кресла у изголовья кровати, проговорил Фулдур.

Фаолин бросился на него, замахнувшись мечом. Но бело-рыжая тень, метнувшаяся с кровати, преградила ему путь.

— Стой, брат точка он не сделал ничего плохого!

Больше книг на сайте - Knigoed.net